

СБОРНИК ОЧЕРКОВ

*Не верь
тому,
что
говорит
пророк...*

г. Биробиджан, 2007 г.

НЕ ВЕРЬ ТОМУ, ЧТО ГОВОРIT ПРОРОК...

Сборник очерков

Сборник очерков журналистов ЕАО для широкого круга читателей об истории, экономике, культуре и замечательных людях, внесших свой вклад становление и развитие автономии. Может служить прекрасным дополнительным историческим материалом для изучения в средних и высших учебных заведениях.

Отпечатан по заказу Союза журналистов
Еврейской автономной области.

Редактор НЕБУРОВА Л.А.

Верстка и дизайн БОГДАНОВА В.Е.

Союз журналистов ЕАО выражает искреннюю благодарность
за использование фотоснимков и рисунков

М.А. Шестопалову, Е.Б. Вепринскому, Э.М. Тираспольскому, В.И. Цапу
и всем-всем, кто оказал помощь и содействие в подготовке
сборника к печати.

© Союз журналистов ЕАО

© Небурова Л.А.

Людмила НЕБУРОВА,
председатель Союза журналистов ЕАО

СОВСЕМ НЕ СЛУЧАЙНО в заглавие этой книги вынесено начало народной пословицы, пришедшей из глубины веков: «Не верь тому, что говорит пророк. Спроси его, зачем он говорит». «Потому что не в силах молчать», отвечают на это мои коллеги – журналисты областных газет «Биробиджанская звезда», «Биробиджанер Штерн», «Ди Вох» и «Биробиджанская неделя», чьи публикации разных лет представлены в этом сборнике. Наверное, это во многом и определило когда-то

их профессиональный выбор. Авторы всех работ хорошо знакомы читателям нашей области: на протяжении второй половины прошлого и начала этого веков они честно и добросовестно информируют жителей автономии о том, что в ней происходит, рассказывают об удивительных людях, стараниями которых меняется к лучшему наша жизнь, об их пристрастиях и слабостях, о «чудиках» и вундеркиндах.

«**В СТИЛЕ РЕТРО**» открывают первую главу этого сборника ветераны нашей журналистики Нина Филипкина, Валерий Панман, Федор Фетисов, проработавшие в печатных средствах массовой информации автономии по пятьдесят и более лет. Они первыми в 1957 году вступили в профессиональную творческую организацию – областную Союз журналистов – и все эти годы активно работали в ней, помогая своим молодым коллегам постигать азы и этику журналистики.

ЖУРНАЛИСТСКИЙ СТАЖ Николая Немаева, Людмилы Чемортан (Усовой) и Валерия Фоменко чуть поменьше, но это не делает их творчество менее значимым. И сегодня этих мастеров слова узнают, как говорится, по почерку. У каждого есть своя читательская аудитория. Их публикации – во второй главе «Хранители памяти».

ПО ТРИДЦАТЬ И БОЛЕЕ ЛЕТ отдали журналистике Михаил Клименков, Ада Котова, Ирина Маноilenко, исколесившие в свое время нашу область вдоль и поперек. О своих встречах на журналистских дорогах рассказывают они в третьей главе «Ковчег Амурский».

В СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ редактор отдела новостей «Биробиджанской звезды» Виктор Антонов вступил недавно, но в ЕАО уже успел зарекомендовать себя опытным газетчиком. Александр Драбкин и Татьяна Брехова, наверное, тоже могли стать членами нашего творческого Союза, но, как говорится, увы... И хотя дальнейшая служебная деятельность обоих уже не связана с журналистикой, что очень и очень жаль, мы разместили их публикации в четвертой главе «Да воздастся добром».

ЭТА КНИГА – ПЕРВАЯ попытка областного Союза журналистов собрать воедино самые интересные публикации печатных изданий автономии. Хочется верить, что вопреки поговорке о комковатом блине, наш – хорошо пропечется, будет ажурным и румяным и, конечно же, не последним.

*В стиле
ретро*

Нина Филипкина
Валерий Панман
Федор Фетисов

**Нина
Николаевна
ФИЛИПКИНА**

В журналистику Нину привел случай.

Будучи по образованию педагогом, она сначала преподавала английский язык в ПТУ, затем в школе.

Как-то отнесла несколько своих заметок в газету.

Они понравились главному редактору и он предложил молодой учительнице работу в редакции «Биробиджанской звезды».

Так журналистика стала делом всей ее жизни, ее любовью, ее страстью.

– Я не журналист, – говорит Нина Николаевна, – я газетчик. Газета для меня – все. Я считаю, что ничего важнее газеты нет. Это – всегда свежие новости и нужная людям информация, а также малые формы литературы: очерки, рассказы и, даже поэзия.

К поэзии у нее отношение особое. Дело в том, что в первые годы работы в газете ей пришлось на какое-то время стать переводчиком.

После смерти Сталина из ГУЛАГа стали возвращаться еврейские поэты и писатели: Любовь Вассерман, Ицик Бронфман и другие. Они писали на идиш.

По-русски говорили плохо, а журналистов, способных перевести стихи и прозу с идиш на русский, в газете тогда не было. Выручила Нина Николаевна.

Позже она много помогала молодым, начинающим журналистам и поэтам. Первая открыла талант в школьнике Толе Кобенкове, ставшим в дальнейшем известным всей стране.

Нина Николаевна Филипкина – лауреат многочисленных творческих конкурсов областного и всероссийского масштаба. Удостоена Почетной грамоты Союза журналистов России.

Золотые перья Биробиджана, или Эхо памятных встреч

Этюд первый ДОН КИХОТ ПО ИМЕНИ ВОЛОДЯ

Впервые о Владимире Шульмане мне рассказала Люба Вас-серман, имя которой так или иначе связано с судьбой каждого литератора нашей области, а позже многолетнее знакомство сблизило меня с Евгенией Фаликовой, вдовой поэта, которая показала мне письма и телеграммы, фотографии и документы, оставшиеся от его недолгой, но яркой жизни.

Сокурсники по Московскому коммунистическому уни-верситету звали его между собой Дон Кихотом. Наверное, за оригинальные и благородные поступки. Взял, например, и неожиданно для всех уехал из столицы в неведомый Биро-биджан, хотя парня с нетерпением ждали родичи в Белору-ссии. А потом в дальневосточных газетах стали печататься стихи и очерки Володи, поражающие читателей четкостью мысли, свежими поэтическими образами. Не оставил без внимания эти работы и маститый еврейский писатель Давид Бергель-сон, предсказав юноше незаурядное творческое будущее. Од-

Владимир Шульман над фронтовыми заметками.

нажды как штатный сотрудник облученской газеты «Стальной путь» Владимир познакомился в Бираканском мраморном карьере с Любой Вассерман, известной уже в области и крае поэтессой. Люба удивилась, когда начинающий журналист уверенно сказал: «Наш камень еще заблестит в московском метро». Теперь-то мы знаем, что так оно и вышло.

Вот что написал в те далекие дни о юном коллеге Борис Миллер: «Худошавый парень выше среднего роста, с вдумчивым взглядом черных глаз, устремленных сквозь очки на собеседника, — таким мне запомнился Владимир».

Как истинный Дон Кихот, Володя, конечно же, нашел свою Дульсинею — судьбу. Женя училась в педтехникуме — так называлось до войны будущее Биробиджанское педагогическое училище. Девушке не было и восемнадцати, а Володя едва распрощался со вторым десятилетием. Он уехал из Облучья, устроился на работу в «Биробиджанер штерн» и женился. Шульману дали небольшую квартирку в деревянном доме напротив вокзала — теперь на этом месте магазин «Цимес». В свободное время Владимир постоянно навещал Любовь Шамовну, представляя на ее суд свои литературные работы. Женя, не ведая о возрасте Любы, обижалась, когда молодой муж, едва придя с работы, объявлял: «Сбегаю к Любе,

она меня ждет». А что до стихов, то Жене и самой они очень нравились. Хотя бы вот это:

*Облака бегут по сопкам,
С неба сонный снег валит...
В центре тихого поселка
Домик маленький стоит.*

*Тускло светит лампа в доме
И в печи дрова трещат.
Подперев щеку ладонью,
Паренек глядит в тетрадь.*

*От бессонницы набухли
Веки парня из тайги,
И в его тетради буквы
Словно первые шаги.*

*Над Бирою зла пороша,
Но добры людей дела —
В этом домике хорошем
Школа первая была...*

Жаль, не сохранился на улице Советской этот своеобразный памятник первостроителям города.

Да, не зря Володю Шульмана звали Дон Кихотом. Только воевать ему пришлось не с мифическими мельницами, а с реальным и жестоким врагом — фашизмом.

В мае сорок первого пылал багульник на сопке, но Жене, уже матери двоих сыновей (Аркаше — два годика, Фиме — второй месяц), некому было дарить букеты. Володя служил в армии, а едва отцвел ландыш, началась война.

— В начале июля он уезжал на фронт, — рассказывала мне Евгения Фаликовна. — Когда эшелон остановился в Биробиджане, заскочил домой — минутное дело от вокзала. Взял из кровати Фиму, поцеловал. Несколько раз сказал мне: «Жди, Женя, жди...». Потом хлопнула дверь... Вот и все...

Так из юной жены в неповторимую весну жизни стала Женя Шульман молодой солдаткой с двумя малышами на руках. И, как все солдатки тех лет, жила ожиданиями. Казалось, из другого мира приходили к ней необычные письма-треугольники со штампом полевой почты — осколки трепет-

ного сердца воина, наполненные гневом, болью, тоской и надеждой:

«29 мая 1943 года. События летят, как вода в Бире. У меня новый адрес, а работа все та же: мы бьем фашистов. Милая моя жена, скоро мы освободим Украину. Гарантия тому — шквал огня, летящий на голову врагу. И это только начало».

Я не решаюсь предать гласности слова любви, обращенные к жене и детям, — пусть они останутся в сердцах тех, кому были адресованы. Но одно четверостишие... Оно словно сгусток чувств, обуревавших солдата вдаль от дома:

*Я вернусь влюбленный, как Есенин,
И увижу: сквозь туман и дождь
Ты ко мне по улице осенней
Как весна и музыка идешь...*

В редакцию «БШ» Володя отправлял фронтовые очерки. Один из них был посвящен подвигу биробиджанца Вольфа Римского — бывшего столяра артели «Деталь», который в боях за Сталинград, израсходовав все снаряды бронебойного оружия, бросился с гранатами под вражеский танк. В публикациях В. Шульмана перед мысленным взором читателей как живые вставали героини-артиллеристы из расчета Андрея Щербакова, бойцы интернационального взвода гвардии лейтенанта Джимбалидзе, друзья-бронебойщики — таджик Саид Джанлиев и наш земляк Яша Кац, отбившие у фашистов машину с боеприпасами и после тяжелых ранений продолжавшие бой.

Биробиджанцы ждали от Володи все новых и новых материалов, а в это время фронтовая газета писала: «Смелость и солдатскую смекалку проявляет группа автоматчиков во главе с гвардии лейтенантом Владимиром Шульманом». Сам же он о себе сообщал скупое: «Дорогие друзья, полтора года хожу дорогами войны. Дрался в Ростове, Сталинграде, два раза ранен. Посылаю фронтовые записки. Гонорар, как всегда, жене».

Он погиб на 25-м году жизни. Женя долго не верила похоронке, но однажды очевидец детально описал ей обстоятельства рокового боя, назвав точное место захоронения офицера — село Елизарово Солянинского района Днепропет-

ровской области, прислал снимок: на обелиске среди других фамилий высечено имя журналиста из Биробиджана...

...В их совместной жизни была только весна. А в разлуке, оказавшейся вечной, каждый шел своим нелегким путем, и юность отступала под натиском войны, невзгод и работы. Женя достойно воспитала сыновей. Аркадий — врач, Ефим — инженер. Она ушла из жизни с сознанием исполненного долга. В последнюю встречу мы вновь вернулись к стихотворению «Школа», и Женя тихо прочла его заключительные строки:

*И кому-то будет сниться
Город завтрашнего дня —
Удивительные лица,
Свет из каждого окна...*

Моя собеседница охотно возвращалась в прошлое, и не-
трудно было понять рефрен ее воспоминаний: как молоды
мы были...

Этюд второй

ГОЛУБАЯ МЕЧТА БЕТЦАЛЕЛА

В конце сороковых годов ушедшего века на улицах нашего города весьма часто можно было встретить этого мужчину — среднего роста, худощавого, с грустным взглядом и смущенной улыбкой. С неизменным портфельчиком, он заходил в подъезды деревянных двухэтажек, где его встречали тощие кошки и застоявшийся запах неблагоустроенного жилья. Двери квартир чаще всего бывали беспечно открытыми, а домохозяйки здоровались со скромным визитером как с давним знакомым...

— Борис Эльевич! Вы, слава богу, на ногах и при деле. Располагайтесь за столом — здесь будет удобно писать. Фира, выйди на кухню — наш агент пришел.

И Фира (Маня, Бетя, Песя) выходила, причем всегда с подходящим для времени года угощением: кусочком фаршированной рыбы, штруделем, свежим соленьем, а то и тарелкой бульона с манделэх. Завязывался разговор о том, о сем. Гость обладал редкой способностью терпеливо и заинтересованно слушать собеседниц, и женщины говорили охотно.

Агент по сбору платы за пользование радиоточкой — была такая должность на молодом радиовещании. Но биробиджанцы и не подозревали, что, принимая квитанции из рук

симпатичного служащего, общались с признанным в литературных кругах страны еврейским писателем, две повести которого — «Реет красное знамя», «В освобожденной Волинии» — пользовались немалым спросом у книголюбцев южных республик, а в ящике рабочего стола «агента» пухла рукопись романа «Рио-де-Жанейро». Не подозревали они и о том, что в замыслах прозаика сами становились прообразами героев и героинь будущих его рассказов и очерков

К тому времени Борис Эльевич Бородинный носил уже звучное литературное имя Сальвадор Боржес. Откуда у советского писателя такой псевдоним?

Бедный еврей Эля из украинского местечка Рожины по совету глубокочтимого им раввина дал своему третьему ребенку редкое имя Бетцалел. Но уже в детстве для простоты общения мальчика звали просто Борей. Родился он на заре двадцатого века и вместе с мятежным столетием прошел многие версты опасных дорог. К берегам Биры приехал в зрелом возрасте, но жил здесь до последнего дня, что позволяет называть Боржеса-Бородинного биробиджанским писателем, хотя раннее творчество этого незаурядного человека было отдано Рот Фронту.

Я познакомилась с ним в середине пятидесятых у Любы Вассерман, дом которой был воистину штаб-квартирой биробиджанской интеллигенции. Сама поэтесса только что вернулась из мест не столь отдаленных, где безвинно мучилась в заключении вместе с Бузи Миллером, Наумом Фридманом, Исраэлем Эмиотом и другими «космополитами» из биробиджанской литературной среды. Боржес по совету Любы дал мне подстрочник рассказа «Баба Рива» для перевода на русский. Коротко рассказал о себе, подробности же необычной жизни Бориса Эльевича поведали мне его друзья, а спустя много лет и его дочь Валерия Борисовна Коган, ветеран педагогического труда, проживающая и сейчас в Биробиджане.

Потеряв в детстве родителей, Бетцалел очень бедствовал, особенно с началом империалистической войны. Попав в группу перемещенных лиц, он очутился в Бразилии, где его ошеломили великолепная природа и контрасты жизни: нищета негров, метисов, переселенцев на фоне сказочного богатства финансовых и политических воротил. Юноша познакомился с коммунистами, занялся самообразованием и всту-

пил в МОПР (Международная организация помощи рабочим). Его вовлекли в революционную борьбу и сотрудничество в пролетарских изданиях, преследуемых охранкой. Тогда-то в целях конспирации Бетцалел и взял себе псевдоним Сальвадор Боржес. От простых воззваний талантливый рабочий перешел к публицистике, а потом задумал сюжет романа о судьбах бразильских бедняков и бойцов Красного Фронта. По поручению МОПРа он стал ездить в командировки по Советскому Союзу, где и собрал материал для первых повестей. Когда до молодого человека дошла весть о строительстве Еврейской автономии на Дальнем Востоке, о смелых «искателях счастья», он безоговорочно решил ехать в таежный край, тем более, что в 1928 году Боржес, как неблагонадежный, был выслан из Бразилии. Впрочем, у него была возможность хорошо устроиться в Харькове или Минске. Однако до отъезда на Восток в биографии Бетцалела произошли весьма важные события.

По дороге в СССР Борис Эльевич остановился в Берлине, где сблизился с выдающимися деятелями международного коммунистического движения — Вильгельмом Пиком, Иоганесом Бехером, Людвигом Ренном, которые горячо одобрили его публикации в польской газете «Фольксштиме» и автобиографическое повествование «Без крыши над головой». Не удивительно, что Сальвадор Боржес оказался в числе делегатов Второго Всемирного Конгресса пролетарских писателей в Харькове. В поезде Берлин—Москва он познакомился с другими участниками Конгресса: немецкой писательницей Анной Зегерс, знаменитым Луи Арагоном и американцем Майклом Голдом, автором известного романа «Евреи без денег».

Поездка в Харьков явилась переломом в личной судьбе Бориса Эльевича — он встретился с сельской учительницей Дорой Григорьевной, красивой, эрудированной женщиной, знающей несколько иностранных языков. Дора поддержала намерение писателя навсегда остаться в СССР. В 1935 году молодожены приехали в Биробиджан, где поселились в одном из бараков на улице Калинина. Боржес стал сотрудничать в «Биробиджанер штерн», Дора Григорьевна устроилась в библиотеку. Продолжалась и вдохновенная работа писателя над романом. Однако менее чем через два года Борис Эль-

**Борис Эльевич Бородинский
носил звучное литературное
имя Сальвадор Боржес.**

евич был арестован. Да, убежденный коммунист, антифашист, друг Анны Зегерс и Иоганеса Бехера, провел в одном из лагерей ГУЛАГа долгие месяцы. Вернулся оттуда больной, с сердечной астмой, спазмами головного мозга, изматывающей бессонницей. Другам журналистам удалось отправить его на курорт, выхлопотать квартиру в доме писателей — было такое здание недалеко от хлебозавода. Борис Эльевич приободрился, с новыми силами работал над циклом рассказов и, конечно же, над романом, печатался в «Форпосте» и «Эйникайт». Его новелла «Начало» была опубликована в сборнике «Нейтив ленд» на английском языке. Писатель воспевал трудовой энтузиазм еврейских переселенцев-строителей области. Особенно много Боржес трудился во время войны с фашистами.

А в 1949 году страну захлестнула новая волна репрессий, когда были арестованы лучшие еврейские литераторы стра-

ны и, разумеется, Биробиджана. На этот раз, однако, причислив Бориса Бородинного к космополитам, его все же оставили на свободе, но «без права публиковаться даже в периодических изданиях». Вот тогда-то Борис Эльевич с трудом устроился в радиокомитет агентом по сбору абонентской платы. В те грустные годы жизнь его семьи скрашивала теплая дружба с четой Тенцеров — Борисом Соломоновичем и Марией Борисовной — весьма уважаемыми в городе медиками. Вместе они навещали Анну Абрамовну Миллер и Михаила Абрамовича Бенгельсдорфа (мужа Любы Вассерман), помогали им чем могли, подбадривали. В домашней библиотеке Тенцеров я видела несколько книг Сальвадора Боржеса с дарственными надписями. На закате жизни Борис Соломонович Тенцер удостоился звания почетного гражданина ЕАО.

После 1956 года амнистированным еврейским поэтам и писателям вновь открыли дорогу в печатные издания, но к тому времени Борис Эльевич был уже тяжело болен и душевно подавлен, хотя и не прерывал работы над «Рио-де-Жанейро», романом, издание которого занимало все его помыслы, подобно голубой мечте жизни. На идише удалось опубликовать лишь небольшие отрывки из этого многопланового произведения.

Сальвадор Боржес. Невелико реальное наследие мастера еврейского слова, но в этом нельзя упрекнуть самого прозаика. Трудился он без устали, не считаясь с пошатнувшимся по известным причинам здоровьем. Не суждено было ему обрести своего переводчика — знание идиш в те времена считалось весьма опасным, и только малая часть произведений Сальвадора Боржеса дошла до русскоязычного читателя: небольшие новеллы да биробиджанские очерки.

Литератор умер в 1974 году, почти не питая надежды, что «Рио-де-Жанейро» когда-либо выйдет в свет. А рукопись все еще хранится у Валерии Борисовны, упорно дожидаясь любознательного и талантливого переводчика, не утратившего или познавшего чувство самобытного языка, который столь долго и нежно назывался мамэ-лошн...

Этюд третий

ИЗ ПЕКЛА БОЯ – В БАЛЬЗАМ ПОЭЗИИ

Человек с неприметной внешностью мастерового и глубоко поэтическим восприятием мира — именно таким мне запомнился Исаак Львович Бронфман, которого в кругу близких звали кратко и ласково — Ицик.

Он родился поэтом, потому что просто не мог им стать в круговерти судьбы, уготовившей ему сиротское детство, тяжкий труд в краю тайги и болот, а затем — огненные версты страшной войны. «Не ласкало меня время, не щадило», — пишет Исаак о себе уже в преклонном возрасте...

Очень немногие читали Бронфмана в подлиннике, потому что писал он на идише, но лучшие стихотворцы страны почитали за честь работать над дословными переводами (подстрочниками) самобытного поэта. Римма Казакова, Степан Смоляков, Михаил Асламов доносили лирику скромного биробиджанца до широкого читателя. И уж, конечно, Ицик не мог не рассчитывать на творческое содружество с менее именитыми, но зато более близкими ему журналистами областных газет. Виктор Соломатов, Леонид Школьник, Роальд Добровенский, переводя стихи Бронфмана на русский, неизменно сохраняли особенности его творчества — сочетание философского ощущения бытия с задушевыми интонация-

Притягательна сила стихов Исаака Бронфмана

ми. А надо сказать, что был Исаак к переводчикам очень взыскателен:

*Спой, как я. И радость, и улыбки,
И печаль мою испей до дна.
Пусть различны будут наши скрипки,
Но звучит мелодия одна.*

Притягательная сила стихов Исаака Львовича — в их жизненной достоверности. Доброта, милосердие, интернационализм — главные темы творчества поэта. Стихотворение «Птенцы» начинается, кажется, с малого: «Пальнул мальчишка из рогатки». Автор не оплакивает погибшую пичугу, не сетует на детскую жестокость — он потрясен случившимся:

*Нет, дело тут не в сантиментах —
Такая боль меня прожгла,
Как будто пуля в сантиметре
От сердца моего прошла.*

Поэт работал над стихами долго и выносил их на суд читателей не сразу. Рукописи, бывало, месяцами валялись в ящиках его редакционного стола. Заведуя отделом промышленности «Биробиджанер штерн», он с трудом отрывался от газетной текучки, чтобы поразмышлять над черновиками стихов. Так было и со стихотворением «Мы первые». Ицик должен был отдать его Роальду Добровенскому, который в конце пятидесятых служил в Биробиджанском гарнизоне, но солдата отправили на учения, и Ицик попросил меня «покумекать над переводом», поскольку на тогдашнем «переводческом безрыбье» я выдала в свет кое-что из произведений Любы Вассерман и Израэля Эмиота. Кумекала я старательно — дилетант все-таки Но неожиданно Исааку Львовичу перевод понравился и вошел потом во все его сборники:

*Ничьи в долину не вели следы.
Доносит ветер рокот водопада...
Присядь со мною, говорить не надо.
Давай споем под музыку воды.*

*Пусть наши песни слушают цветы,
Девичий голос жадно ловят птицы.
Им у тебя полезно поучиться...
Никто здесь не был — только я и ты.*

Да, случались у Ицика всплески любовной лирики, но все же главной темой поэтического творчества Бронфмана оставалась война. Он писал о ней неброско, достоверно, часто с юмором. На фронте он был танкистом, заместителем командира полка по технической части, а короче — зампотехом, и в стихах увлеченно рассказывал о замечательных своих однополчанах и только через их образы — о себе. В этом плане очень характерно стихотворение «Экипаж». Читатель зримо представляет себе командира танка Голованова, кубанского казака, стрелка Яшу Риммера — портного из Одессы, механика-водителя сибиряка Саню Антонова, связиста Ваню Страха, книгочея и мудреца. А что за прелесть стихотворение «Исправленная оценка», написанное, по-моему, на одном дыхании, с доброй улыбкой! В освобожденном Будапеште припомнил автор курьезный случай в школе, когда он не мог найти этот город на карте, и старый строгий учитель географии поставил ему «единицу».

*Мой дружок, механик-сибиряк,
Помню, мне тогда сказал с улыбкой:
«Ты, земляк, не убивайся шибко,
Ты теперь в отличниках, земляк:*

*Не на карте, а в святом бою
Ты нашел венгерскую столицу.
Дома в школу загляни свою —
Пусть старик исправит «единицу»...*

В тридцатых годах Бронфман жил и работал в Приамурье. Корчевал тайгу, был сельским механизатором, слесарил в депо. Не будучи певцом дальневосточной экзотики, он часто размышлял в стихах о единстве человека и природы: «Со мною нынче говорил подснежник», «Море-море, чего тебе хочется?» Ицик искренне любил Биробиджан, область. Хрестоматийным стало его стихотворение «Улица имени Шолом-Алейхема» (перевод В. Соломатова). Людям будничного подвига посвящены «Машинист», «Теплоозерцы», «В родном селе» Но все же мне хочется вернуться к тем его стихам, в которых поэт раскрывает чудодейственную силу добрых человеческих чувств и помыслов. Венцом этого мотива является «Доброе слово» — своеобразное этическое кредо автора. Он утверждает, что к убитому горем человеку надо подходить не с валидолом — достаточно сердечного слова, но

*Оно должно быть добрым, как цветы
На день рожденья, как в походе фляга,
Прозрачней родниковой чистоты
И честным, как военная присяга.*

К сожалению, в житейской суете это доброе слово нередко обходило стороной самого Исаака Львовича. Не потому ли в одном из последних стихов он говорит о себе не в ироничном, как обычно, тоне:

*С годами больше я в недугах одинок,
И желтая метель шуршит у самых ног.*

Последний раз я разговаривала с ним в хабаровском парке, после очередного семинара журналистов. Как всегда, небрежно одет, курит дешевые сигареты и говорит словно бы про себя:

– Хехцир. Я думаю о цвете этих сопок за Амуром. Темно-голубой? Матово-синий?

Морщит лоб, щурится и вдруг расцветает в улыбке:

– Цвет спелой голубицы на кусте!

Такие вот непритязательные, но точные сравнения или неожиданные по своей простоте метафоры были присущи перу поэта.

Желтая метель Но отшуршал и последний листопад. Ицик не дотянул до шестидесяти пяти, а в прошлом году мы бы отметили его девяностолетие. Однако в мире есть справедливость — талант продолжает жить, даже если его владелец покинул пределы земного бытия. Невольно вспоминается эпиграфия Леонида Школьника:

*Он до сих пор со мной, солдат и человек,
Которого война ломала, не сломала,
Веселый человек, которому вовек
И ласки, и любви — увы — не доставало...*

*Давно его стихи на память знаю я,
Я знаю суть его и горечи, и смеха.
Среди знакомых лиц, средь ваших лиц, друзья,
Мне так недостает улыбки зампотеха...*

Этюд четвертый ЭТО ТЕПЛОЕ ИМЯ – ЛЮБА...

Напротив здания, где размещается сейчас редакция «Биробиджанской недели», стоит потемневшая трехэтажка хрущевских времен, на восточной стороне которой укреплена мемориальная доска с барельефом немолодой уже женщины. Надпись гласит: «В этом доме жила поэтесса Любовь Шамовна Вассерман». Можно было бы добавить, что необычную судьбу, муки и радость творчества знатной биробиджанки делил с ней муж Михаил Абрамович Бенгельсдорф, замечательный артист и режиссер еврейского народного театра в нашем городе. И еще можно было бы подчеркнуть, что Л. Ш. Вассерман была автором не только стихотворений, но и талантливых очерков о первостроителях автономии, а также многих познавательных автобиографических рассказов.

В историю литературной жизни Биробиджана вместе с другими мэтрами еврейского пера она вошла с именем Люба, с ним и осталась в памяти всех, кто знал ее, чтит и помнит до сего дня.

Люба Вассерман — самобытная художница слова, мудрая и по-настоящему интеллигентная женщина, если считать за факт, что интеллигентность не зависит ни от социального происхождения, ни даже от формального образовательного

ценза. Несмотря на тяжкие испытания судьбы, Люба до конца дней сохранила чистоту и естественность обращения к людям, а также веру в конечную победу добра на Земле.

Я познакомилась с ней, когда в переулке Театральном не было не только мемориальной доски с Любиным барельефом, но и самого дома. Здесь простирался пустырь, устланный отходами лесозавода — рабочей зоны бывших «зеков». Необычными оказались обстоятельства нашей первой встречи. Злобный вихрь репрессий 40-50 годов забросил в Биробиджан после северных лагерей поэта-эмигранта Исраэля Эмиота (Гольдвассера). Отсюда ему предстоял обратный путь в Польшу. Всем миром собирали биробиджанцы средства на дорогу для этого незадачливого талантливое человека, который какое-то время трудился на местной швейной фабрике. Я помню его в помятом хлопчатобумажном костюме, резиновых тапках, с фанерным чемоданчиком в руке, худого, высокого, очень бледного. Лицо Эмиота молодело, когда он улыбался — рассеянню, как-то даже беспомощно. Стихи он писал на идише, поэтому в «Биробиджанскую звезду» почти не заглядывал. А редактором русской областной газеты был в то время Анатолий Михайлович Гумин, большой эрудит и человек непредсказуемых поступков. Он решил, что «Биробиджанка» тоже должна протянуть руку помощи незаслуженно пострадавшему польскому еврею, который и приехал-то к берегам Биры с намерением написать о необычной новостройке. И в этом его поддержала Люба, хотя в те дни сама только-только вернулась из ГУЛАГа вместе с собратьями по перу и «космополитами» биробиджанского разлива. Помочь Эмиоту материально Гумин мог только повышенным гонораром. Но кто переведет поэта на русский? Виктора Соломатова еще не было в области, Роальд Добровенский уехал по делам армейской службы, а Леня Школьник ходил тогда в юнкорах. Люба напомнила редактору о моем недавнем случайном переводе стихотворения Бронфмана, и я по просьбе Анатолия Михайловича робко села за подстрочник эмиотовских «Саженцев». Люба позвонила, когда выстрадавший опус увидел свет, и начала с того, что своим тихим мечтательным голосом прочла:

*Сторожем саженцев стал я весною,
Ветер, и тот, их жалеет — не треплет...*

Люба Вассерман: Биробиджан – мой дом.

Потом предложила встретиться, чтобы познакомиться поближе. Конечно, я с радостью откликнулась на этот призыв.

Необычна и сложна судьба Любы. В стихах и прозе рассказывает она о родном местечке Славутич, где провела детство «без крова и без пищи». Беженка из панской Польши и подмандатной Британии Палестины, Люба вошла на равных в творческую студию, которой в тридцатые годы руководил в Биробиджане Давид Бергельсон, а в работе ее участвовали Эммануил Казакевич, Борис Миллер, Григорий Рабинков. Позже Люба напишет: «Теперь, когда я постарела, когда голова стала тяжелой, а чувства светлее, когда печаль о прекрасных годах юности поселилась в сердце, — я хочу восстановить образы тех, с кем корчевала тайгу и прокладывала первые тропинки на биробиджанской земле. Увы, многие из них погибли в боях с фашистами». Но поэты не умирают, утверждала она в своих воспоминаниях о Борисе Олевском, Ароне Гофштейне, Генрихе Койфмане, Владимире Шульмане. Все, что Люба с большим чувством написала об области, ее людях, природе, можно объединить ее же словами: «Биробиджан — мой дом, и песнь моя — о нем».

В свое время Любу переводили на русский многие литераторы края, а в нашем городе с ней больше всех работали Виктор Соломатов и Леонид Школьник, последнего она особенно любила. Я же могу гордиться лишь тем, что открыла ее для наших читателей как прозаика. В этом жанре я, конечно, чувствовала себя более уверенно, чем в поэзии. Мы часами сидели с ней за составлением подстрочника — переводы всех рассказов авторизованы. Неоценимым помощником для нас оказался Михаил Абрамович Бенгельсдорф, который одинаково хорошо чувствовал и русский, и идиш. Первым и, пожалуй, самым лучшим результатом усилий нашего трио явился рассказ «Гнилкелэх» о деде Навтолэ и его маленькой внучке. Потом были «Эстер», «Звезда над Бугом», очерки о Биробиджане и биробиджанцах довоенных лет. Работали мы и над вторым стихотворением Эмиота «Биракан». Как сейчас слышу Любин голос: «Биракан — это горстка домиков. Как стадо овец, они рассеяны по косогорью, словно потеряли своего пастуха, но еще слышат отдаленный звук его свирели. И вдруг — поезд, свист, шум. Умчался состав, но после него остается хорошая весть, которую он принес в эту жизнь, искры огня, которые он уронил». Разве не поэтично?

На берегах Биры Люба познала все отпущенные женщины радости: любовь, материнство, признание читателей. Здесь она пережила войну и счастливую весть о победе. Но однажды случилось непредвиденное: по сфабрикованному обвинению она в числе других творческих работников областного центра была арестована, и прошли долгие годы, прежде чем Люба вернулась к семье и стихам

Возле этой женщины все казалось светлее, в каждом из близких она старалась видеть лучшее, любое проявление творческих способностей человека всегда восхищало и радовало ее. Однажды Виктор Соломатов прочел ей стихотворение семиклассника Толи Кобенкова, которое мальчик принес в мою очередную полоску для пионеров и школьников. Называлось оно «В школьной библиотеке». Люба была поражена и, прощаясь, сказала, что мы в этот день подарили ей праздник. Анатолий Кобенков, ныне признанный поэт, на долгие годы остался в числе ее молодых друзей.

Нельзя не сказать, однако, что проза была все-таки неким преходящим эпизодом в творческой деятельности Любы —

она жила поэзией и не изменяла ей в самые тяжкие дни. Умер Михаил Абрамович. Наверное, я была первой, кому она прочла стихотворение, посвященное памяти мужа — мы жили в одном доме, как говорят, дверь в дверь. Позвала она меня почти ночью, когда не могла больше находиться в одиночестве. Перевод строк, полных любви и боли, сделал Леонид Школьник:

*Ты был со мной во сне и наяву,
Я вижу грусть в глазах твоих прекрасных.
Ты был со мной, и жизнь была как праздник,
Но ты ушел, и я как не живу...*

Поэзия Любы Вассерман ясна и народна. Вот что сказал о ней Борис Миллер: «Неяркая с виду строка, которая проскальзывает иногда в ее стихах — не нарочитость, она лежит в доброй традиции настоящего фольклора, звучит чисто и правильно, как пение или сердечная исповедь».

Ушла от нас Люба. Сначала уехала к сыну Серго в Молдавию, потом ушла навсегда. Но остались дорогие для нас тоненькие сборники ее стихов, полные мудрых мыслей, искренних чувств. Остался последний привет поэтессы, в котором она не изменяет любви к Биробиджану, мужеству своему и оптимизму:

*Мне грустно у вагонного окна
Дышать июльским ветром и теплом.
Вы далеко, осталась я одна
Без вас, друзья, любившие мой дом.*

*Мне грустно: я уехала от вас,
Со мной деливших радость и беду,
Вы попрощались как в последний раз,
Как будто бы я больше не приду...*

*И все-таки я к вам приду, друзья, -
Без стука, незаметно до поры
И улыбнусь: «Пришла проверить я,
По-прежнему ли вы ко мне добры...»*

А что касается дома напротив нашей «Недели», то ему бы подошел другой адрес: переулок Любы Вассерман. Городу это в копеечку не влетит: там наперечет домов. Там живет память о поэтессе. И ничего-то нет театрального.

Этюд пятый С ОДНОГО БЕРЕЖКА НА ДРУГОЙ

*Важен мне перевод не построчный —
Посердечный ценю перевод.*

Леонид ШКОЛЬНИК

Борис Израйлевич Миллер был настолько колоритной фигурой в среде творческой интеллигенции области, что молодые журналисты и начинающие литераторы, стремясь к общению с этим неординарным человеком, невольно робели перед ним, хотя Миллер был с ними неизменно приветлив и доброжелателен...

С одной стороны — член Союза писателей СССР, редактор национальной газеты, бессменный руководитель литобъединения, с другой — пожилой уже и не очень здоровый мужчина, переживший чудовищное ложное обвинение и долгое незаслуженное наказание, он был накоротке разве что со старыми, проверенными в жизненных испытаниях друзьями и единомышленниками, для которых до вечной разлуки он оставался прежним Бузей, с которыми делил и горькие воспоминания, и радужные, несмотря на происки судьбы, задумки на будущее. Таким другом для Бориса Израйлевича была еврейская поэтесса Дора Хайкина, тоже из числа первостроителей нашего города, но затем живущая вдали от бирских

берегов. Узнав, что одна из улиц Биробиджана названа именем Миллера, она посвятила собрату по перу проникновенное стихотворение:

*Порою мне кажется, что наяву
Брожу я в раздумье по улице,
Где к сумеркам прячется ветер в траву,
А тени деревьев сутулятся...*

*Ах, Бузи, мой милый товарищ и брат,
Ты, наконец, богат!..*

Многогранно творчество Б.И. Миллера: стихи и эссе, рассказы, повести, пьесы... Однако не все из богатейшего этого наследия доступно читателю, не владеющему идишем. Не секрет, что после печальных событий 40-50-х годов на этот язык было наложено негласное табу, и молодежь даже при горячем желании не могла в полной мере познать мамэ-лошн, хотя в то время в Биробиджане было много грамотных идишистов К счастью, нашлись энтузиасты, которые самоотверженно встали на защиту языкового богатства еврейских местечек и творчества Шолом-Алейхема. Среди них — Шнеер Абрамович Коник. Прежде чем продолжить тему этюда, скажем главное о человеке, к которому в полной мере можно отнести слова Леонида Школьника:

*Я не просто стихов переводчик —
Тех, что были всегда под рукой,
А людской доброты перевозчик
С одного бережка на другой...*

В многообещающие годы «оттепели» Шнеер Абрамович занимал по тем временам весьма скромную в штатном расписании трикотажной фабрики должность экономиста. Когда в один из суматошных редакционных дней он впервые появился в отделе писем «Биробиджанки», я сразу определила, что этот высокий симпатичный человек отнюдь не из числа жалобщиков, которые в 60-е годы буквально осаждали редакции областных газет. И действительно, с подкупающей доверительностью незнакомец сообщил, что иногда пишет стихи, но сегодня принес заметку о товарище по труду. Так, в бытность свою сотрудником отдела писем «Биробиджанс-

**В редакции областной газеты «Биробиджанер штерн».
Борис Миллер второй справа.**

кой звезды» я познакомилась со Шнеером Абрамовичем Коником, и дружба наша длилась десятки лет. Тогда же ему не было и сорока. Сначала он был нештатным работником нашего отдела, которому доверяли расследование жалоб, он вел колонку «По следам неопубликованных писем», но излюбленным жанром начинающего газетчика были зарисовки о рабочих, а потом и очерки, короткие, но яркие. В то время у нас еще не заходила речь о его глубоком знании еврейского языка — не очень-то популярны были такие разговоры после кампании против «космополитов». Наконец биробиджанские литераторы были реабилитированы, и Шнеер заметно оживился. Еще бы! Ведь он был одним из первых кружковцев-школьников, с которыми кропотливо занимался в свое время Борис Израйлевич Миллер.

Семья печника Абрама Коника приехала в Биробиджан в начале 30-х годов. Отец, мать и два брата-погодки поселились в неказистом бараке по улице Калинина. Благодаря мастерству главы дома в тесных комнатах было всегда тепло. Сема поступил в еврейскую школу, что, конечно же, определило его будущее. Биробиджанский хедер располагался на улице Кирова, где позже действовал областной суд. Здание и тогда было ветхим, и можно себе представить радость мальчишек и девчонок, когда они переселились в новую трехэтажную школу на старой теперь уже площади города. Сема попал в класс, где русский и еврейский языки вел Борис

Израйлевич Миллер. Учитель открывал детям Пушкина и Шолом-Алейхема, Лермонтова и Уткина, Чехова и Бергельсона, прививал учащимся вкус к слову, способствовал развитию творческих способностей подростков, создав в школе литературный кружок. Не все подшефные Бориса Израйлевича стаи мастерами пера, но именно из этой группы вышел «поэт из лесного дома» Макс Риант, друг детства Шнеера, а многие другие связали свою жизнь с журналистикой. Сема стал больше читать и разговаривать на идише, сблизился с Любой Вассерман и ее мужем, режиссером еврейского народного театра Михаилом Абрамовичем Бенгельсдорфом. Не удивительно, что со временем Шнеер и сам влился в коллектив артистов из народа. Он уже работал в штате «Биробиджанер Штерн», когда запомнился зрителям в спектаклях по пьесам Шолом-Алейхема «Тевье-молочник», «Двести тысяч», «Гершеле Острополер». Стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства.

Рассказ о Шнеере Конике будет не полным, если не сказать о роли, которую он сыграл в становлении «Биробиджанер Штерн», особенно в тот период, когда газета стала двуязычной. В коллективе редакции не было ни одного сотрудника, который не прошел бы его уроков по совершенствованию идиша. Шнеер Абрамович стал лучшим наставником молодежи. Благодаря ему поступили на литературные курсы при московском институте имени Горького Саша Ярмарков, Ира Ерофеева, вырос до редактора газеты Владимир Белинкер, утвердился в журналистике Анатолий Темцин. Никогда не отказывался Шнеер Абрамович от частных просьб местных «стихоплетов» или любителей еврейского рассказа сделать дословный перевод с идиша на русский. Мне, например, он помог перевести некоторые стихи из нового цикла Макса Рианта, которые поэт присылал уже из Узбекистана и Израиля.

Продолжая интересоваться творчеством Бориса Миллера, Шнеер в самых разных изданиях находил его произведения, не переведенные еще на русский. К сожалению, сам он не был силен в русской словесности, поэтому литературную обработку дословных переводов доверял мне. Благодаря нашему тандему впервые появился в свет замечательный рассказ Бориса Израйлевича «Мимоходом» — изящная новелла

о чудотворной силе красоты. Перевели мы и несколько детских стихотворений, лучшее из которых, на мой взгляд, — «Дворовая команда» — веселый гимн юных хоккеистов:

*Эй, пацаны, скорей, скорей —
Встречаемся на льду коробки,
Пойдет игра в большой хоккей,
Все к нам, кто сызмалу не робкий...*

Шнеер Абрамович приходил в редакцию до тех пор, пока в нем еще теплились силы. В последние годы он пережил немало потерь и потрясений: умерла жена и мать его детей, уехала за рубеж дочь, эмигрировали или уходили в мир иной друзья, коллеги. Помню, он едва удерживал листочки с переводом стихотворения Доры Хайкиной — так тряслись руки, медленно говорил, но совместную нашу работу помнил наилучше:

*Письма летят, словно птиц караван,
Манит их берег зеленый:
Улица Миллера. Биробиджан —
Адрес до боли знакомый.*

*Впрочем, не только улица, нет —
Наследство его щедрее:
Оставил он мудрого слова след
В памяти доброй евреев...*

Знакомый Миллер — это повести «Ясность», «На полном ходу», роман «Каждому поколению — свое», пьесы о первостроителях области, сборники стихов, в том числе и написанных в заключении

Тем, кто познает дорогу в еврейскую литературу, мы предлагаем малоизвестное произведение писателя, которое, пусть только в периодике, дошло до почитателей таланта Бузи Миллера, благодаря скромному «перевозчику доброты» Шнееру Абрамовичу Конику.

Борис Израйлевич умер в 1988 году в возрасте 76 лет. Шнеер Абрамович ушел вместе с двадцатым веком.

Этюд шестой БИРОБИДЖАН МНЕ СНИТСЯ ПО НОЧАМ

Макс Карлович Риант писал стихи только на идише, поэтому сохранилось очень мало ранних его произведений, переведенных на русский творческими силами нашего города — своих переводчиков он нашел позже и уже вдали от родных мест. Впрочем, когда несколько лет тому назад Ташкентское издательство имени Гафура Гуляма выпустило альманах «Слово заветное», в котором была представлена подборка стихов нашего земляка, жившего тогда в Самарканде, журналисты областных газет были приятно взволнованы, увидев свои фамилии среди тех, кто помог Максу донести мысли и чувства до русского читателя.

Мы словно вернулись в молодость, многое вспомнили из, казалось бы, давно забытого. Как старой знакомой улыбнулась я, например, такой строфе:

*Спасибо за июльский зной
И за декабрьский лютый холод.
Валдгейм, я мысленно с тобой,
Я полон сил, я снова молод.*

И действительно, с титульного листа альманаха смотрел на меня не более чем сорокалетний мужчина — настоящий Макс Риант конца шестидесятых. Но ведь теперь ему... Впрочем, для творческой личности возраст — понятие относительное. А четыре строчки взяты из стихотворения «У самой колыбели». С его работами я могла знакомиться, не зная мамэлошн, только через посредников, то есть составителей подстрочников, которые в свое время успели сделать Люба Вассерман, Шнеер Коник, Наум Фридман, а то и сам поэт. Помню, как за пару вечеров мы с ним буквально «перетаскивали» на русский «Первый дом»:

*Шум тайги теперь уже не слышен
Там, где довелось когда-то мне
Первый дом под ненадежной крышей
На упрямой строить целине.*

А вот наш коллега Виктор Соломатов, будучи истинным поэтом, на едином дыхании справился с «дословником» друтого стихотворения, «Сердце просится в дорогу»:

*Бежит дорога — не догнать...
Спешу. Я сердцем непоседа,
Мне б дали дальние изведать
И суть земную всю познать.*

*Иду я за ручьем певучим
К селу, что светится вдали,
И думаю, что нету лучше
Валдгеймской ласковой земли.*

Макса Карловича называли «поэтом из лесного дома». В Валдгейм его привезли родители-переселенцы из Саратова. В этом селе он учился в школе, работал в колхозе, отсюда ушел на фронт и воевал до Победы все четыре года Великой Отечественной. Потом, будучи уже сотрудником «Биробиджанер штерн», закончил заочно Хабаровский педагогический институт, был корреспондентом еврейской редакции областного радио. За годы совместной работы в газете и радиокомитете мне больше всего запомнилось в Максе его трудолюбие, которое, как известно, играет решающую роль в достижении творческого успеха, и часто отсутствие именно

этого качества убивает вялый талант. Каким еще был Макс в то время человеком в журналистской среде? Отличный семьянин — это точно. Товарищ? Многим из нас доводилось делиться с ним сокровенным в трудное время, и никто об этом ни разу не пожалел. Годы — беспристрастные судьи, и в конце концов они достаточно убедительно высветили гражданскую позицию Макса, его патриотизм, верность идеалам юности.

*Детство милое, в отдалении
Ты шагаешь всегда со мной,
Дальний край, золотое время
И Бира в стороне лесной,*

*Ты в глазах моих и в ладонях,
И в груди я тебя несу,
О, Валдгейм, деревянный домик,
Не затерянный в том лесу...*

Отец Макса был колхозником, возил на подводе в город молоко, и острые на язык биробиджанцы называли его именем известного героя Шолом Алейхема. Отцу посвятил поэт лучшее из своих стихотворений, так и озаглавив его — «Тевье-молочник». Среди персонажей поэмы «Свадьба в колхозе» читатели узнают представителей знатных валдгеймских династий Пришкольников, Резников, Раков.

Макс Карлович — боевой фронтовик. Тема великой битвы нашла преломление в циклах «Вокзалы войны», «Среди друзей». О чем бы ни говорил поэт, о Курской дуге или окопном братстве, — красной нитью через стихи проходит призыв к миру и дружбе народов, столь злободневный в наши дни. «Поэма о безмолвии» — страшный рассказ о расправе фашистов с мирным населением местечка Шилов:

*Евреев было тут как раз
На одного раввина.
В могиле все лежат сейчас —
Погублены безвинно.*

«Маршевые роты», «Медсестра», «Окопы в саду» и многие другие стихи военного цикла — горькая поэзия минувшей войны и идущий от сердца призыв к взаимопониманию. Этой же темой проникнута поэма «Большие миры», давшая назва-

**Земля прекрасна – всем своим
творчеством утверждал Макс Риант.**

ние последнему сборнику поэта. Прекрасна земля и звездное небо над головой, — утверждает автор, во власти человека спасти красоту и саму жизнь.

Последнее время Макс Риант успешно работал и в жанре прозы. В Самарканде вышел сборник его очерков «Поезда прибывают вовремя». Биробиджанцам особенно интересен документальный рассказ «Письма из Тынды» — о бывших жителях областного центра — супругах Михаиле и Полине Гоникман.

Примечательно, что в своем позднем творчестве вдали от ЕАО Риант постоянно возвращается к родным местам — городу на Бире, Валдгейму, образам земляков. В подборках стихов «Слово заветное» живо написаны портреты портного Шолема и его жены Брохи, яркое изображение деда поэта — первостроителя автономии. Философскими раздумьями проникнута подборка «Полоска зари» — грустное откровение и мудрый оптимизм:

*Да, юность стремлений полна,
Но ей не завидуй напрасно.
Бывает, как свечка, она
От ветра случайного гаснет.*

*Не сетуй на годы, не ной —
В них радость твоя и забота,
И старости тоже порой,
Быть может, завидует кто-то.*

Увы, наша переписка оборвалась, и я не знаю сегодняшнего адреса Макса. По слухам, он в Израиле. Очень хочется, чтобы до него дошло все-таки приглашение старых друзей на юбилей области, как дошло до нас его замечательное стихотворение, одно из последних, написанное в минуты раздумья:

*Биробиджан мне снится по ночам,
Виденьем проступает через тьму.
Походкой легкой проходил я там
Вдоль тихих улиц к дому своему.*

*О дамбу билась гордая Бира,
К Амуру зыбь неся издалека.
Пусть пойма комариная сыра,
Но как прохладна и чиста река!*

*Я с нею не расстался б никогда,
Но жизнь идет с течением вразрез:
Осилил горе, подошла беда,
Прошел по топям, за болотом — лес...*

*Уехал я, но мысленно в краю,
Который сердцем и душой люблю,
Жалею только — мало воспевал.*

*Идут года, и на закат склонен,
Увы, отсчет земного бытия.
Не досчитался многих уж имен
Среди друзей биробиджанских я.*

*За что, не знаю, только постоянно
У них теперь прощения прошу.
Не потому ли из Узбекистана
На мамэ-лошн письма я пишу?*

Русский текст был послан в свое время поэту «с оказией», одобрен им. Где ты теперь, Макс Карлович?

Этюд седьмой ДВЕ НИВЫ ПАХАРЯ РОМАНА

Он скорее походил на артиста — стройный, элегантный, с ранней сединой в пышной шевелюре, контрастирующей с черными усами. Строгий на вид человек, он был необычайно прост в общении, что характерно только для истинного газетчика. В редакции «Биробиджанер штерн» Роман Самойлович Шойхет отвечал за сельскую тематику, и в то же время все его рассказы, очерки, а потом повести и романы были связаны с многогранной жизнью местного крестьянства. Поэтому, наверное, поэт Виктор Соломатов окрестил Романа «пахарем двух нив» — газетной и литературной. Товарищеская метафора оказалась удивительно точной. В финале оттепели Р. Шойхет пришел в журналистику если не от сохи, то от трактора, это уж точно.

Родился герой нашего этюда в старинной еврейской колонии Эфингарь, бывшей Херсонской губернии. Особенности и нравы его земляков заключались в том, что это были трудолюбивые и мирные крестьяне, жившие в дружбе с русскими, украинцами, молдаванами. В селении было три синагоги, где жители справляли праздники и обряды. В Великую Отечественную колония подверглась разрушению, и большинство евреев были уничтожены фашистами, однако семья Шойхетов успела переселиться в Казахстан, а затем на Даль-

«Пахарь» – Роман Шойхет.

ний Восток, в Еврейскую автономию. В приамурском селе Пузино Роман закончил семилетку, стал трактористом, откуда ушел в армию. Демобилизовавшись, закончил заочно десять классов и снова сел за руль трактора. Стоит ли говорить, что дела и заботы пузиновцев стали его собственными. Он понимал, искренне любил односельчан, а потому не стал противиться желанию ярко и подробно рассказать о них. Желание это вылилось в первый рассказ, простой и убедительный, потому что молодой механизатор писал, можно сказать, о самом себе. Я познакомилась с Романом Самойловичем в 1963 году на литературном объединении, когда первый опыт нового автора был одобрен Наумом Моисеевичем Фридманом (а это ох какой успех!) и подписан к печати.

В 1974 году Роман уже работал в «Биробиджанер штерн» — газете, в которой он прошел путь от корреспондента до заместителя редактора. В этом же году он стал участником

семинара молодых литераторов Восточной Сибири и Дальнего Востока. В Иркутске прозу его заметили и отличили. Роман, окрыленный успехом, решил написать книгу о нелегкой жизни послевоенного села «Родная земля». В хозяйствах области его знали все — руководители, зоотехники, рядовые полей и ферм. Он же, в свою очередь, лучше редакционного кабинета знал самые отдаленные от областного центра уголки автономии. Живых наблюдений было хоть отбавляй. В книге «Хлеборобы», где местом действия стал крупнейший на Дальнем Востоке колхоз, созданный переселенцами, мы без труда узнаем в главном его герое Владимира Израйлевича Пеллера.

На творчество «пузиновского пахаря» откликнулись профессиональные литераторы. Одобрительные отзывы Роман получал из Хабаровска, Иркутска, Москвы. В конце семидесятых он, уже член Союза писателей СССР, работает особенно много и напряженно. Появляется его книга «Час печали и час отрады» — о тяжелых испытаниях жителей еврейского поселения на Украине, а затем роман «Без воды растут лишь камни», обдумывается вариант главной, как он считал, книги жизни «Колонисты». Много сил и времени писатель отдал роману «Хозары» — о том, как представители одной из тюркских народностей приняли иудаизм...

Нам, газетчикам, памятны публицистические статьи писателя по вопросу возрождения идиша и еврейских традиций в автономии. Он мечтал оживить работу литобъединения, открыть в областном центре самостоятельное издательство, вернуть биробиджанский еврейский театр...

Одновременно Роман Самойлович добросовестно исполнял обязанности редактора сельхозотдела «Штерна» — ежедневно требовались оперативная информация с места событий, о ходе сельхозработ, зарисовки о людях села. Времени катастрофически не хватало, а тут подоспели события начала девяностых, которые он принял близко к сердцу...

Роман Шойхет покинул газету и семью досадно рано, едва перешагнув шестидесятилетие. Область потеряла писателя, хорошо владевшего идишем и русским, а еще пришлось землякам навсегда проститься с умным доброжелательным человеком, с которым так приятно было держать совет или просто греться в лучах его ясных глаз.

Мемориальная доска на доме № 44 по улице Ленина оповещает жителей и гостей города, что именно в этой пятиэтажке жил и работал Р.С. Шойхет, но лучшей данью его памяти, как мне кажется, стало бы издание полноценного сборника новелл писателя. Стоит вспомнить хотя бы такие яркие из них, как «Прозрение старого Лейбы», «Степное эхо», «Дорогой белых журавлей», «Стужа», «Неоконченный портрет». Такого сборника пока нет.

ЭТЮД ВОСЬМОЙ И ВЕЧНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

В то утро я вернулась из командировки и прямо с вокзала заявила в редакцию «Биробиджанки». Со второго этажа навстречу мне спускалась песня: «Ты прислушайся — услышишь, как веселый барабанщик с барабаном вдоль по улице идет...»

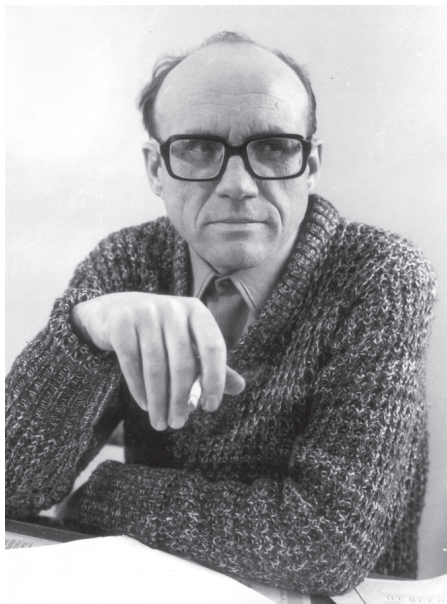
В рассветный час на работе мог быть только Наум Моисеевич Фридман, но я прежде никогда не слышала, чтобы он упражнялся в вокале... Голос звучал необычно молодо для пенсионного нашего замредактора, причем исполнитель явно обладал музыкальным слухом — ни разу не сфальшивил, хотя явно «косил» под Окуджаву. Как можно тише я зашла в кабинет «литрабов» нашего отдела, тогда именуемого идеологическим. За столом, ранее пустовавшим, расположился действительно молодой человек с крутым лбом и приветливым взглядом серых глаз...

— Виктор Соломатов, — вставая, представился он. — Из Хабаровска, может, слышали?

— Слыхала и читала. Хорошие стихи.

— Надеюсь, — согласился он. — Многим нравятся. Даже Асламову.

«Этот парень от скромности не умрет», — подумала я. Но тут появился Наум и увлек новичка в свой кабинет. Мне же

«Кочевник» Виктор Соломатов

только кивнул и пробурчал что-то насчет оперативной информации, остальное, мол, подождет.

Соседействовала я с Витей около двух лет. Мы подготовили несколько тематических страниц из совместных командировок в глубинные села, Виктор очень скоро порадовал читателей добротными выпусками первых литературных полос, а потом... Потом, как писал о Соломатове Михаил Асламов, «муза Виктора Ивановича, беспокойная, мятежная, вновь стала задыхаться в отведенной кубатуре». Недаром в одной из работ поэт писал о себе: «Страсть к кочевью меня мучит и гложет». На деле оказалось, что она, эта страсть, оказалась сильнее многих привязанностей и пристрастий и вновь увлекла Витю в неизведанное — на дальний север. Долго путешествовал по окраинам Камчатки, и в корякском поселке Осоре родилась книга «Кочевье». Движение — единственное состояние лирического героя сборника стихов, который в вечном поиске, которому «трудно без трудностей». Как каюр, он живет под девизом «Тагам!», что по-корякски означает «Вперед!». Вперед, через преодоление.

Впрочем, жизнь не была для Соломатова легкой с самого детства.

Виктор родился в зловещем 1937 году. Пацан с хабаровской окраины, которого позже лишила мужской опеки война:

*Мы росли без догляда, без ласки отцовской —
Саранча по чердымовским тучным садам.
Сторожа за отчаянность звали нас «рокошсовцы»
И не скрою, то прозвище нравилось нам.*

Эту тему он развивает в стихотворении «Мое поколение»:

*Нам выпало взрослеть в пятидесятых —
То этого нехватка, то того.
Приметил я: слегка сутуловаты
Мужчины поколенья моего.*

*Какие есть. Судьбою не задарены,
Мы свой полусиротский крест несли,
Но среди нас уже росли Гагарины
И Шукшины с Высоцкими росли.*

Главный герой ранних стихов поэта — романтика, но отнюдь не такая, как, например, в песне «А я еду, а я еду за туманом». Сам поэт уверенно заявляет, что романтика — серьезная работа. Крепкие руки, думающая голова, точная жизненная прописка — вот романтика Соломатова. Есть в «Кочевье» раздел, восходящий к народным преданиям, былинам. Удаль и сила, народный оптимизм привлекает к нему внимание читателя.

Но вернемся к биографии Виктора. В Хабаровске он закончил десятилетку, учился в педагогическом институте. Не помню, сколько курсов закончил, но эрудиции, особенно знаний русской истории, словесности и литературы ему было не занимать. Служил в армии, как положено. Первое стихотворение напечатал в «Молодом дальневосточнике», где обрел замечательных наставников, потом сотрудничал в «Суворовском натиске», где его тоже не оставили без внимания уже известные литераторы. Достаточно назвать Сергея Тельканова, Римму Казакову, Анатолия Рыбочкина. В таком окружении дарование Виктора развивалось весьма активно. В 1965 году, уже будучи ведущим журналистом «Биробиджанской

звезды», Виктор стал участником Читинского семинара молодых авторов Сибири и Дальнего Востока. И итогом этой встречи было издание самого первого сборника его стихов «Росинка» (это еще до «Кочевья»). Третий скромный сборник поэт озаглавил словом «Отчество» по ассоциации с отчизной, отчеством. Журналисты понимают, как непросто было автору написать даже такую небольшую книжицу в условиях газетного конвейера.

*Пусть тиражи моих неброских книжек
Невелики. Но разве в этом суть?
Стремиться жить, а не стремиться выжить -
Я так земной определяю путь.*

Последняя книга поэта «Избранное» вышла при поддержке администрации ЕАО в 2001 году. Как всегда, поэтической доминантой сборника остается преодоление. В цене остаются трудная, но верная мужская дружба, честность в товариществе, любовь и надежность «как говор весеннего ручейка под толщей льда».

Известно, что судьбы поэтов, судьбы талантов изменчивы, гороскоп творческой личности составить невозможно, так причудливо все в их жизни преломляется. В детстве он преодолевал в себе комплекс безотцовщины, в юности — последствия неудачной женитьбы, хотя и на достойной уважения женщине, разлуку с первенцем, боролся за равновесие души, сумев сохранить за собой незаурядный талант. Потом назревала угроза потери беззаветно преданной ему женщины. И Виктор Иванович, истинный патриот России, эмигрировал за ней в Средиземноморье, чтобы сохранить семью. Он решительно пресек все досужие разговоры, опубликовав в местной газете простую, всем понятную статью «Не ищите политического подтекста в моем отъезде». Он вновь напомнил, что три десятилетия Биробиджан был добр к нему, и этот город навсегда поселился в его сердце.

А петь он любил всегда, в любое время, заразив всех окружающих увлечением песнями «оттепели»: о бригадине, поднимающей паруса в флибустьерском дальнем море; о бывшем лучшем, но опальном стрелке...

Рассказ о Викторе Ивановиче Соломатове не будет полным, если умолчать об огромной и успешной его работе над

переводами еврейских поэтов, но это должно стать отдельным и обширным исследованием. Выходит за рамки сегодняшней темы и его роль в становлении третьего поколения литераторов на биробиджанской земле. Со страниц солоатовской «Мастерской» шагнули в большую поэзию Ольга Ермолаева, Анатолий Кобенков, Леонид Школьник, Владимир Русаков, Анатолий Овечкин, Павел Алексейчук, а из прозаиков — Роман Шойхет.

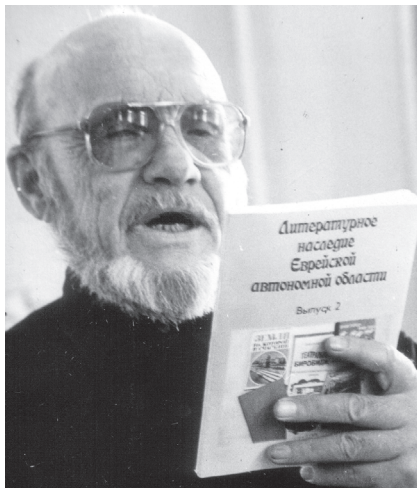
Виктор Иванович умеет радоваться чужим успехам, но решительно ставит заслон в печать бездарям и графоманам. Когда в 1995 году его принимали в Союз писателей России, коллеги отметили еще одно неоспоримое достоинство творчества дальневосточного поэта: его стихи — воинственно антимещанские, антиобывательские. Серьезный рациональный взгляд Соломатова на перестройку и все, что связано с ней, сочетается в нем до сей поры с юношеской романтикой и мечтами.

Лишенный практицизма и расчетливости, Виктор идет по жизни бессребреником. Когда у него заводились деньги, он готов был ссудить ими даже мало знакомого человека. А когда сам бывал на мели, друзья выручали его без раздумья, хотя и знали, чем может обернуться порой лишняя пятерка или десятка... Виктора нельзя было обманывать, потому что сам он никогда не лгал. Остается правдивым он и в творчестве. Об этом свидетельствует подборка его новых стихов, присланных в «БН». Предлагаем ее сегодня вашему вниманию.

ИЗ ИЗРАИЛЯ С ЛЮБОВЬЮ

*Не коммунист и даже не еврей.
Ни тем и ни другим я в жизни не был.
Но надо мной израильское небо,
А звезды юга северных добрей.*

*Я здесь живу. Вполне благополучен.
Одет и сыт. Семья моя со мной.
Наверное, не надо доли лучшей,
Но, Боже мой, как хочется домой.*

*Где холода, где голодно и сирот,
Где все, что льется, беспросыпно пьют.
Не думал никогда, что с «эфтой силой»
Меня воспоминания добьют.*

*Услышать бы, как воеет в поле вьюга
И брякает щеколда у дверей.
Но я живу под знойным небом юга
Не коммунист и даже не еврей.*

*О почвах тех не скажешь, что тощи.
Их просто нет — песок тут да каменья.
Лишь цепко в ЭТО вклевчились хвощи,
Глубоко запустив свои корни.*

*Прошло едва полвека, Боже ж мой!
Каким настырным надо быть народом,
Чтоб ЭТО стало тучною землей,
Землей, текущей молоком и медом.*

*Я не скажу, что от восторга млею,
Окраины России расчищая,
Но вот живу я на Святой земле,
А святости ее не ощущаю.*

*Полно церквей, мечетей, синагог,
Кипа иль лапсердак на каждом третьем,
Но веры, истой веры, видит Бог,
Я на Святой земле, увы, не встретил.*

*Пусть я не знаю подноготной всей,
Но это мне увидеть не мешает —
Семь заповедей выдал Моисей,
Все семь народ исправно нарушает.*

*И размышлять вполне пристало тут
Не о грядущем, а о сущем Хаме.
По крупному воруют, мелко врут,
И до хрена торгующих во Храме.*

*Желтеют на фикусах листья
(тут фикус не в кадках растет),
Неслышной походкою лисьей
Декабрь по проулкам идет.*

*С брусчатки листву замечает,
Трясет апельсины с дерев,
И облако медленно тает,
Стать тучкою не успев.*

*Стоит Новый год на пороге,
А землю-то как подмели.
Российские наши дороги,
Куда же вы нас завели?*

*Нет снега. Не будет морозов.
О них только слышали тут,
Надменные, пышные розы
Сейчас в палисадах цветут.*

*Не будет пурги и метелей,
Река не очнется от сна.
Не будет весенней капли,
Ведь тут и весна — не весна.*

*Пройдут только ливни косые,
И зелень забьется ключом.
И надо б взгрустнуть о России,
Да сердце вещует — о чем?*

Этюд девятый

ВСЕ ПОКОРЯЕТСЯ СИЛЕ СТИХОВ

Великий Лермонтов сказал о поэте предельно точно:

*Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных невзгод,
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.*

Эти слова не о себе, о поэте вообще, и не обязательно гениальном, пусть просто одаренном, однако именно о стихотворце, а не рифмоплете.

Михаил Юрьевич и биробиджанец Павел Алексейчук жили в разные эпохи, но мысли о судьбе Поэта у них родственны...

Вот что я нашла среди давних стихов Паши:

*Я не знаю, за что так безвинно наказан,
За какие и чьи (непонятно) грехи,
Почему я платить бесконечно обязан
Беспокойством ночей за сырые стихи?*

*Но когда на заре, позабыв о покое,
Разродится душа долгожданной строкой,
Я не знаю, за что же мне счастье такое
И зачем он мне нужен — бесплодный покой...*

Однако если говорить о «наказании», то муки творчества скорее Божий дар. Испытание на прочность судьба уготовила этому человеку иное: с детских лет он постепенно терял зрение и, наконец, очутился в полном плену темноты. Тяжкий рок, Бог знает, с каких времен, висел над его родом — слепота как будто нарочно поражала в разных поколениях то одного, то другого. Родители были здоровы, а из четверых детей наследственная болезнь обошла только старшую сестру Павла. Коварны бывают гены.

А родился Павел Ксенофонтович в хорошо известном биробиджанцам Птичнике, пригородном селе. В мальчишестве любил рыбалку, ходил в релки за грибами, знал ягодные места. Прелести, краски и проказы родной природы не переставали волновать его и с потерей зрения — они представляли перед мысленным взором поэта, он их помнил, осязал, воспринимал невесть каким по счету чувством, сам поражаясь этому свойству:

*Неужели сумел я увидеть воочию,
Как бывают тихи в совершенном ладу
С удивительно легкой нездешней ночью
Великаны-деревья в цветущем саду?*

Читать Павел научился до школы, а настольной книгой в доме был «Кобзарь» Тараса Шевченко. Мать и отец читали его в подлиннике, а мальчик — в переводе на русский. Позже Паша напишет:

*И пришло осознание большой перемены,
Что по воле до боли любимой страны
Вдруг проснулись во мне украинские гены
И коснулись какой-то глубинной струны.*

А болезнь прогрессировала, и продолжать учебу в сельской школе он не мог. Павлика отправили в интернат для слепых детей — был такой в Амурской области. «Специнтернат» — звучит казенно, но Павел Ксенофонтович хранил о нем самые теплые воспоминания. Педагоги по-настоящему заботились там о всестороннем развитии детей, уделяя внимание индивидуальным особенностям воспитанников. Павел научился играть в шахматы и проявил в этом виде спорта большие способности. Он занимался легкой атлетикой, участвовал в художественной самодеятельности, много читал. Учитывая успехи юноши, ему предложили продолжить обра-

**Павел Алексейчук: В мире
я только поэтам завидую...**

зование в хабаровском филиале Новосибирской очно-заочной школы для слепых и одновременно работать на учебно-производственном предприятии (УПП), которое выпускало мелкие изделия. В новом коллективе он обрел друзей, был признан лучшим шахматистом и в этом качестве где только не побывал! Одерживал победы на шахматных турнирах в Якутске и Ростове, Кемерово и Москве, Чите и многих других городах страны. Наград привозил столько, что хоть выставку открывай. На конкурсе чтецов в Хабаровске тоже получил диплом.

Писал стихи и однажды рискнул послать несколько своих работ в газету «Молодой дальневосточник». Напечатали. Стал сотрудничать с журналом «Наша жизнь», издаваемым центральным правлением общества слепых в Москве, и как-то получил оттуда письмо: «С большим удовольствием погрузился в свежие струи Вашего творчества, которое глубоко тронуло мою душу. Ваши стихи отличаются яркой образностью, особенно удаются зарисовки природы и философская лирика. Редактор-консультант В. Бухтияров». А за подборку стихов в «Суворовском натиске» Павлу Алексейчуку присудили однажды премию года.

Разумеется, были в его жизни малые и большие беды, периоды душевного подъема и депрессии. Вихри перестройки

не обошли и УПП. Оставшись без работы, Павел последовал совету сестры и переехал в Биробиджан. Перемена обстановки, разлука с друзьями дались нелегко:

*Я чувствую прошлого вязкие путы,
Я часто бываю задумчив и хмур,
И мне вспоминается в эти минуты
Хабаровск и наш несравненный Амур.*

Но именно в Биробиджане, страдая от одиночества, он целиком переключился на поэзию.

*Если скажут, что я не поэт,
Значит, я не живу.
Мне в поэзии солнечный свет
Вновь блеснул наяву.*

Вместе с лирическими в творчестве Алексейчука звучат гражданские мотивы. Поэт рассуждает о наболевшем:

*Наше жилье — то ли сейф, то ли клетка,
Крепость, тюрьма и копилка тоски.
Даже соседка с другою соседкой
Видятся только в дверные глазки.*

Болью и горечью проникнуты стихотворения «Исповедь», «Ветеранам», «Праздник для Москвы».

Имя Павла Алексейчука все чаще и чаще появлялось в местных газетах, в 1996 году он стал лауреатом премии городской администрации. С этим событием поэта поздравили хабаровчане, позвонили земляки из Птичника, работники региональной библиотеки для слепых, биробиджанские журналисты. И все-таки Павел Ксенофонтович еще и еще раз почувствовал себя в нашем городе в некой изоляции. Иногда в будние дни ему и на воздух не с кем выйти. Семейная жизнь не сложилась, и когда умерла единственная дочь, свет вновь померк для поэта. Однако какое-то время он еще упорно сопротивлялся злодейке-судьбе:

*Хоть знаю, что живется легче тем,
Кто верит в покаянья и молитвы,
Но без мольбы со скопищем проблем
Я, как умею, сам вступаю в битвы.*

Однако бой оказался слишком уж неравным: последний год Павел провел в полной неподвижности на больничной койке. Незадолго до ухода в небытие он передал мне две общие тетради стихов, написанных от руки, стихов, которых бы хватило на прекрасный поэтический сборник. Наверное, нам, биробиджанцам, надо сообща об этом позаботиться. А пока предлагаем читателям «БН» лишь подборку стихотворений этого удивительного человека.

МОЙ ХРИСТОС

(из рождественского цикла)

*Когда горят рождественские свечи,
Мне в свете их является не бог,
А плод горячей крови человеческой,
Земной любви естественный итог.*

*Он рос на прочих смертных непохожим
Избытком щедрых чудотворных сил
И, вовсе не стесняясь, Сыном Божьим
Не в добрый час себя провозгласил.*

*В том заблужденье видя лишь кощунство
И цель казаться лучше, чем они,
Семиты, сатанея от безумства,
Вопили вслед: «Распи его, распни!».*

*Ведь многим и доселе неизвестно,
Что в темный век бессмысленно распят
Был самый добрый, искренний и честный
Великий экстрасенс и телепат.*

*И был ли он дитя легионера,
Простой ли плотник был его отец,
С ним родилась незыблемая вера
Во всепрощенье любящих сердец.*

*Ее сжигать гонители пытались,
Шли на костер наследники творца,
Но искры веры всюду разлетались,
Воспламеняя новые сердца.*

*И если Он, как эта вера, вечен —
Воскресший и вознесшийся Христос,
То почему от скверны не излечен
Наш грешный мир, беспомощный до слез?*

*В земном пути, тернистом и недолгом,
Он сделать столько доброго успел,
А став всевышним, всемогущим богом,
В своем раю остался не у дел.*

*Неужто мало двух тысячелетий,
Чтоб, как царю вселенскому, ему
Устроить лад на маленькой планете,
В знакомом с детства собственном дому!*

*Не знаю, кем и где он похоронен —
Землянин странный, славный полубог —
Но быть лишь наблюдателем сторонним
Тот, мой Христос, конечно, бы не смог.*

*Я ощущаю страшную потерю,
Вникая в полусказочный завет,
Я в рождество Христово твердо верю,
А в воскресенье, к сожалению, нет.*

ОТКРОВЕНИЕ

*В мире я только поэтам завидую,
Муза которым до гроба верна,
Но не роднится со злом и обидою
Зависть моя: бескорыстна она.*

*Грешен. Не спорю. Но как не завидовать,
Если им чары такие даны:
Звезды в ладони ловить и подкидывать,
Слышать неслышимый голос луны?*

*Видят они бесконечно далекое,
Сняв горизонты всесильной мечтой.
Сердце поэта, большое, глубокое —
Вечная гавань души молодой.*

*Предков далеких немую загадочность,
Таинства звезд в заповедной пыли,
Жизни потомков заветную красочность,
Непостижимое сердце земли,*

*Пульс пробудившихся Африки, Азии,
Дальних галактик целинный покров
Смело тревожит крыло их фантазии,
Все покоряется силе стихов!*

ВЕЧНАЯ ЗАГАДКА

(Из цикла «Шахматы»)

*И до чего же шахматы хитры!
На их уловку я попался в детстве,
Когда решил освоить в совершенстве
Все тонкости загадочной игры.*

*Играть я научился без труда,
Но то, что мнил невинною забавой,
Вдруг оказалось сладкою отравой:
Глотнул разок — и запил навсегда.*

*Я стал покорным пленником дорог:
Какая-то неведомая сила
Меня с доскою шахматной носила
В Алма-Ату, Якутск и Таганрог.*

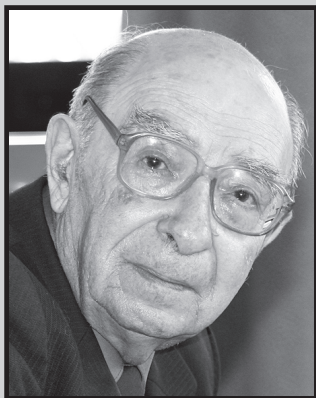
*Да мало ль было разных городов,
Знакомств и встреч, наград и сувениров,
И сыграно ответственных турниров,
И сделано сомнительных ходов.*

*По пять часов молчание храня,
Жил на пределе нервных напряжений,
Но дрожь, и пот, и горечь поражений
От зелья не отвಾದили меня.*

*Мне проигрыш давался как урок:
Учтя ошибки, жаждал отыгратися,
Но до сих пор до истины добратися,
До тайной сути в шахматах не смог.*

*«Чего в них больше? — донимал сосед. -
Искусства, спорта, точного расчета?"»
Я отвечал в сердцах: «Всего до черта!
И знает Бог, чего в них только нет!»*

2004 г.

Валерий Ильич ПАНМАН

– Мечтал об артистической карьере, а стал вопреки мечте журналистом, – говорил о себе бывший военный, выпускник Уральского госуниверситета Валерий Панман. Он никогда не жалел, о том, что его профессиональная жизнь сложилась так, а не иначе. В свободное от работы время играл в Русском народном театре в Биробиджане, его великолепный оперный голос нередко звучал со сцены. Никто так как он не мог написать театральной или книжной рецензии, рассказать об одержимых творчеством людях. Хотя начинал в областной газете «Биробиджанская звезда» корреспондентом сельхозотдела. Постоянные командировки в села, репортажи с посевных и уборочных, зарисовки о передовиках помогли ему, бывшему военному, лучше понять мирную жизнь, заботы простых людей. В «Биробиджанке» Валерий Ильич прошел все ступени редакционной лестницы – от младшего литсотрудника (была и такая должность) до главного редактора. Областная газета «Биробиджанская звезда» в те годы была настоящей кузницей журналистских кадров. «Птенцы» Панмана уходили на повышение в краевые газеты, на радио, телевидение, делали карьеру в собственной редакции.

Не один год Валерий Ильич возглавлял областную творческую журналистскую организацию.

За большие заслуги перед автономией ему присвоено высокое звание «Почетный житель ЕАО».

Уже будучи тяжело больным, он находил время позвонить коллегам, чтобы похвалить за удачную публикацию, покриковать, если что-то не понравилось – по-доброму, без нравоучений.

– Хочу написать книгу, что-то вроде мемуаров, – поделился однажды с друзьями. – Первые главы уже есть. Хватило бы только сил на остальное...

Тяжелая болезнь не дала ему шансов дописать свою первую и последнюю книгу. В октябре 2007 года, на восемьдесят первом году жизни, Валерий Ильич ушел из жизни. Ушел, чтобы остаться в памяти тех, кому он помог проложить дорогу в журналистику – дорогу, которую сам прошел от начала до конца.

ПИСЬМО ИЗ ДЕТСТВА

— Валька, чего я тебе скажу...

Петька Керженцев затащил меня в глубь двора, где у водосточной трубы лежали припорошенные снегом чьи-то дрова. Несмотря на мороз, Петька был без шапки. Светлорусый ежик его волос воинственно топорщился, а серые, как у нашей кошки Мурки, глаза заговорщицки шурились.

— Божись, что никому...

— Под салютом Ленина-Сталина, — бросил я вверх правую руку. — Могила.

Петька несколько раз оглянулся. Точь в точь, как шпик в кинокартине «Белеет парус одинокий». Притянул мою голову к себе, прошептал прямо в ухо: «У Рыжего — отец враг народа».

«Рыжий» была кличка Вильки из пятнадцатой квартиры, обладателя огненно-пламенного чуба и целой россыпи веснушек, усыпавших все лицо. Его отец был самым главным военным в городе, носил три ромба и длинную нерусскую фамилию.

Вечерами мы, мальчишки, всегда караулили, когда его блестящая лаком, будто только что начищенная у сапожника, «эмка» лихо подкатывала к дому. Таких машин в Калининском было всего три. Отец Рыжего легко вылезал из кабины, одергивал ремень и пружинистой походкой быстро взбегал на крыльцо. Тонко цвинькали шпоры на его сапогах. «Серебряные, — хвалился Вилька, — подарок самого Буденного. Еще с гражданской с бойцами. Над площадью и прилегающими к ней улицами гулко проносилось троекратное «ура!».

В описываемое время комкор Зюзяковенко командовал кавалерийским корпусом и, как старший по званию, был начальником гарнизона. В праздники это он принимал парады. На Советской площади и дальше, до самой гостиницы «Селигер», аккуратными зелеными прямоугольниками выстраивались войска. Комкор картинно гарцевал на своем ослепительно белом жеребце, принимая рапорт командующего парадом и здороваясь с бойцами. Над площадью и прилегающими к ней улицами гулко проносилось троекратное «ура!».

Парад начинали красноармейцы в остроконечных буденовках. Над строем сверкали иголки трехгранных штыков. Подходя к трибуне, они бросали винтовки «на руку», при этом что-то глухо, но так, что все слышали, звенело. Вилька объяснил нам: бойцы вывинчивали шомполы и при ударе винтовки о руку получался такой вот звук.

После стрелков на площадь въезжали конники. Они сдерживали горячившихся лошадей, стараясь не смешивать ряды. Кони были разные — эскадрон совсем белых, за ним — черных, каурых, серых в яблоках. Солнечные лучики весело играли на клинках.

А потом с трибуны, с тротуаров, где стоял сдерживаемый милиционерами народ, раздавались аплодисменты; на брусчатку площади выкатывались танкетки и броневики. Их было немного, но мы смотрели на них, как на какое-то чудо техники, и безоглядно верили что «если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы». В то время как раз шел фильм «Если завтра война», из него и была эта песня. В фильме наши быстро наголову разбивали врагов.

— Врешь! — я отшатнулся от Петьки, да так, что свалился с полена и больно ушиб коленку. — Он же герой, три Красных Знамени имеет.

— У Борькиного отца тоже три было, — парировал Петька Керженцев, — и все равно забрали. Я сам видел, как приезжал «черный ворон».

В мире происходило что-то такое, что не укладывалось в наших одиннадцатилетних ребячьих головах. Огромный наш дом, где жил старший комсостав корпуса, день за днем пустел. Словно на него налетел какой-то свирепый вихрь. Пацаны, в чьи семьи еще не пришла беда, не знали, как держаться с теми, другими... Их сторонились, не брали в свои игры. А они

и не просились, будто и в самом деле чем-то провинились перед нами, отсиживались дома.

Какая-то гнетущая тишина поселилась и в нашей квартире. Не стало привычных веселых застолий с коронным маминым блюдом — фаршированной щукой. Собираясь после работы за столом, родители, как обычно, не делились новостями. Старались быстрее закончить обед. Из семейного альбома куда-то исчезли фотографии многих отцовых друзей.

В эти дни к нам приехала погостить из Киева бабушка. Помню, за ужином она громко возмущалась: «Никогда не поверю, чтоб Гамарник — и вдруг враг. Хоть стреляйте меня, не поверю!».

Она так горячо и убежденно говорила это, словно Ян Гамарник, прославленный командарм, был ее собственный сын, за которого она могла поручиться своей жизнью.

Отец не спорил. Он держал в руках «Красную звезду», в которой черным по белому было написано, что Я. Гамарник, начальник главного политуправления РККА, боясь разоблачения, покончил жизнь самоубийством. Что думал он при этом?

Однажды очень поздно к нам пришла зареванная приятельница мамы — жена начальника тыла корпуса Моташука. Ее мужа тоже взяли. Уткнувшись заплаканным лицом в руки, безвольно лежавшие на столе, она вздрагивала всем своим крупным телом и тонко причитала:

— Как же так. Как же так! Ведь Ванечка столько лет в партии. Он же честнейший человек! Кому верить? Как жить?

Мать молчала. И отец не пытался утешить гостью. Моташука он знал как дельного работника, старого партийца... Что сказать этой женщине? Что он и сам давно не спит ночами?

Вскоре начались события на Хасане и отца перевели на Дальний Восток.

Первая наша квартира в Хабаровске была по улице Запарина, чуть ниже Серышева, как раз напротив штаба округа. Здесь был небольшой военный городок — четыре деревянных дома, где жили штабные работники.

...С Борькой Решетниковым нас связывала крепкая мальчишечья дружба. Мы учились в одном классе, запоем зачитывались Майн Ридом и Фенимором Купером, сами пытались

что-то сочинять. Часто вместе, обычно у меня, готовили уроки.

— Валька, — сказал однажды после уроков Борька, — приходи сегодня заниматься ко мне. Что-то твоя мамаша на меня косо смотрит.

Мама, это точно, Борьку не любила. Ходил он какой-то весь взъерошенный, воспитанностью не отличался, учился так себе. А мама считала, что дружить можно только с хорошими учениками. Короче, она не одобряла наших отношений и все время ждала от Борьки для меня каких-то козней, дурного влияния.

Решетниковы жили в соседнем доме, на первом этаже. Когда я пришел к ним, Борькин отец в проходной комнате чистил револьвер. Мы было остановились посмотреть: оружие было предметом самых жарких наших вожелений, каждый уважающий себя мальчишка имел поджиг и саблю, выструганную из старой ножи венского стула. С этим нехитрым вооружением мы разыгрывали во дворе шумные баталии. Играли в чапаевцев, в казаков-разбойников а иногда заснеженная поляна за домами превращалась в Чудское озеро, и тогда Александр Невский — Борька Решетников вел свою дружину на псов-рыцарей.

Но наши пистолеты и сабли — все это были игрушки, а тут настоящий револьвер. Я даже потрогал один из лежащих на столе патронов.

— Идите, мальчики, идите. Занимайтесь, — прогнал нас Решетников-старший.

Выстрел хлопнул глухо и жестко. Бросив учебники, мы кинулись в соседнюю комнату. Борькин отец лежал на полу, завалившись ногами под стол. Черная лужа крови заливала пол.

— Костя, Костя! — причитала над трупом Анна Васильевна. — Что же ты наделал, почему?

А мне сразу вспомнился тот, еще в Калининe, разговор о самоубийстве Гамарника.

Вскоре мы переехали на другую квартиру, по Калининской, 88. Это был старинный купеческий дом в два этажа. Сейчас здесь размещается народный суд, а тогда, в тридцать восьмом году, дом был жилой. Железное, с узорчатым плетением крыльцо вело в коридор. Его стены были расписаны,

как мне казалось тогда, великолепными картинами. На одной были изображены рыбаки, тянувшие из воды полную добычи сеть. На другой — крестьянин в белой, ниже колен рубахе сосредоточенно шел за плугом. Каурая лошаденка тяжело ступала по вспаханной земле.

Наверное, родителям надо было подождать с переездом. В одной комнате в углу лежала куча чьих-то чужих вещей. Здесь было много интересного: ветвистые олени рога, двустволка с красивой чеканкой, старинные часы из желтоватой бронзы, чучело совы и еще что-то, привлекавшее мое любопытство. Но трогать все это категорически запрещалось. Отец повторил мне свой строжайший запрет несколько раз.

На каждой вещи была прикреплена картонная бирка с красной сургучной печатью. Через неделю после нашего вселения подошел грузовик, и два красноармейца все это великолепие куда-то увезли. Вещи принадлежали прежнему жильцу, который незадолго до нашего переезда был арестован.

С той поры прошло более пятидесяти лет. Тогдашним одиннадцатилетним мальчишкам уже перевалило на седьмой десяток. Теперь мы хорошо знаем, что означали те страшные дни. А недавно мне напомнило о них письмо, пришедшее из Новосибирска. Писал Борька Решетников. Да, да, тот самый мой хабаровский дружок. В одной из книг о Великой Отечественной войне он натолкнулся на мой очерк о В. И. Пеллере и написал наугад. Борькина одиссея ничем не отличается от трагических историй тысяч семей «врагов народа». Вскоре после самоубийства старшего политрука Решетникова его с матерью выслали на Север, в Котлас. Вернулся Борька в Хабаровск только в 1954 году, один: Анна Васильевна умерла в лагере. Борька закончил железнодорожный техникум, поколесил по всей стране, сейчас обосновался в Сибири, пенсионер. Его письмо, словно прилетевшее из далекого детства, и навеяло на меня эти воспоминания. Кажется, все это было совсем недавно.

1989 г.

СТРОИТЕЛЬ ЖИЗНИ

*Двух жизней нет — дана всего одна.
Ты этой жизни все отдай до дна!..*

А.Н. СОФОНОВ

О нем написано много. И все же мы, журналисты, в долгу перед памятью этого человека, наверное, нужна крепкая писательская рука, которая сумела бы показать Пеллера всего. Проникнуть в самые глубины этого недюжинного характера. Широкого и сильного. И одновременно в чем-то мягкого, по-детски ранимого. Есть десятки очерков. В них Пеллер предстает перед читателем как храбрый солдат на войне, крупный организатор колхозного производства. Полный кавалер ордена Славы, Герой Социалистического Труда, он один из восьми — всего восьми! — человек, кто в нашей огромной стране удостоился таких высоких отличий. Уже одно это вызывает восхищение. Но было в этом человеке богатырско-го сложения и открытой души и нечто другое, что влекло к нему Людей, окружало его имя чуть ли не легендами..

Вот я написал «было», и перо невольно остановилось. Трудно, кажется невозможным, противоестественным говорить и писать о Владимире Израйлевиче в прошедшем времени. Как-то это не укладывается в сознании. Столько было в нем жизненных сил, неумной энергии, таким запасом прочности наделила его природа, что, думалось, не будет ему износа. На войне смерть ходила за ним по пятам. Каждое из трех ранений, полученных под Одессой, в Сталинграде, в боях на Курской дуге, могло стать роковым. Но тогда смерть отступила. Словно знала: этого человека впереди ждут большие дела. И

Для людей В. И. Пеллер старался не ради славы.

он, лежа в бинтах в госпитальной палате, в полузабытьи грезил о далеком родном Приамурье. Когда боль немного отпустила, он закрывал глаза и вызывал в памяти знакомые картины. Вот поутру над Амуром стелется голубоватый туман. Дальние сопки зарумянились в лучах медленно поднимающегося солнца. Земля парит и пахнет полыньей и спелой пшеницей. А широкая волна реки ласково накатывается на прибрежную гальку. В такое утро, когда еще не разлился над полем летний зной, хорошо работается пахарю: воздух чист и прохладен, и день не покажется долгим.

Война для него была тоже работой. Тяжелой и неприятной. Работой, навязанной врагом. Но она была необходима, чтобы вернуться к той, главной, от которой его оторвали непрошенные гости. Он ненавидел эти серо-зеленые мундиры, лица с холодными глазами. Эти люди не щадили ни старика, ни ребенка. Они жгли деревни и опоганивали города. И потому свою солдатскую кровавую работу Пеллер старался выполнять так, чтобы она поскорее кончилась.

Он многому научился на войне. Профессия разведчика требует прежде всего терпения. Что ж, он мог часами, а если надо, и сутками лежать на заледенелом снегу на нейтральной полосе, высматривая: что делается там, у фрицев. А потом со своими ребятами без лишнего шума подползти к вражескому штабу и добыть пару нужных «языков», которые помогут командованию точно разработать план предстоящей операции. Наделенный недюжинной физической силой, он не знал усталости в походе. И вещмешок, до отказа набитый гранатами и автоматными дисками, не казался ему тяжелым, когда надо было взять на себя часть ноши раненого товарища. Он крепко дорожил законами армейского братства.

Его считали удачливым. Что же, не зря поется: «Смелого пуля боится». Под Курском осколок немецкой мины горячо ударил в голову. Рана была смертельна. Но чудо произошло, вопреки всему Пеллер выжил и снова вернулся в строй. Свою военную дорогу он прошел до самого конца, до светлого дня Победы. Был такой случай, когда в горящем Сталинграде Пеллер с шестью бойцами «взял» один из домов, в котором засела большая группа гитлеровцев и не давала нашим продвигаться вперед. Каждый метр пространства простреливался. Чувствуя близкий уже разгром, немцы дрались с ожесто-

чением отчаяния. Больше недели шло настоящее сражение за этот дом. За лестничную клетку, еще одну квартиру, за каждый этаж. Семеро наших «поработали» за целую роту.

Как ни странно, мне трудно представить себе Пеллера в военной форме. Хотя я отлично знаю фотографию, на которой он изображен у развернутого боевого знамени. Снимок сделан сразу после взятия Витебска. Рота Пеллера первой ворвалась в город и водрузила алое полотнище на здании облисполкома. На фотографии он «при полном параде», и новенькая, видно, только со склада гимнастерка плотно обтягивает его ладную фигуру. Ему больше шла штатская одежда. Правда, он никогда не придавал особого значения своему гардеробу, одевался всегда просто, без претензий, по-рабочему. Всякие жизненные блага вообще ему, казалось, были безразличны.

С войны на гражданку Пеллер привез небольшой чемоданчик и веру в то, что все тяжелое, наконец, позади и что все теперь пойдет легко и просто. Вспомним: многим из нас тогда, думалось так. Думалось, что стоит разгромить ненавистного врага, и наступит совсем другая жизнь, радостная, безоблачная. Но такой жизни не получалось. Даже здесь, на Дальнем Востоке, за тысячи километров от мест, где полыхала война, она оставила свои горькие следы. Не хватало машин в колхозах, люди на трудодень получали крохи, и Пеллер понял: чтобы поднять хозяйство, потребуется не меньше усилий, чем было затрачено на фронте.

Журналистские пути-дороги впервые столкнули меня с этим человеком, когда он был председателем колхоза «Правда». Слухи о нем ходили самые разноречивые.

У него была репутация хорошего хозяина, но человека трудного, несговорчивого, крутого нравом.

— Что вы мне навязываете гектары! — кричал он кому-то в телефонную трубку. — Вы мне скажите: сколько вы хотите с меня картофеля. Вам что нужно — гектары или картофель?

Рассказывают случай, когда председатель буквально выставлял из зернового склада не в меру, ретивого уполномоченного, давшего команду сдавать государству семенной хлеб.

— Вы эту партизанщину кончайте, товарищ Пеллер, — говорили ему в райкоме партии. — Здесь не фронт, такие методы работы тут не годятся. Жалуются на вас...

Опустив голову, Владимир Израйлевич терпеливо выслушивал. В душе он и сам не однажды проклинал свою несдержанность, горячность, давал себе слово быть сдержанней. Но каждый раз, сталкиваясь с тем, что он называл «портняжить» — в переводе с его лексикона это означало плохо делать свое дело — снова загорался гневом. Для него выкладываться полностью было чем-то само собой разумеющимся.

Но кто знал Пеллера лучше, видел: для людей он старается — не ради своей славы. В «Правде» председатель развернул большое строительство. Сооружали парники, животноводческие помещения, жилые дома. Колхозная пилорама работала от темна до темна. Каждый день с колхозной усадьбы в лес отправлялось пять лесовозов.

С одной из машин уехал в тайгу Пеллер. Декабрьский ветер переметает поземкой дорогу, крутой морозец обжигает лицо. Вот и участок. Председатель подходит к лесорубам, спрашивается, как дела, спрашивает, что надо прислать из съестного, что передать родным. Вдруг его взгляд падает на нового переселенца Коренева.

— А ты почему, парень, в сапогах? Что-то не по сезону, вроде.

— Не успели валенки купить. А сейчас никак не выберусь.

— Будут тебе валенки. Сегодня же будут. Даю слово.

О том, как Пеллер добывал валенки, можно написать целый рассказ. Он объездил все магазины города, все базы. Товар этот в ту пору был дефицитным. Не один завмаг заслужил от него в тот день звание бюрократа и портняжки. Но валенки он нашел и сам привез Кореневу.

Вспоминается еще одна встреча. В небольшой уютной комнатке за чашкой чая хозяин дома Пеллер и тогдашний секретарь партбюро «Правды» Петр Михайлович Клименков. Жена Владимира Израйлевича Рива подает на стол ужин.

— Вот что я хочу тебе сказать, комиссар, — отодвигает от себя чашку Пеллер и закуривает. — Мало мы о женщинах думаем. И где у них только силы берутся на все: и в колхозе работать, и дома по хозяйству управиться, и детвору растить?

— Известное дело, — подтверждает Клименков, не понимая еще, куда гнет председатель.

— Надо иметь в селе комбинат бытового обслуживания. Чтоб была и прачечная, и мастерские разные. Как в городе.

Сейчас такой разговор никому не покажется удивительным. В редком селе области нет теперь дома быта или на худой конец приемного пункта. Крестьянки освобождены от многих забот, а одеваются при случае не хуже городских модниц. Но этот диалог состоялся почти тридцать лет назад, когда большинство руководителей хозяйств думало совсем о другом: как поднять урожай и продуктивность скота, как из малых колхозных доходов выкроить средства и на приобретение машин, и на строительство, и на удобрения.

После «Правды» Пеллер руководил Надеждинским совхозом, а с 1962 года до последнего дня жизни его судьба была связана с колхозом «Заветы Ильича». Здесь он пережил все свои «звездные» часы: избирался депутатом Верховного Совета СССР, делегатом партийного съезда, тут стал Героем Социалистического Труда.

Если бы мне предложили определить сущность этого человека одним словом, я бы выбрал слово «строитель». Он был строителем и в буквальном смысле: любил и умел строить. Он был и строителем жизни, пусть не покажется кому-то это утверждение высокопарным. Может быть, больше всего Пеллер переживал, что не получил образования. В минуту откровенности не раз сетовал: «Грамотежки, понимаешь, мне не хватает», — и его глаза, когда-то, видно, ярко-голубые, а теперь выцветшие, глядели печально и устало. Но отсутствие диплома с избытком возмещала крестьянская сметка, огромный опыт работы: впервые председателем колхоза «Красный Октябрь» — был такой в свое время в Амурсете — Владимира Израйлевича избрали, когда ему едва минуло двадцать пять лет.

Многим казалось невероятным, что можно держать в памяти столько цифр и имен. Хозяйство — четыре села, тысячи гектаров пашни, сотни разных машин, большое поголовье скота. И при этом Пеллер мог назвать, какой урожай овощей получили в Пронькино три и четыре года назад. Сколько надаивают сейчас молока в Желтом Яре, В каком состоянии строительство любого дома или коровника. Было у него такое, не всем свойственное умение сочетать решение больших, перспективных задач и тысяч всяких мелких дел. И да не обидятся на меня нынешние руководители хозяйства, если я скажу, что слава колхоза родилась при нем, при Пеллере.

Он всегда чутко понимал курс партии, умел видеть за лозунгом конкретное дело, поднять людей на это дело.

Колхоз «Заветы Ильича» — известное в крае хозяйство. Неоднократный участник ВДНХ, он награжден орденом Трудового Красного знамени. Зарубежные туристы, побывавшие в колхозе, восхищаются тем, как счастливо и зажиточно живут здесь люди. Они своими глазами убеждаются, что рассказы сионистов о гонениях на евреев в СССР — бредни. Сегодняшняя колхозная новь камня на камне не оставляет от этих измышлений. Журналистка из ГДР Ева Брюк ярко написала об этом в очерке «Распаханная целина», опубликованном в еженедельнике «Вохенпост». Летом 1967 года она побывала в колхозе, встретила с.Пел-лером. Все ее поражало. Казалось, она с трудом верила тому, что видела. Сопровождавший ее корреспондент АПН по Хабаровскому краю Евгений Бугаенко потом рассказывал, что он не устал удивляться наивности многих ее вопросов. А правда ли, что Биробиджан обнесен колючей проволокой? Нельзя ли взять на память афишу спектакля еврейского народного театра? Без нее «они» не поверят, что я это видела своими глазами. Что касается Пеллера, немецкая журналистка до последней минуты сомневалась в его реальности. «Я буду писать обо всем, что видела здесь, — горячо говорила Ева Брюк. — Люди должны знать правду!».

Казалось, судьбы этих людей больше никогда не пересекутся. Но случилось иное. Четыре года спустя в Брюсселе — столице Бельгии — сионисты организовали очередной шабаш, который официально назывался конференцией в защиту советских евреев. От кого и как собирались они нас защищать? — пусть это останется на их совести. Одновременно в бельгийской столице, по приглашению общества советско-бельгийской дружбы находилась наша делегация: В нее входил и Пеллер. Представители Советского Союза встречались с рабочим, служащими, рассказывали им о жизни в нашей стране, дружбе ее народов.

На одной из встреч слово было предоставлено Владимиру Израйлевичу. Он говорил о нашей Еврейской автономной области, о своем колхозе. И вдруг в зале раздался свист, слышались крики. Громче всех неистовал небезызвестный Меир Кохане. «Все это ложь, красная пропаганда! — орал он,

пытаясь сбить Пеллера. И не успел Владимир Израйлевич что-то сказать, как на сцену поднялась женщина. Ева Брюк — это была она — обняла и расцеловала Пеллера, а потом, обращаясь к собравшимся, сказала:

— Все, о чем здесь говорил этот человек, сушая правда. Я была в этом колхозе, — и она под аплодисменты участников встречи стала рассказывать о своей поездке в СССР;

Больше о Еве Брюк я не слышал. Знаю, что она написала о нашей области много статей, издано несколько брошюр, в которых самые теплые слова о Пеллере.

А его уже нет среди нас. Эту большую, яркую, жизнь оборвала болезнь. Он мог сделать еще очень много. Был полон планов, замыслов. Их осуществят другие. Но долго еще желающие посетить колхоз «Заветы Ильича» будут спрашивать: «Это где председателем знаменитый Пеллер?».

1985 г.

ШНИЦЕЛЬ ПО-БИРОБИДЖАНСКИ

Я сразу увидел его в многоликой столичной толпе. С той, первой нашей встречи он мало изменился. Та же грива седых, спадающих на плечи волос, широкие усы с подусниками, та же высокая ладная фигура. Его бы нарядить в расшитый шнурами кунтуш, на голову — конфедератку, а к бедру — кривую саблю, — ни дать ни взять польский шляхтич из оперы Глинки «Иван Сусанин». Вот только фамилию его никак не мог припомнить. И все же рискнул подойти.

— Не узнаете?

Он остановился, прищурил глаза.

— Биробиджан.

Точно. Наше знакомство состоялось в Биробиджане. А было это так. Тогдашний первый секретарь обкома партии Григорий Ефимович Подгаев был немногословен: «К нам приезжает главный редактор солидного польского журнала. Сопровождает его корреспондент АПН Бугаенко. Встретишь их на вокзале, покормишь в ресторане. Потом покажешь город, свозишь на «Дальсельмаш» и «чулочку». Вечером поездом отправишь в Хабаровск».

Не вдаваясь в детали, скажу только, что вся программа была выполнена пунктуально.

— Помните наш городок?

— Как же, как же... Шницель по-биробиджански. И этот замечательный повар... Яков... да, Яков Блехман.

Я не удивился тому, что изо всего увиденного зарубежный гость особо выделил этого человека и блюдо, ставшее как бы визитной карточкой города. В Биробиджане Яков Блехман — своего рода легенда. Когда в область случалось заехать заграничному визитеру, крупному партийному боссу или высокому столичному чиновнику, потчевать их поручалось самому шеф-повару.

А уж он умел потрафить самому изысканному гурману. Никто лучше его не знал секреты еврейской кухни. На столе появлялись бульон с мандалами, рыба «фиш», кисло-сладкое и, конечно же, коронный номер — шницель по-биробиджански. Блюдо, изобретенное Яковом Исааковичем. Смакуя сочное мясо, запеченное в яйце, и похрустывая зажаренным до золотистого цвета картофелем, гость буквально стонал от удовольствия. А завершив трапезу, просил пригласить повара, чтобы лично его поблагодарить.

Обычно присутствовавший при этом директор ресторана «подливал масла в огонь», перечисляя конкурсы, на которых Блехман неизменно выходил победителем, и присвоенные ему почетные звания: «Мастер-повар», «Отличник советской торговли», «Мастер-золотые руки». Награжден орденом «Знак почета». А под занавес ходил с козырного туза: — Он самого маршала Блюхера кормил...

Детство Яшки пришлось на годы гражданской войны. То было тревожное, лихое время. В солнечной, шумной Одессе власть менялась едва не каждый день. Вчера город захватили красные, сегодня над зданием Городской думы вьется белосине-красный флаг. А завтра, глядишь, по приморскому бульвару хозяевами разгуливают австрияки либо чубатые хлопцы из банды какого-нибудь батьки.

Впрочем, в семье кондитера Исаака Блехмана это мало что меняло. От перемены власти достатка в доме не прибавлялось. А ведь Исаак в своем деле был, что называется, дока, и если бы ему хоть чуть-чуть улыбнулось счастье... Но счастье, эта синяя птица удачи, стороной облетала улицы, где ютилась еврейская беднота.

Почему, часто думал он бессонными ночами, мир устроен так несправедливо. Одному всего дано сверх меры, другой едва сводит концы с концами. Почему всемилостивый еврейский бог не позаботится, чтобы он, Исаак, открыл свою кондитерскую, имел богатых клиентов, достаток?.. Вот однажды, грезилось ему, он выйдет из дома и найдет на улице пачку ассигнаций. Или какой-то загулявший барин забредет ненадолго в их квартал, оценит его изделия и сделает ему хорошую рекламу.

Мечта денег не стоит. Но и не прибавляет. Ассигнации как-то не находились. Да и кому их было терять в этих трудностях. И господа толстосумы сюда не заглядывали: они предпочитали покупать в шикарных магазинах Фанкони. Так и умер мастер-кондитер, не дождав своей синей птицы. А вскоре за ним последовала и жена. Дети остались сиротами.

И кто знает, как бы сложилась их судьба в те кровавые страшные годы, когда и взрослый-то не мог поручиться за завтрашний день. Скорее всего, как и многих одесских мальчишек, ждала их голодуха, беспризорщина. Но оказалось, в молодой Советской республике есть кому побеспокоиться о таких, как они. Избавление явилось в виде незнакомых людей в кожаных куртках и со звездами на фуражках. Это были чекисты.

— Собирайтесь! — сказал главный из них. — Поедете в детдом. Там вам будет хорошо.

Детдом... Это звучало пугающе. Но ничего страшного не произошло. Детей одели, кормили, а главное, что больше всего понравилось Яшке, он стал учиться.

И пришло время, когда надо было решать — кем быть? Якова направили в техникум пищевой промышленности. Специальность нравилась: он пойдет по стопам отца. Учился жадно, не за страх, а за совесть. А получив диплом, сразу — не частый случай — получил предложение занять место повара в ресторане. Любой на его месте посчитал бы, что ему крупно повезло. Повар в ресторане. Шутка ли! Как говорится, и сыт, и нос в табаке. Но у молодого Блехмана был другой счет. Он звал его на Дальний Восток, где в таежном краю строился новый город. Комсомольск-на-Амуре.

А судьба уже готовила ему другой поворот жизни. Не успел он устроиться, поработать, как явился вербовщик и уго-

ворил его ехать в Тихонькую, где тоже шла ударная стройка. Так для Якова Блехмана начался Биробиджан.

В переселенотделе и слушать не захотели его просьбу — направить в строительную бригаду. «Твое дело — кормить людей, это не менее важно». И стал Яков Исаакович работником общепита и уже до самой пенсии не изменил избранной профессии. Был только перерыв в несколько лет, когда Яков Блехман ушел солдатом на Великую Отечественную.

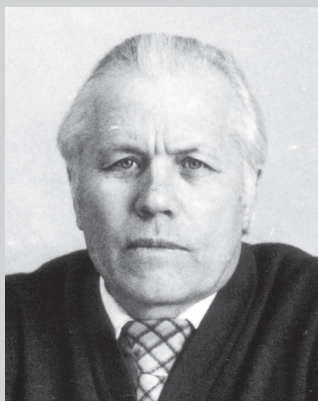
Один журналист свой очерк о Блехмане начал так: «Известный иллюзионист Вольф Мессинг выступал в Биробиджане. Премьера началась необычно. На сцену, залитую светом прожекторов, вышла женщина и обратилась к залу:

— У Вольфа Григорьевича хорошее настроение. Знаете почему? Он сказал, что объехал весь свет, но нигде не ел такого вкусного обеда, как в вашем городе! Он просил передать повару спасибо!

И зал ответил аплодисментами. Сотни лиц обернулись в сторону пожилого лысоватого мужчины, который, смущенно опустив голову, сидел в окружении семьи в среднем ряду. Позже он говорил:

— Я тогда растерялся: пришел в зал как зритель, а люди хлопают мне, и жена шепчет: «Гордись, Яков. Ты у меня знаменитый человек!» А я ведь просто повар...»

Счастлив тот, кто оставит после себя на земле добрый след. Построит дом, посадит дерево... Уже давно на заслуженном отдыхе старый повар, но по-прежнему во всех ресторанах города подают шницель по-биробиджански. И, смакуя сочное мясо, залитое яйцом, посетитель восхищенно говорит: «Нет, это что-то особенное!».

Федор Андреевич ФЕТИСОВ

Журналистский путь Федора Андреевича длиной более полувека берет начало с армейской, а вернее, с флотской службы. В октябре сорок четвертого года был призван в армию. А в августе сорок пятого началась война с милитаристской Японией. Он не любит вспоминать те годы. Лишь однажды обмолвился, что после очередного десанта Амурской Краснознаменной флотилии многие его сослуживцы не вернулись назад.... Писать во флотскую газету он начал после войны. Отслужив же, решил попробовать силы в профессиональной журналистике. Стал сотрудником одной из районов Хабаровского края. Писал остро, задиристо, не взирая на чины и звания. А когда задел критикой высокопоставленного чиновника, ему посоветовали найти другую работу. Но в Хабаровске рассудили иначе – молодого журналиста направили собкором ТАСС в Еврейскую автономную область. После окончания газетного отделения Высшей партийной школы Федор Фетисов стал заместителем главного редактора областной газеты «Биробиджанская звезда». Читателям он запомнился острыми проблемными публикациями, многие из которых рассматривались на уровне союзных и республиканских министерств и ведомств. За цикл проблемных статей дважды лауреат конкурсов Союза журналистов СССР. Мастер информационного жанра, он интересно писал о людях, внесших свой вклад в развитие автономии. Отметив в этом году свое восьмидесятилетие, ветеран журналистики по-прежнему в профессиональном строю, но уже в роли наставника молодежи. Многие его ученики стали известными в области журналистами, возглавляя редакции газет. Федор Андреевич Фетисов продолжает активно участвовать в работе Областного Союза журналистов. Член административной и мемориальной комиссий при мэрии г. Биробиджана и областной комиссии по помилованию.

Годы и судьбы

КАЛИНОВКА ЗА УНИЖЕННЫХ

Кадровики всегда удивлялись стремлению Игната Никаноровича Лескова к перемене мест.

Причем его всегда почему-то тянуло в северные края. Особенно настырным он обычно неопределенно отвечал: «Так складывалась жизнь» — и тут же старался уйти. Кому же охота, чтобы кто-то копался в его биографии. Порой хотелось и самому лишний раз забыть все эти вынужденные переезды и все, что связано с ними, свое голодное и холодное детство, скорбное лицо матери, угрюмость отца.

В ином свете увиделась прожитая жизнь только после принятия закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Пусть и запоздал он: жизнь-то прожита совсем по иным установкам, но лучше, как говорится, позже, чем никогда. Пусть дети и внуки наконец-то узнают всю горькую правду о своих родовых корнях, о том, как издевались в России над исконными тружениками, приклеивая им навечно обидные и ничем не заслуженные ярлыки. Вот когда, мне кажется, началась деградация в селах, всякие сомнительные эксперименты над крестьянами, которые продолжаются и поныне. Из-за всех этих перетрясок от некоторых деревень остались только точки на карте. Так случилось, в частности, и с казачьим селом Степаново, откуда

родом Игнат Лесков — давно уже биробиджанец с привычками домоседа.

Именно так подчеркнул он в беседе со мной и В.И. Зайцевой — ведущим специалистом, занимающимся этими вопросами в областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

В выданной архивом копии списка кулаков, подлежащих выселению из пределов Биробиджанского района, семья Никанора Дмитриевича и Ефросиньи Анисимовны Лесковых значилась тогда где-то посередине, под номером двадцать вторым. В семье тогда было восемь едоков. Кормились от земли, засевая шесть гектаров пашни.

И вдруг в начале тридцать первого года райисполком довел крестьянскому хозяйству совершенно немыслимое задание — засеять двадцать гектаров зерновых. Как это сделать, не имея достаточного количества семян и всего с двумя рабочими лошадьми?

Теперь-то ясно, что так был задуман предлог: за срыв твердого задания комфракция райисполкома постановила арестовать главу семьи и отправить его под конвоем в Хабаровскую тюрьму, имущество же описать. Из характеристики видно это самое имущество: две рабочих лошади и два жеребенка, три коровы и три теленка, три дома, два амбара, завозня, баня, кузница, конная мельница, плуг, сеялка, молотилка, сенокосилка, конные грабли, сепаратор, пасека из 22 ульев.

— *Все понятно, кроме домов. Даже на малую семью три дома вроде бы ни к чему.*

— Мой дед Дмитрий Иванович, — пояснил Игнат Никанорович, — привез дом в разобранном виде на плоту из Забайкалья. К моменту раскулачивания забайкальский дом использовался в качестве омшаника, а жили мы в более просторном доме. Ведь у деда было шесть сыновей и три дочери. По мере отделения каждому сыну строили свой дом. Такой дом здесь же, рядом, родные построили и дяде Алексею, который сначала перебрался в Хабаровск, а потом погиб в заключении на Соловках. Там же, кстати, оборвалась жизнь и другого моего дяди — Николая, который, по семейной хронике, был революционером.

Так вот, отца забрали в июне, а в августе и матери было предложено покинуть Степаново. Мне было тогда семь лет,

старшему брату — одиннадцать, сестренке — пять лет и младшему братишке — три годика.

Мать запрягла выделенную сельсоветом лошадь, усадила младших на узлы с одежкой, и двинулись мы по царской дороге. Ночевали у родственников в селе Желтый Яр, утром приехали на станцию Тихоньяка. К концу дня были в Хабаровске.

Здесь нас приютил дядя Василий, который жил в своем доме по улице Серышева. Мать нанялась уборщицей на железнодорожную станцию. К тому времени отца в Хабаровске уже не было: из-за тифа, который охватил заключенных, его отправили на спецпоселение в Николаевск-на-Амуре с правом вызвать к себе семью. Однако никакими документами это не было оформлено. Возможно, из-за спешки, а может быть, так и задумано было: что церемониться с кулаком и его выродками?! Без права на жительство куда они денутся, будут жить там, где укажут власти: ясное дело, не в городе, а где-нибудь у черта на куличках.

Не знаю уж, по каким причинам нам пришлось прожить в Хабаровске почти год. До сих пор помню постоянную мечту тех лет — хоть бы раз поесть досыта. Не каких-нибудь там «Сникерсов» или «Марсов», а простого хлеба, который забрали у нас в Степаново вместе со всем хозяйством.

В Николаевске, куда мы перебрались к отцу в барак, жилось еще труднее. Отец плотничал, мать пилила дрова по найму, но их заработка не хватало. Иждивенцам, а нас было четверо, продовольственные карточки не полагались, тем более детям кулака. Да и магазины были пустые. Мы пухли от голода.

Теперь-то я понимаю, что лидером в нашей семье была многострадальная мать. Она прослышала, что на Сахалине, где в то время были японские концессии, людям живется полегче. Отец не стал перечить. Снесли родители в Торгсин свои золотые обручальные кольца, на выручку взяли немного еды и билеты на всю ораву до Александровска.

Здесь стало полегче, но опять беда — началась паспортная. У родителей же вместо паспортов была одна на двоих справка о раскулачивании. Из-за нее-то мы и терпели все лишения. Нам было предложено в 24 часа покинуть пределы острова.

Приехали во Владивосток, но и здесь такие бесправные были не нужны. Опять ультиматум, опять 24 часа на сборы.

На вокзале родители прослышали, что в Хорском леспромхозе, что в районе имени Лазо Хабаровского края, можно устроиться на работу и без паспортов.

Приехали в Бичевую — центр леспромхоза, прожили зиму и опять ультиматум — в 24 часа покинуть поселок. С милицией не поспоришь.

Случайно узнали, что в пяти километрах от Переясловки в небольшом колхозике остро нужны рабочие руки. Мы отправились туда. Отец, как обычно, плотничал, мать ухаживала за скотом, не бездельничали и мы, дети.

Так прошла зима, а весной — опять уже знакомый ультиматум: немедленно покинуть Екатеринославку.

На этот раз решили перебраться в город Свободный, где жил отцов брат, мой дядя Яша. Нас поселили в бараке на Свободненской пристани. Надо было ходить в школу за пять километров. После пережитых мытарств нас это особо не смущало. Однако и здесь милиция не оставила нас в покое — предложила покинуть пристань. В народе говорят, что два переезда равняются одному пожару. А сколько их было в моей жизни, когда гоняли нас, как зайцев под выстрелами, по всему Дальнему Востоку!..

Мы слышали, что в северных районах Амурской области, если добираться по Зее, есть золотые прииски, куда принимают и без паспортов, поскольку это не самое лучшее место на земле и обычные труженики не очень-то сюда рвутся. Приехали на прииск Юбилейный, а он уже выработан: оседать там надолго нет никакого смысла. Тогда отправились на прииск Ясный. Отец строил здесь школу, клуб, небольшой кинотеатр, мать ходила на разные работы. Вечерами и по выходным и свой домик мы все вместе соорудили. Но опять известная старателям беда — кончились запасы природного золота.

Пришлось перебираться по Зее еще за 45 километров — на прииск Октябрьский. Опять стали строить свой дом, но теперь уже надолго — до начала Великой Отечественной войны. Я к тому времени закончил семилетку, но учиться дальше не пришлось — всех мужчин, в том числе и спецпереселенцев, забрали на фронт, а план по добыче золота никто не снижал. В шахту, правда неглубокую, спустились женщины да двое нас, подростков. Золотоносный песок мы добывали и промывали почти круглый год.

В августе сорок второго года меня призвали на военную службу, и только через два года после этого родители сообщили мне, что им выдали паспорта. Письмо от них пришло уже из села Аяк. И снова все пошло по привычному кругу — родители построили свой дом, купили корову, завели другую живность: в селе без этого не проживешь. И тогда так было, и сейчас так осталось.

— *Ваша служба, Игнат Никанорович, приходится на самые трудные для Родины годы. Где вы находились в это время?*

— В различных гарнизонах Приморья. Осваивал военное дело. В составе 63-го разведотряда Тихоокеанского флота участвовал в войне с Японией. Сразу после бомбежек нас первыми высаживали с торпедных катеров прямо в корейские порты. В Райсине меня контузило от близкого разрыва снаряда, причем не японской, а российской пушки. Выходит, я опять пострадал от своих. Левое ухо отошло, а правым так и не слышу до сих пор.

После пяти лет срочной службы снова вернулся домой, но уже как бы свободным человеком: мне впервые выдали паспорт. Теперь мы были вольны сами определять свою судьбу. На семейном совете решили перебраться сначала в Свободный, а потом в Комсомольск-на-Амуре, где после окончания ФЗО работали мои брат и сестра: Люба ремонтировала паровозы, Валентин шоферил.

Вот когда я хватился: ведь у меня ни образования, ни профессии. Не теряя времени пошел в вечернюю школу. Три года работал и учился, потом окончил шестимесячные курсы техников-нормировщиков.

Но это еще не образование, хотелось большего не только самому Игнату, но и Полине, которая к тому времени стала его женой. Так в Хабаровском филиале Московского заочного финансово-экономического института появился еще один студент.

— Мне приходилось тогда, — вспоминает Полина Пантелеевна, — совмещать по две работы, волчком крутиться с детьми, но Игнат все-таки добился своего, закончил институт. Вскоре после этого его пригласили на работу в Биробиджан, дали квартиру.

Игнат Никанорович был начальником планово-экономического отдела строительно-монтажного управления, глав-

ным экономистом треста. Три года отработал старшим инженером планового отдела в тресте «Дальтрансстрой», который строил БАМ. В 56 лет, с учетом северного стажа, оформился на пенсию, но еще многие годы исправно нес службу в областном контрольно-ревизионном управлении.

— *С давних пор в России принято считать, что сын за отца не отвечает. Так ли это?*

— За всех не берусь судить, а я себя всю жизнь чувствовал изгоем в своей стране. Правда, меня никто не укорял за то, что я сын раскулаченного, но я всегда чувствовал сдержанное отношение к себе. Мне так хотелось быть авиатором в любой роли, но меня туда не пустили, дали понять, что из-за недоверия: вдруг куда-то улечу. И по работе крепко притормаживали.

— *Но теперь-то, кажется, справедливость восторжествовала?*

— Да, доброе имя отца восстановлено, его не следовало раскулачивать: для этого не было оснований. Незаконно сажали его в тюрьму, отправляли в ссылку, морили семью голодом во время вынужденных скитаний. В порядке компенсации за изъятое когда-то имущество в августе прошлого года уже постаревшим детям Никанора и Ефросиньи Лесковых было выдано пять с половиной миллионов рублей (нынешних тысяч. — *Прим. ред.*) — чисто символическая плата за материальный и моральный ущерб. Получили они и положенные по закону льготы — своего рода извинение за свое горькое прошлое, за искаленную жизнь. Такова вкратце печальная история одной семьи.

— *Сколько же всего в области невинно пострадавших от необоснованных политических репрессий?*

— На начало нынешнего года, — пояснила В.И.Зайцева, — на учете в отделах социальной защиты населения значится 560 реабилитированных или признанных пострадавшими от политических репрессий. Все это происходило тогда, когда и области-то самой еще не было и административное деление было совсем иным.

Тем, кто представил необходимые документы, выплачена компенсация за конфискованное или утраченное имущество на сумму около ста миллионов рублей. Это капля в море по сравнению с теми унижениями, тем моральным ущербом, которые пришлось пережить людям за время их вынужденных скитаний.

Когда знакомишься с документами людей, обратившихся в областную комиссию в поисках погрязнувшей когда-то справедливости и элементарных человеческих прав, то становится горько и обидно за тех, чьи судьбы были искалечены. К примеру, один из пострадавших от политических репрессий пишет в своем заявлении, что только сейчас, когда появился доступ к архивно-следственным документам, он в 73 года узнал имя своей матери.

В другом случае реабилитированный пишет в своем заявлении, что отца арестовали и забрали на работе, а мать с грудным ребенком на руках и кучей маленьких детей (шестеро!) ночью выгнали из дома, дали лошадь с телегой и отправили в чем были на выселение. Только доброта людей помогла им выжить.

Вот еще характерный пример. По документам М.П., проживавшего до ареста с родителями в селе Надеждинское Биробиджанского района, видно, что главу семьи — отца — арестовали и постановлением пресловутой тройки ОГПУ приговорили к расстрелу в 1933 году. Всю семью выселили в Комсомольский район на лесозаготовки. Старшего же брата арестовали уже в 1938 году и тоже расстреляли как сына кулака. Дополнительная проверка показала, что для этих репрессивных мер не было ни малейшего основания.

Анализ показывает, что раскулачивали тогда тех, кто работал, не считаясь со временем, поливал потом родную землю, думал о будущем своих детей, внуков — продолжателей рода своего. И вот этих трудолюбивых крестьян изгоняли со своих наделов, обрывая с ними всякие корни. Отправляли их обычно вместе с семьями в глухую тайгу на лесозаготовки, на комаров и гнус, на холод и голод.

Эти люди не имели никаких документов, кроме справки о раскулачивании. В местах поселения обычно находились коммандатуры, без разрешения которых спецпоселенцы не имели права сделать ни одного шага. Иначе говоря, это был трудовой лагерь, в котором взрослые жили вместе с детьми.

Примечательно, однако, что все эти теперь уже в основном пожилые люди, несмотря ни на какие невзгоды, не сломались, не потеряли веру, не озлобились. Они не только всю свою нелегкую, полную лишений жизнь работали до седьмого пота, но и воспитывали детей, воспитывают внуков, раду-

ются жизни и тому, что хоть и поздно, но справедливость все-таки восторжествовала.

...Вот и закончен трудный разговор. На журнальном столике тут же появился отварной картофель, огурчики со своей дачи, копченая рыба и бутылка калиновки, как назвала самодельное вино Полина Пантелеевна.

— У нас на Щукинке, — пояснила она, — много этой горькой ягоды, знакомой нам еще с детских лет. Я не пользуюсь дрожжами, пейте без опаски: сердце не прихватит.

Первый тост был за гостеприимных хозяев, а второй, не сговариваясь, мы подняли за всех униженных в ходе политических репрессий, пожелав им доброго здоровья и долгих лет жизни.

Так уж случилось, что эта памятная встреча прилась как раз на родительский день.

Май 1996 г.

МИЛЛИОНЫ... В ОТВАЛАХ

В дальневосточных газетах промелькнуло сообщение о том, что Президент страны В.В. Путин объявил благодарность коллективу Кульдурского бруситового карьера за успешную разработку редчайшего в мире минерала. Такого события еще не бывало в истории нашей области. С тех пор прошло семь лет.

— Ну а сейчас как вам живется — работается? — спросил при встрече руководителя горнорудного предприятия Виталия Францевича Жухевича, давнего моего знакомого, ветерана родного производства.

— Грех обижаться, — ответил он, — уверен, что и в этом году не сдадим позиций. Мы же теперь сами хозяева. Сами добываем минерал, сами находим рынок сбыта. Неплохо получается. Отвалы заметно сократились. Есть немало наработок, задумок, но я, пожалуй, пока лучше промолчу о них. А вам, как мне кажется, лучше бы рассказать предысторию президентской благодарности. Думаю, что это было бы интересно и поучительно для молодых журналистов. Что-то мало вижу я в нынешних местных газетах такой настырности.

А события развивались так.

ОТ ОТКРЫТИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЯ до его освоения обычно проходят годы, порой и десятилетия. Кульдурскому бруситу повезло — его стали добывать почти сразу. Были заложены многочисленные опыты. Результаты превзошли самые смелые ожидания. Использование даже низких сортов

природной гидроокиси магния (как еще называют брусит) на Амурском ЦКК показало возможность увеличения мощности предприятия сразу на пятнадцать процентов при одновременном улучшении качества целлюлозы. Самым высоким требованиям отвечал и периклаз, выплавленный из нового минерала, жженая магнезия, спрос на которые особенно вырос к началу семидесятых годов. Посыпались многочисленные заявки от производителей.

Теперь мы достаточно хорошо знаем, что без брусита технический, прогресс в электротехнической, металлургической, целлюлозно-бумажной промышленности и в ряде других отраслей невозможен. Производные гидроокиси магния не только ускорители многих технологических процессов, но и ни с чем несравнимый огнеупорный материал. Только за одно это бруситу, право же, не жаль поставить памятник от благодарного человечества. Но этот созданный в лаборатории природы уникальный минерал способен и на многое другое. Не зря же в его добыче, по данным производственного геологического объединения «Дальгеология», заинтересовано сейчас двадцать отраслей народного хозяйства.

Особенно велик спрос на жженую магнезию. Ее не хватает в стране. Приходится покупать по дорогой цене за рубежом, тратя на это валютные средства. Может быть, неизвестно, как подступиться к нынешним отвалам? Известно, причем давно. Еще в 1974 году институт ВНИИ-йодобром Минхимпрома СССР разработал технологию химического обогащения бруситов. Она безотходна, безопасна и не сопровождается вредными стоками и выбросами в атмосферу. Чего же лучше? Никто не оспаривал новшество, но и не заинтересовался им, ведомственные интересы пока берут верх.

СТОИМ НА ВЕРШИНЕ СОПКИ, прямо на рудном теле. Рядом работает тяжелый экскаватор, один за другим нагружая «БелАЗы» и «КрАЗы». За ними вгрызается в монолит буровая машина, подготавливая скважины для зарядов. Чуть дальше — свежие шрамы уступов карьера, обнажившего залежи плотного, с белым отливом, камня. Пояснения дает главный геолог горного управления Богдановичского завода огнеупоров Г.И. Вольхин, часто бывающий здесь, на разъезде Карадуб, где находится рудник.

Мощность залежи местами достигает десятков метров, находится она близко к земле. Так что подгоняй экскаватор и черпай полным ковшом. В технике недостатка нет и обслуживать ее в основном есть кому. За пятнадцать лет горняки вынули из недр земли 450 тысяч тонн брусита первого и второго сортов. Много это или мало? Смотря с чем сравнивать. Если с планом, то коллектив с ним справляется. Полугодовой по всем показателям выполнен досрочно. Снижена себестоимость тонны добытого минерала, почти на десять процентов возросла производительность труда каждого горняка. Удачными были и прошлые годы.

Если же сравнивать добычу с возможностями, то они не используются и наполовину. Техническим проектом, утвержденным Министерством черной металлургии СССР, куда входит Богдановичский завод огнеупоров, годовая производительность карьера определена в 90 тысяч тонн. Фактически средний уровень добычи за последние десять лет составлял 30—38 тысяч тонн. Нынешних хозяев рудника — завод, Всесоюзное производственное объединение (ВПО) «Союзогнеупор», Минчермет СССР — такое положение, похоже, вполне устраивает. Причем их интересуют только первый и второй сорта. Брусит третьего и четвертого сортов согласно техническим условиям, разработанным ведомственными институтами, считается забалансовым, т. е. не представляющим ценности. В некоторых документах он почему-то даже именуется попутной добычей. Ценнейшее сырье многие годы сваливают в отвалы. В них находится сейчас свыше 900 тысяч тонн брусита. Это поистине потерянные сотни миллионов! Вот к

чему приводит выборочная, а точнее сказать, хищническая разработка уникального месторождения.

КУЛЬДУРСКИЙ КАРЬЕР — это фактически цех завода огнеупоров. Их разделяют тысячи километров. Один на Урале в Свердловской области, другой на Дальнем Востоке. Но в административном отношении это единое целое, работа рудника не учитывается в показателях Облученского района, области и края. И выходит, что с одной стороны рудник есть, а с другой его вроде бы и нет, поскольку показатели его работы, причем довольно весомые, учитываются совсем в другой области. Для горняков такая двойственность положения оборачивается невниманием к ним как на производстве, так и в быту.

Поначалу люди мирились с этим, потом им надоело слушать обещания, и они обратились с письмом прямо к министру. Приехала комиссия во главе с заместителем начальника ВПО «Союзогнеупор» А. Н. Дривинским. Все претензии, высказанные рабочими, оказались справедливыми. Действительно, рудник застраивается плохо. Дважды на самом высоком уровне принимались решения по этому поводу, и оба раза они оказались невыполненными. Сооружение карьера ведется тринадцатый год. Полная сметная стоимость объектов производственного назначения и соцкультбыта 14,2 миллиона рублей. Освоено лишь около пяти миллионов.

— Нас сильно подводит генподрядчик — трест «Биробиджанстрой», — говорит начальник рудника А. Д. Косарев.

И это верно. Как верно и другое — не лучше ведется и строительство хозяйственным способом. С начала года план по данному показателю выполнен лишь на треть. А дел, как говорится, непечатый край. Многие сделано по временной схеме, а служит уже многие годы. Дробильно-сортировочный комплекс, например, строили в 1973 году еще под «ЗИЛы», которых здесь уже давным-давно нет. Почти рядом с недостроенной кочегаркой действует другая — временная. Во временном депо находится зимой тепловоз, во временную столовую ходят на промплощадке рабочие...

ВРЕМЕННОСТЬ, ВРЕМЕНЩИКИ — слова одного корня, одного оттенка. И не хотелось бы применять их, а прихо-

дится. В самом деле, разве по-хозяйски брать из уникального минерала только одни, пусть даже и очень нужный компонент — периклаз. С государственной точки зрения это по меньшей мере расточительство. Брусит используется сейчас лишь на 62 процента, остальное — потери, хотя одна транспортировка его к месту переработки стоит огромных средств — свыше тысячи рублей каждый вагон.

— Все верно, но далеко не все зависит от нас — сказал в беседе директор Богдановичского завода огнеупоров Н.А. Овчинников, с которым мы встретилась в Биробиджане. — Завод имеет договоры на сотрудничество с семью институтами. Главным по нашей продукции считается Восточный институт огнеупоров, который находится в Свердловске. В декабре прошлого года мы вместе провели работы по удалению вредных примесей из порошкового периклаза химическим способом. Сейчас дорабатываем эту технологию. Наша цель — научиться делать из брусита второго сорта первоклассный электротехнический периклаз.

Обратите внимание: из второго сорта, а о третьем и четвертом сортах и речи никто не ведет, будто их и не существует в природе.

Что бывает с дитем у семи нянек, известно. Уж больно не поспешают ВИО, Уралмеханобр и другие ведомственные институты, имеющие договоры с заводом. Очень правильно вскрыты коренные причины подобной работы в недавно принятом постановлении Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности некоторых отраслевых научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций». Складывается впечатление, что ученые мало задумываются о том, как наладить более полное, а лучше — безотходное использование брусита. Такие темы в планах работы записаны, только отдачи в виде конкретных рекомендаций науки все нет и нет, а ведь проблема возникла много лет назад.

ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЛИ МНЕ специалисты управления Хабаровского округа по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору (Госгортехнадзор СССР). На многое открыли глаза документы. В распухшей от бумаг папке хранится переписка чуть ли не за

всю историю рудника. Знакомишься с этими документами, и невольно приходишь к убеждению, что некоторые довольно солидные организации больше склонны обещать, чем решать дела.

Еще в конце 1980 года ВПО «Союзогнеупор» дало указание Восточному институту огнеупоров и институту «Урал-гипроруда» решить вопрос об использовании в народном хозяйстве бруситов третьего и четвертого сортов. Улита одет, когда-то будет.

Или вот задание попроще — произвести корректировку рабочих чертежей по карьере. Формально сделано все, что требовалось, а пользоваться чертежами нельзя: они не учитывают нынешних контуров рудного тела. Эти же институты чисто формально разработали нормативы потерь бруситов, предложив коэффициент, который называется поправочным. Специалистами он признан недостоверным, а значит, и непригодным.

Ученые и практики единодушны в том, что визуально очень трудно, а порой просто невозможно разделить минерал по сортам: у него нет ярко выраженных признаков. Точное заключение обычно дает только химический анализ. Детальная разведка доказала незакономерную перемежаемость всех сортов брусита между собой и даже с вмещающими породами (кальцефирами). Селективная (выборочная) разработка залежей весьма затруднительна, осложняет и удорожает добычу. Но завод не считается с затратами, он все равно не остается в накладе. Каждый работник рудника выдает продукции в денежном выражении примерно в пять раз больше, чем в среднем по заводу. В основе этого — уникальность месторождения, которое к тому же находится буквально рядом с железной дорогой и ЛЭП. А уж о содержании руды и говорить не приходится, ей нет равной в мире.

Подчеркну еще раз, технические условия на добычу брусита разработаны по заказу Минчермета СССР в подчиненных ему институтах. С первым и вторым сортами на заводе меньше возни, выше качество периклаза, соответственно выше и суммы премий. Вот они, главные мотивы, руководствуясь которыми, с месторождения снимают «сливки». Часть отвалов, под которыми уже занято изрядное количество земли, засорена вмещающими породами. При этом четвертый сорт

минерала, как уже отмечалось, считается вовсе непригодным для промышленного использования. Между тем среднее содержание окиси магния в нем 57,95 процента, окиси кальция 3,59 процента, Окиси кремния 4,03 процента и окиси железа 0,15. Это куда более богатое содержание компонентов, чем в применявшихся ранее магнезитах, из которых готовили огнеупорный кирпич. Такая ситуация многие годы вполне устраивала черную металлургию, а теперь лучшие по качеству сырья бруситовые руды оказались в отвалах.

ЗНАЮТ ЛИ ОБО ВСЕМ ЭТОМ руководители и специалисты ВПО «Союзогнеупор»? Безусловно, знают. Но их вполне устраивает такое положение. К чему лишние заботы, хлопоты, если экономическое благополучие в отрасли и без того обеспечивается. Им нужен периклаз — они его имеют, при желании могут иметь еще больше. А чтобы брать из брусита все, что заложила в него природа, — это, извините, уже по другому ведомству. Партия требует от каждого работника хозяйского отношения к делу, умения находить и приводить в действие те резервы, которые придают общему движению вперед ускоренные темпы. А здесь перестройка все еще блуждает в конторских коридорах.

— Минчермет не заинтересован в комплексном использовании брусита, — говорил в беседе начальник управления Хабаровского округа госгортехнадзора Д.Н. Воготков. — И потому уже больше десяти лет искусственно затягивает решение данной проблемы.

Еще решительнее высказывается заведующий сектором экономики минерального сырья ИЭИ ДВНЦ АН СССР доктор геолого-минералогических наук В.В. Онихимовский. Я познакомил его с публикацией «Продолжают снимать «сливки», опубликованной в «Биробиджанской звезде» 21 января 1986 года, и ответом на нее за подписью начальника ВПО «Союзогнеупор» Ю.Д. Сагалева. Известный ученый, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии считает ответ простой отпиской. Нельзя, подчеркивает он, уходить от решения поставленных вопросов, успокаивать редакцию, себя и читателей. Не в такое время мы живем, чтобы довольствоваться достигнутым. В ответе не сказано: кто все

все-таки виноват? По чьей вине сложилось такое положение? Судя по ответу, никто, но так не бывает.

Институт экономических исследований и В.В. Онихимовского, в частности, давно занимает проблема безотходного использования брусита. Вот пища для размышлений экспертам Минчермета СССР, если у них появится желание еще раз вернуться к тому, чем они уже занимались в разные годы.

— Прежде всего требуется незамедлительно пересмотреть технические условия на бруситы третьего и четвертого сортов для их эффективного промышленного использования.

— Весьма целесообразно начать валовую добычу брусита. В этом случае по окиси магния руды окажутся близки к третьему сорту, а по другим компонентам будут находиться между вторым и третьим сортами. В результате станет возможным производить добычу руд всех сортов сплошными блоками. Это проще и дешевле чем делается сейчас, снижаются отходы.

— С точки зрения государственных, а не ведомственных интересов давно назрела необходимость построить на базе Кульдурского месторождения завод по выпуску 80 тысяч тонн жженой магнезии в год. Он может окупить себя за неполные два года. Если же построить и вторую очередь такого завода, то экономическая эффективность предприятия увеличится более чем вдвое, поскольку часть продукции можно использовать на экспорт. Той руды, что включена в запасы, хватит на 35 лет. А за это время можно осуществить детальную разведку остальных четырех месторождений брусита, открытых здесь же, в отрогах Малого Хингана. Кстати, это пока единственная провинция промышленных бруситов в нашей стране.

Можно соглашаться или не соглашаться с приведенными доводами, но оставить их без внимания и продолжать работать так, как пять и десять лет назад, нельзя.

На этот раз мы ждем ответа по существу поставленных вопросов от Минчермета СССР.

*Карадуб — Хабаровск — Биробиджан.
Июль 1986 г.*

Действенность

А ОТВАЛЫ ВСЕ РАСТУТ

Газета выступила. Что сделано?

Продолжение разговора

о комплексном использовании

Кульдурского месторождения бруситов

ОТВЕТ МИНИСТЕРСТВА:

«В связи с обращением редакции в Комитет народного контроля СССР Министерство черной металлургии СССР рассмотрело проблемы комплексного использования Кульдурского месторождения бруситов, изложенные в статье «Миллионы в отвалах», опубликованной в «Биробиджанской звезде» 4 июля 1986 года. Минчермет СССР считает вопросы, поднятые газетой, правильными, разделяет мнение о недопустимости дальнейшей задержки строительства объектов карьера и решении проблем использования некондиционных для производства периклаза бруситов.

В одиннадцатой пятилетке институтами Минчермета СССР по распоряжению директивных органов проведен комплекс исследований по разработке прогрессивной технологии производства электротехнического периклаза из природного сырья. Исследованиями установлено, что получение периклаза при существующей технологии возможно только из бруситов первого и второго сортов. Разработанная институ-

том Минхимпрома СССР технология химического обогащения природного сырья апробирована в Минчермете СССР и признана неэффективной, поскольку производимые из брусита продукты, в частности, магний, обходятся слишком дорого.

Из-за высокой стоимости и отсутствия мощностей стройиндустрии в районе строительства технико-экономическое обоснование не было утверждено. Использование некондиционных бруситов в качестве сырья для производства огнеупоров нецелесообразно ввиду того, что из-за высокого содержания вредных примесей качество огнеупоров «иже, а себестоимость добычи бруситов в десять раз выше добычи разрабатываемых сейчас саткинских магнезитов.

Использование без обогащения некондиционных бруситов другими отраслями народного хозяйства крайне ограничено. Например, производственное объединение «Кирскабель» ежегодно потребляет лишь триста тонн брусита. Больше заявок на минерал нет. Восточному институту огнеупоров (г. Свердловск) поручено дополнительно проработать возможность их использования.

Валовая добыча бруситов, как подчеркивается в газете, целесообразна только при освоении эффективной технологии их обогащения.

Минчерметом СССР на двенадцатую пятилетку разработан программа работ по обеспечению комплексного использования природного сырья.

В 1986 году проведены лабораторные испытания термохимического способа обогащения бруситов и организованы полупромышленные его испытания. По предварительным оценкам, данный способ будет экономичнее ранее разработанных технологий.

Скорректированным проектом разработки Кульдурского месторождения бруситов предусмотрена переработка на строительный щебень вскрышных пород (кальцефиров), согласованы технические условия, заявлено оборудование для его производства. Продолжаются работы по определению возможности использования некондиционных бруситов другими отраслями народного хозяйства.

Рассматривается в установленном порядке вопрос предоставления Кульдурскому карьеру статуса самостоятельного предприятия.

Результаты проводимых работ систематически рассматриваются в Минчермете СССР с участием отраслевых институтов и других подразделений. В четвертом квартале 1986 года предусматривается с целью ускорения пересмотреть объемы и сроки использования намеченных мероприятий с учетом их фактического выполнения.

Предусматривается строительство жилья и объектов соцкультбыта в объеме 2,9 млн. рублей, что обеспечит ввод в эксплуатацию 6,2 тыс. квадратных метров общей площади жилых домов, общежития на 50 человек, торгового центра и детского сада на 140 мест.

Успешное осуществление намеченных мероприятий по комплексному освоению Кульдурского месторождения возможно при активном содействии местных органов ускоренному строительству объектов карьера.

*А. КОГАДЕЕВ,
заместитель министра черной металлургии СССР».*

МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ:

Редакция ознакомила с этим ответом ряд заинтересованных организаций. Вот мнение некоторых специалистов:

«Обобщаю свои замечания к письму заместителя министра Минчермета СССР А. А. Когадеева от 20 августа 1986 года.

1. В письме ошибочно сообщается, что получение перинлаза при существующей технологии возможно только из бруситов первого и второго сортов. В действительности лабораторными и полупромышленными испытаниями института «Йодобром» Минхимпрома СССР доказана возможность обогащения бруситов третьего и четвертого сортов с получением жженой магнезии или периклаза высших и первых сортов.

2. Далее в письме неверно показывается «стоимость одной тонны магнезия». Видимо, это описка. Из бруситов производят магнезию. Столь же нелепо сравнивать себестоимость бруситов и саткинских магнезитов.

3. Фраза из ответа министерства о том, что «из-за высокой стоимости и отсутствия стройиндустрии в районе строительства технико-экономическое обоснование не было утверждено», явно тенденциозна. Как доказано в ТЭО, себестоимость

сырья продукции из него много ниже оптовых цен. Ежегодная прибыль Кульдурского предприятия подсчитана в сумме 29,3 млн. рублей, а за весь период эксплуатации месторождения (34 года) в сумме 997 млн. рублей. Срок окупаемости капитальных вложений не более 3,6 лет, а уровень рентабельности — 24,4 процента. Это очень высокий уровень.

4. Весьма, спорно утверждение в письме о том, что «использование некондиционных бруситов в качестве сырья для производства огнеупоров нецелесообразно». Если речь идет о бруситах третьего и четвертого сортов, то это указание вообще ошибочно — окиси магния в бруситах намного больше, чем в саткинских магнезитах, а содержание вредных примесей несущественно.

5. Далее в ответе делается попытка подменить вопрос об использовании обогащенного брусита в народном хозяйстве необогащенным бруситом. Официальная потребность в бруситах третьего и четвертого сортов без обогащения не триста тонн в год, как указывается, а много выше — 257 тыс. тонн сырой руды, или 222 тыс. тонн товарной. Только для нужд целлюлозно-бумажной промышленности потребность определена соответственно в 74 тыс. тонн и 62 тыс. тонн.

6. В письме министерства подчеркивается, что «валовая добыча бруситов целесообразна только при освоении эффективной технологии их обогащения». Но такая технология, как уже сообщалось в газете, давным-давно разработана, только не используется Минчерметом СССР. Те испытания термохимического способа, о которых сообщает тов. Когадеев, еще неизвестно, чем закончатся, а магнезиальные продукты остро нужны нашей стране уже сейчас, ведь мы ежегодно расходует на их покупку за рубежом миллионы рублей валютных средств, а могли бы еще и сами продавать.

В целом письмо министерства в редакцию направлено на компрометацию и затягивание ускоренного решения проблемы использования месторождения в народном хозяйстве.

В. ОНИХИМОВСКИЙ,
начальник отряда ТЭО комплексной тематической экспедиции объединения «Дальгеология», доктор геолого-минералогических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии».

* * *

«Управление Хабаровского округа Госгортехнадзора СССР, ознакомившись с ответом. А. А. Когадеева, не может согласиться с приведенными им доводами. Из ответа видно, что Минчермет СССР не намечает на ближайшие годы конкретные меры по улучшению комплексного использования бруситов Кульдурского месторождения. Фактически ответ министерства является формальной отпиской и уводит от решения конкретно поставленных газетой вопросов. Достойно сожаления, что в деловом документе содержится немало путаницы, особенно по ценам продукции, производимой из брусита. Из неверной посылки делаются и неверные выводы. Несмотря на то, что затраты на строительство на базе Кульдурского месторождения завода по выпуску жженой магнезии окупятся за короткое время, а предприятие на протяжении более тридцати лет будет ежегодно давать не меньше тридцати миллионов рублей прибыли, министерство отказало в строительстве. Основная ссылка при этом на слабость строительной базы в крае и области. Причина такого ответа, по нашему мнению, заключается в том, что министерство не принимает в расчет большую экономическую эффективность для народного хозяйства от сооружения такого завода в будущем. Затягивание комплексного освоения бруситов может привести к безвозвратным потерям (более 60 процентов) этого высококачественного сырья.

Управление Хабаровского округа поддерживает рекомендацию института «Уралгипроруда» по строительству завода на базе Кульдурского месторождения бруситов.

*Д. БОГАТКОВ,
начальник управления Хабаровского округа
Госгортехнадзора СССР».*

* * *

«Коллектив Кульдурского бруситового карьера с большим интересом ознакомился с публикацией «Миллионы в отвалах». Мы обсудили выступление газеты на собрании и полностью одобряем его. Жаль только, что в публикации мало внимания уделено социальному аспекту жизни нашего коллектива. Нельзя ждать хорошего результата, не заботясь о человеке. Кто не знает этого. Не случайно же заботе о людях

уделяется так много внимания во всех директивных документах последнего времени.

Мы очень надеялись, что министерство поправит руководителей Богдановичского завода огнеупоров и ВПО «Союзогнеугюр», которые плохо занимаются комплексным развитием рудника. Но если судить по ответу заместителя министра А. А. Когадеева, с которым нас ознакомила редакция, то выходит, что в нашем главном штабе ничего не поняли и не сделали должных выводов из тех требований, которые выдвигает партия.

С каждым годом мы наращиваем темпы по увеличению объемов добычи и вскрышных работ. Значит, все больше складывается брусита низших сортов. Тем самым мы своими руками губим уникальное месторождение. Те, кто будет жить и работать после нас, не простят нам этого.

Вместо строительства жилья, детских садов, яслей, магазинов мы много лет слышим одни обещания. Люди уже устали ждать, перестали верить. За свой ударный труд в нелегких условиях горняки вполне заслужили более уважительное отношение к себе. Хватит, наверное, кормить нас обещаниями, пора и действовать. Мы очень надеемся, что наш главный штаб — Минчермет СССР — все-таки даст прямые и честные ответы по существу всех затронутых проблем. А главное — нужна перестройка, практические действия не только в нашем коллективе, но и во всех подразделениях, которые стоят выше нас по служебной лестнице.

В. МАХОРТОВ,

*токарь, секретарь парторганизации
Кульдурского бруситового карьера.*

КОММЕНТАРИЙ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА:

Для тех, кто не читал статью «Миллионы в отвалах» напомним вкратце ее содержание.

В отрогах Малого Хингана геологи открыли пять месторождений брусита. Пока осваивается только одно — возле разъезда Карадуб в Облученском районе. Это единственная провинция ценного минерала в стране, вторая — в мире. Уже одно это подчеркивает уникальность гидроокиси магния, как еще называют брусит.

Брусит и его производные — не только ускорители многих технологических процессов, но и ничем незаменимый огнеупорный и защитный материал. По этому признаку месторождение в 1971 году взяли у бумажников и передали Министерству черной металлургии СССР, хотя в Госплане, конечно, помнят, что в добыче брусита заинтересовано сейчас двадцать отраслей народного хозяйства. Особенно велик спрос на жженую магнезию, которую можно производить из брусита. Ее остро не хватает в стране. Приходится покупать по дорогой цене за рубежом. А при желании и умении мы могли бы и сами производить и продавать очень дефицитный промышленный продукт. Есть и проекты. Но у руководителей ВПО «Союзогнеупор» нет желания. Они берут минерал только первого и второго сорта. Все остальное идет в отвалы. Там скопилось уже больше миллиона тонн брусита. Государство недополучило поистине сотни миллионов рублей. Кто же в этом виноват? По чьей вине сложилось такое положение? На прямые и вполне оправданные вопросы заместитель министра так и не ответил. Выходит, ущерб стране нанесен — этого никто не оспаривает, а виновных нет и спросить вроде бы не с кого.

В начале своего ответа А. А. Когадеев уверяет, будто «Минчермет СССР считает вопросы, поднятые газетой, правильными, разделяет мнение автора»... Возможно, что и действительно «разделяет», только не очень верится в искренность такого признания. Достаточно положить рядом газету с публикацией и ответ штаба отрасли, чтобы убедиться в обратном. Иначе чем же объяснить то обстоятельство, что ни в один из поставленных газетой вопросов заместитель министра так и не удосужился внести ясность.

Редакция, естественно, не может быть арбитром по сложным техническим проблемам. Для этого есть эксперты, ученые, специалисты, передовые практики. Они и дадут свою оценку, свое заключение. Нас же интересует в данном случае стиль работы некоторых подразделений, их нежелание перестраиваться в соответствии с принципиальными требованиями партии. «Надо, чтобы Дальний Восток давал не только сырье, но тут же перерабатывал его в готовую продукцию», — так говорил в своей речи во Владивостоке М. С. Горбачев. В Минчермете СССР, конечно, знают данную установку, но

выполнять ее пока не спешат. Это четко видно на примере затянувшейся истории с застройкой и освоением Кульдурского рудника.

Снова, уже в который раз, побывал я там в начале октября, В самом карьере заметно добавилось техники: появились новые буровые машины, экскаваторы, тяжелые самосвалы. А в остальном все как было, так и осталось. Правда, отвалы еще поднялись, возросла площадь под ними. Горняки по-прежнему работают старательно, наращивают темпы добычи брусита, чего не скажешь про строителей.

...Десять часов утра. Вместе с начальником рудника А. Д. Косаревым обходим тылы производства. Подошел служебный автобус из Теплоозерска. Бригада А. Д. Ефременко из десяти человек приехала доделывать весы для взвешивания железнодорожных вагонов. Но странное дело, люди одеты чистенько, совсем не по-рабочему, у некоторых вместо инструмента в руках транзисторы. Такую же картину приходилось наблюдать здесь и в июне.

— Все лето вот так приезжают, — поясняет Косарев. — Как на отдых. С чайком покрепче, с картами. То одного у них нет, то другого. Там и работы-то с гулькин нос осталось. Кое-где произвести подливку фундамента да заштукатурить весовую. Такому коллективу работы дня на два, даже без техники.

— Что же мешает? — спрашиваю Ефременко.

— Вчера ждали миксер, он так и не пришел. (*Миксер — спецмашина для развозки бетона, — прим. ред.*).

— А сегодня?

— И сегодня будем ждать.

Прошло еще две декады. Звоню из Биробиджана Косареву.

— Как там строители? Доделали свое?

— Нет, все чего-то ждут. А мы из-за них не можем монтаж весов закончить.

Справедливости ради следует отметить, что не очень-то поспешают и хозяева. Несколько раз они переделывали проект, меняли выбор площадки. Только-только начата прокладка тупика к весам. Сдерживала нехватка рельсов, с опозданием отправленных с Урала. А сейчас не хватает накладок, костью. Контейнер с грузом еще где-то в пути.

Первое упоминание о железнодорожных вагонных весах появилось в документах еще в 1980 году. Их следовало сдать на следующий год. Не сдали. В бумажных хлопотах пролетело еще несколько лет. Наконец вопрос о строительстве не такого уж мудреного сооружения был поднят на небывалую высоту. В феврале прошлого года три министерства составили мероприятия по строительству рудника. В числе других был и такой пункт: «Богдановичскому заводу огнеупоров и тресту «Биробиджанстрой» выполнить работу по устройству подъездных путей, монтаж и наладку железнодорожных весов в июне текущего года...». Минув год, с июня пошел второй, а дело, как видим, почти на той же точке. Между прочим, редкий случай. В конце перечня мероприятий стоят подписи трех и начальников главков, а утвердили документ три заместителя министра — Минчермета СССР, Минтяжстроя СССР и Минмонтажспецстроя.

Такова цена автографов ответственных работников.

На примере с весами пришлось остановиться столь подробно потому, что он типичен. Еще хуже сооружают здесь другие объекты.

— У нас хронически не хватает людей, — рассказывает начальник ПМК-18 треста «Биробиджанстрой» В. Н. Алексеев. — Карьер от Теплоозерска, где живут строители, в шестидесяти километрах. На одну дорогу сколько времени уходит...

Теперь-то я точно знаю, что не только на дорогу. Чаще всего люди предоставлены сами себе, за их работой нет контроля, требовательности. Ни со стороны подрядчика, ни заказчика. И никого это, похоже, несколько не волнует. А надо бы бить в колокола, ведь строительная программа срывается. При таких порядках, вернее сказать беспорядках, где же наберешься столько строителей. Притом рудник для них совсем не главное, он занимает в общем объеме всего четырнадцать процентов. Это если выполнять план, а фактически получается меньше одного процента. В нынешнем году теплоозерские строители должны достроить административно-бытовой корпус, очистные сооружения, котельную, резервуар для воды и т. д. Всего намечено освоить миллион 160 тысяч рублей. На деле же за девять месяцев израсходовано по сметам, лишь 144 тысячи рублей, что составляет... 12,4 процента к

плану. В карьере не делается ничего. Строители сооружают сейчас 18-квартирный дом в пос. Известковом, где постоянно живут горняки, и котельную к нему. По вине заказчика, который задержал проектную документацию и не обеспечил комплектацию, и котельная, и дом будут сданы по временной схеме. Опять временность, опять временщики, о чем уже неоднократно писала газета.

— Упрек справедливый, — признает начальник планового отдела ПМК Н. С. Воронова. — Но что же нам делать, если в самом деле не всегда имеем проекты и сметы? А качество... Да вот хотя бы посмотрите, — и подает мне довольно увесистый фолиант.

На обложке обозначено, что документы подготовил Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный институт по проектированию предприятий горнорудной промышленности (Уралгипроруда). Листы «слепые», грязные, вроде десятой закладки под копирку. Видно, множительная машина у проектировщиков барахлит.

— К тому же он и по содержанию не годится, — продолжает Наталья Семеновна. — На первый том сооружения канализации на руднике сразу же пришел вот этот том поправок. Не успели еще как следует проанализировать его, как из треста прислали еще том документов, который аннулирует два предыдущих. Пока мы начнем строить, я совсем не уверена, что не поступят новые поправки на поправки. И так всегда. Сколько же теряется времени на этом!

В ходе встреч с горняками очень остро ставилась проблема жилья. Приводилась такая статистика. Жилой фонд рудника состоит из тридцати домов с печным отоплением, приобретенных у населения больше двадцати лет назад. Нетрудно представить, что это за дома. Больше ничего, кроме конторы и склада, у горняков в поселке нет. На всяком нормальном предприятии, приглашая на работу, человеку обещают квартиру, место в яслях или детском саду, возможность отдохнуть в профилактории. Труд-то у горняков нелегкий: и в пургу, и в дождь они всегда под открытым небом, во вредных условиях. А предложить людям нечего.

— Я работаю в карьере семнадцатый год, — рассказывает горный мастер В. М. Шкарпеткин. — Начинали с временок,

надеясь на лучшее будущее, но некоторые времянки стоят и поныне. Рабочим негде ни обсушиться, ни обогреться, даже переодеться,

— В улучшении жилищных условий в нашем небольшом коллективе нуждаются сейчас больше ста семей, — говорит бригадир взрывников Н. Н. Котков. — Приезжали к нам по жалобе рабочих руководители завода и ВПО «Союзогнеунор», обещали построить два 80-квартирных дома, детский сад, оошежнтие, торговый центр, школу. Все так и осталось обещанием. И в карьере начато, но не закончено различных промышленных объектов почти на пять миллионов рублей. Здания рушатся, приходят в негодность. Горько смотреть на такую безалаберность,

К сожалению, все это правда. Как правда и другое, на что жаловались горняки. Подведомственные Минчермету СССР институты работают вхолостую. За десять с лишним лет «Уралмеханобр», «Уралгипроруда», «ВостИО», «ДонНИГРИ» и другие так и не сумели освоить комплексное использование брусита. На этом фоне как-то не верится тем гуттаперчивым обещаниям, которые высказаны в ответе, поступившем в редакцию.

Нельзя даже допустить и мысли, что в Минчермете СССР не знают обо всем этом. По крайней мере, должны знать, а уж заместитель министра А. А. Когадеев в особенности. Ведь именно на него приказом министра от 6 февраля 1981 года был возложен контроль за усилением добычи и комплексной переработки брусита, улучшением застройки рудника. Назначенные сроки давно прошли, а ничего из намеченного не сделано. Строительство стало идти еще хуже.

На это повлияло много причин. Одна из существенных, как уже подчеркивалось в газете, административная раздробленность Показатели работы рудника не учитываются на месте, а входят в план Свердловской области, где находится завод. Местные советские и партийные органы фактически не вникают в дела и заботы коллектива. Надо быстрее предоставлять Кульдурскому руднику статус самостоятельного предприятия. Тогда многое пойдет иначе. Такое пожелание было высказано и в «Биробиджанской звезде».

Все решается в установленном порядке, сообщает зам. министра. Решается, но еще не решено, да и будет ли еще

решено? Зная об этом, ответственный работник будто в на-смешку заключает ответ такими словами: «Успешное осу-ществление намеченных мероприятий по комплексному ос-воению Кульдурского месторождения возможно при актив-ном содействии местных органов...». Иначе говоря, пытается переложить свою ношу на другие плечи — несите, товарищи, а я в стороне постою.

Кто же решает так деловые вопросы? И прав секретарь парторганизации рудника В. Г. Махортов, когда требует от главного штаба отрасли прямого и честного ответа по суще-ству всех затронутых проблем, а главное — необходимых прак-тических действий, умножения усилий в перестройке хозяй-ственной и социальной жизни коллектива горняков.

Теплоозерск. Известковая. Биробиджан.

СУДЬБУ БРУСИТА РАССМОТРЕЛ ГОСПЛАН

Газета «Биробиджанская звезда» 4 июля 1986 года опубликовала корреспонденцию Ф. Фетисова «Миллионы... в отвалах». В ней рассказывалось о судьбе уникального Месторождения бруситов, открытого геологами в отрогах Малого Хингана.

Производные гидроокиси магния, как еще называют брусит, не только ускорители многих технологических процессов в двадцати отраслях народного хозяйства, но и ничем не заменимый огнеупорный и защитный материал. Особенно велик спрос на магнезию, которую можно производить из брусита, ее не хватает в стране. Приходится покупать по дорогой цене за рубежом, тратя на это миллионы рублей валютных средств. А мы могли бы при желании и умении еще и сами производить и продавать дефицитный промышленный продукт.

Нынешние хозяева Кульдурского рудника — Богдановичский завод огнеупоров и Всесоюзное производственное объединение (ВПО) «Союзогнеупор» не заботятся об интересах государства, ведут выборочную, а если сказать точнее, прямо-таки хищническую разработку месторождения. За годы освоения в отвалы свалено больше миллиона тонн брусита третьего и четвертого сортов. Если бы рядом с месторождением был построен комбинат по переработке брусита, государство получило бы огромную прибыль.

Таково краткое содержание публикации.

Газета не просто осудила бесхозяйственность — опираясь на мнение специалистов, она высказала конкретные, предложения по организации безотходного производства бруситов. Учитывая важность поставленной проблемы, ее большое народнохозяйственное значение, редакция попросила ответить на поставленные вопросы Министерство черной металлургии СССР, которому подчиняется ВПО «Союзогнеупор».

И такой ответ в редакцию поступил. Но по сути дела, это был не деловой документ, а умело сделанная отписка. Ни в один из поднятых газетой вопросов заместитель министра черной металлургии СССР А. Когадеев не внес ясности. Ни газета, ни читатели, конечно же, не могли, смириться с этим, и 24 октября 1986 года на страницах «Биробиджанской звезды» «был продолжен разговор о комплексном использовании Кульдурского месторождения. Под общим заголовком «А отвалы все растут» были опубликованы ответ министерства, мнение специалистов и комментарии нашего корреспондента.

На этот раз редакция обратилась за поддержкой в Комитет народного контроля СССР. При его содействии тяжелый воз, кажется, несколько сдвинулся с места. Вот какое сообщение в канун нового года поступило в редакцию из Москвы.

По проблемам комплексного использования бруситов Кульдурского месторождения, поднятым в публикации «А отвалы все растут», 5 декабря 1986 года в Госплане СССР состоялось совещание с участием специалистов ГКНТ СССР, Минхимпрома СССР. Минлесбумпрома СССР. Мингео СССР и Минчермета СССР. Выступление газеты признано правильным, а поднятые в ней проблемы имеющими большое значение для развития народного хозяйства страны.

В ходе обсуждения было отмечено, что проведенные производственным объединением «Дальгеология» в 1965 — 1969 годах работы по детальной разведке, подсчету запасов, и промышленной ценности Кульдурского месторождения бруситов выполнены на низком уровне. Это привело к дополнительным затратам времени и средств на его доразведку, переоценку запасов, перепроектирование карьера, изменение параметров системы, разработки и на другие непредвиденные работы.

Технология химического обогащения бруситов второго и третьего сортов отработана институтом ВНИИ, одобром лишь в лабораторных условиях и не может быть использована для проектирования промышленного предприятия. Для ее доработки Минхимпрому и Минхиммашу предложено провести дополнительные исследования в объеме 250—300 тысяч рублей.

Минчермету СССР поручено создать стабильную сырьевую базу для производства чистой окиси магния и обеспечения потребностей народного хозяйства страны в высококачественных огнеупорах. Намечено провести в 1987 году комплекс научных исследований для получения магниезиальных огнеупоров из бруситов третьего и четвертого сортов, определить потребность народного хозяйства в сыром брусите до 2000 года и выполнить технико-экономический анализ различных вариантов получения огнеупоров из бруситов Кульдурского, магнезитов Саткинского и Савинского месторождений.

Госплан СССР предложил Минчермету и Минхимпрому обеспечить в 1989 году отработку технологии химического обогащения брусита; подготовить к 1990 году технико-экономическое обоснование целесообразности строительства в

Облученском районе, где находится пока единственная в стране провинция бруситов, комбинат по производству магнезиальных огнеупорных изделий, чистой окиси магнезия и материалов из химически обогащенного брусита.

Министерству геологии СССР поручено продолжить работы по оценке возможностей наращивания запасов брусита в районе Кульдурского месторождения и переутвердить их в ГКЗ СССР.

Всесоюзное производственное объединение «Союзогнеупор» приступает к подготовке технической документации для строительства комбината по переработке брусита. Дело теперь за тем, чтобы быстрее закончить строительство жилья, других объектов соцкультбыта и производственного назначения в карьере и в поселке Известковом, где живут горняки. К сожалению, трест «Биробиджанстрой» и его ПМК-18 ведут эту работу из рук вон плохо. За минувший год не освоено и пятой части отпущенных средств. В газете назывались и конкретные причины такого положения.

Как же отозвались на критику руководители треста, в частности его управляющий Я. С. Лившиц и главный инженер Д. Ю. Косвинцев? Никак, хотя им было послано за это время несколько напоминаний. Позицию невмешательства занимают Облученский райком КПСС, партком треста и Биробиджанский городской комитет партии. До каких же пор? Разве можно мириться с тем, что уже многие годы не решается важнейшая государственная проблема?

Раньше этому мешала административная разобщенность. Дело в том, что показатели работы рудника, причем, довольно весомые, не учитывались на месте, а входили в план Свердловской области, где находится завод. Местные советские и партийные органы до последнего времени мало вникали в дела и заботы коллектива горняков. «Надо быстрее предоставлять Кульдурскому руднику статус самостоятельного предприятия, тогда многое пойдет иначе», — говорила газета. Голос ее наконец-то услышан. Можно считать, сказал по телефону нашему корреспонденту начальник ВПО «Союзогнеупор» Ю. Д. Сагалевиц, что с нового года в ЕАО появилось еще одно промышленное предприятие — Кульдурский рудник. Это определено приказом по министерству. Теперь это уже не цех, а самостоятельное производственное подразделение.

Показатели его хозяйственной деятельности отныне будут учитываться в статистической отчетности Облученского района, области и Хабаровского края. Это в корне меняет положение.

Сейчас, когда партия требует от каждого работника хозяйского отношения к делу, умения находить и приводить в действие те резервы, которые придают общему движению вперед ускоренные темпы, редакция считает себя обязанной и впредь держать под контролем ход освоения уникального месторождения бруситов.

1986 г.

Хранители памяти

Николай Немаев
Людмила Чемортан
Валерий Фоменко

Николай Акимович НЕМАЕВ

Николай Акимович родился в декабре военного 1942 года, в маленьком дальневосточном селе Куйбышево, что существовало тогда в Ленинском районе Еврейской автономной области. Десятилетку закончил в Биробиджане, в вечерней школе рабочей молодежи, днем действовал лопатой, пилой, топором, молотком в качестве плотника, бетонщика, разнорабочего. В начале 1960-х, в период Карибского кризиса, отслужил три с половиной года в Советской Армии, в зенитно-ракетных войсках противовоздушной обороны страны. В июне 1971-го закончил (очную) учебу в Дальневосточном государственном университете (г. Владивосток), защитив творческий диплом на отделении журналистики филологического факультета. В августе 1971-го по распределению, с учетом личной просьбы, приехал работать в редакцию газеты «Биробиджанская звезда», с которой ранее сотрудничал нештатно. Начинал младшим литературным работником (литрабом). За 36 лет прошел в редакционном коллективе все должностные «ступеньки». В настоящее время – заместитель главного редактора.

К 40-летию Карибского кризиса

ВДАЛИ ОТ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ

Поезд уходил на запад мимо мест родных, приятных с детства. Покатистые дальневосточные сопки, поросшие молодым лиственным лесом, больше не радовали глаз — потянулись сопки Забайкалья, почти голые вдоль Транссиба. Вскоре и они исчезли, как мираж. Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Челябинск — где-то здесь, на Урале, поезд повернул на юг и остановился «передохнуть» в Медногорске.

На незатейливом под открытым небом привокзальном «рынке» стояли в рядок женщины с ведерками, сумочками, корзинками, кастрюльками, доверху наполненными румяными яблоками, вареной картошкой, кукурузными початками, огурчиками. Мы вышли из вагона.

— Солдатик, купи ведро яблок, — обратилась ко мне смуглая пожилая женщина, с туго повязанным на голове платком. — Отдам недорого, за рубль...

— Нет, мать. Рубль — треть моего денежного довольствия.

— Что же вы такие худые и бледные? Витамины вам нужны. Возьми за так, угощаю. В дороге покушаете. Мой тоже служит — на Дальнем Востоке. Пишет: в столовой фруктов нет, а они ему очень нужны...

— Фрукты в армии — роскошь. Солдат должен привыкать к тяготам армейской жизни.

— Ай-ой, «привыкать». К чему... Привыкал волк к дубинке...

Мы пересыпали ведро яблок в вещмешок, когда к нам подошла бронзовая от загара молоденькая женщина и, улыбнувшись, спросила:

— И куда ж вы едете, служивые?

— Военная тайна, — весело ответил я любопытной «Варваре».

— Ой! Тайна! На юг вы едете, на полигон.

— Сорока на хвосте, что ль, принесла?

— Вон та, «сорока-белобока», — кивнула она в сторону старушки, торговавшей ароматными булками хлеба.

— Возьмите отведайте нашего каравая.

Поблагодарив женщин за теплое отношение к брату-солдату родной армии, мы поспешили в вагон. Здесь нас ждали товарищи, которые с интересом наблюдали за тем, как дарили гостинцы людям в погонах незнакомые женщины в чужом городе с типично советским названием — Медногорск.

— Налетай, ребята. Народ и армия едины...

Яблоки резали на половинки, четвертинки. Хватило всем. А хлеб... ах, какой ароматный, белый хлеб. После наших черных армейских «кирпичей» он казался лакомством. Никогда в жизни не ел я такой вкусный хлеб — равномерно пористый, хорошо пропеченный, с гладкой румяной корочкой. Чуть присолил — объедение.

С тех пор прошло сорок лет. Но не забылись женщины на перроне Медногорска и подарки. Событие довольно редкое и странное по нынешним временам.

— Так куда мы едем, товарищ капитан? — задал я комбату всех нас волнующий вопрос.

— В Кап. Яр... — ответил он и посмотрел на меня как-то прищурившись: мол, чего это ты выпытываешь из меня военную тайну.

«Пытать» нашего комбата, понимающего душу солдата, никому не хотелось. Мы молчали. «Яр» — это понятно: населенный пункт на юге. А что такое «Кап»? На расхожих ширпотребовских «картах» СССР такого названия не было.

Проездные документы на весь личный состав хранил командир дивизиона подполковник Степанов, единственный старший офицер в нашем кадрированном подразделении. Он

прошел Отечественную. Опыт, интуиция подсказывали: меньше солдат знает — лучше спит, крепче здоровье.

Пройдут годы, пока на картах страны появится маленький кружочек — населенный пункт Капустин Яр, сокращенно Кап. Яр. «Поселок городского типа в Астраханской области, расположенный на левом берегу Ахтубы (рукав Волги), в трех километрах от железнодорожной станции Капустин Яр». Так написано в Большой Советской Энциклопедии. Написано далеко не все и не главное.

Капустин Яр — это легенда, история страны. Если сегодняшним девятнадцатилетним парням задать вопрос о первом советском космодроме, то многие, если не все, назовут Байконур, откуда в космос ушел Юрий Гагарин. Однако Байконур «родился» через девять лет после космодрома Капустин Яр. Только в 1985 году издательство «Советская энциклопедия» выпустит книгу «Космонавтика», в которой дословно написано: «Капустин Яр — космодром СССР. Основан в 1946 году. На космодроме под руководством С.П. Королева в 1948 — 1956 гг. испытывались первые советские баллистические и геофизические ракеты. На космодроме размещены стартовые комплексы для запуска спутников типа «Космос», «Интеркосмос», а также стартующих вертикально геофизических и иных ракет...»

«Иными» ракетами в Капустином Яре были советские, зенитные — для защиты от самолетов противника, который не прочь был узнать наши секреты, посмотреть, что там делается на космодроме, а при возможности и помешать «Иванам», стремящимся в космос и желающим надежно защитить свое небо от незваных «друзей».

Городок под названием Кап. Яр показался в туманном мареве над линией горизонта. Раскаленная солнцем выжженная степь, а в горячем воздухе плыли какие-то «каменные строения», «озера», «реки». От вдруг навалившейся несусветной жары не спасали ни расстегнутые до пупа гимнастерки, ни плотно надвинутые на затылок пилотки. Шляпа — уставный головной убор южной группы войск — нам не полагалась.

На станции дивизион ждали грузовики, без тента, но с реечными деревянными скамейками. По асфальту прикатали до загадочного Кап. Яра. Проехали его пустынной, ничем

не приметной улицей, без людей и живности, и повернули в степь.

Неожиданно я увидел длинные вертикально стоящие серебристые ракеты, с усеченными треугольными крыльями, оранжевыми «носами». Устремленные в голубое безоблачное небо, они очаровывали, завораживали. Рождалось чувство сопричастности к тайне, чему-то значительному.

Ракеты не были похожими на те, которые нам показывали в учебном подразделении. Для их старта не требовалась пусковая установка — «пушка» с квадратным «стволом». (Пока не снимешь чехол с такой «пушки», не сразу поймешь, почему у «пушки» ствол не круглый, как обычно, а квадратный).

— Приехали. Здесь и расположился, — сказал совсем не по-военному довольный комбат. Командир дивизиона также был предельно краток:

— Задача дивизиона: получить технику, провести ее обслуживание, боевые стрельбы по реальной цели, подготовиться к маршу — вместе с техникой.

В завершение последовало предупреждение: не пить сырую воду — употреблять только кипяченую (чай) и только в столовой или из своей фляжки. От сырой воды (она была мутноватая и теплая) возможны кишечные заболевания или расстройства желудка.

Военная жизнь в палаточном городке на полигоне Капустин Яр проходила по обычному армейскому распорядку: подъем, зарядка, завтрак, занятия, боевая подготовка и т.д. Вскоре мы получили передовой по тому времени зенитно-ракетный комплекс — С-75, способный уничтожать самолеты противника на высотах до 30 километров. Все в стране знали, что с подобного комплекса советской зенитной ракетой 1 мая 1961 года в небе над Свердловском был сбит Пауэрс, американский летчик, который вел самолет-разведчик U-2 на высоте, недостижимой обычными средствами ПВО — зенитными орудиями и истребителями МИГ-17.

Не знали мы другого: U-2 — не первый американский самолет, сбитый советской зенитной ракетой, как тогда писали в газетах. В тайне держалось присутствие военных специалистов и советской зенитно-ракетной техники в Китайской Народной Республике, над небом которой беспрепятственно, как у себя дома, годами летали американские военные асы. Янки были уверены в абсолютной безнаказанности: полеты проходили на большой высоте. Они прекратились только после 1959 года, когда советская зенитная ракета сбила тяжелую американскую машину, летевшую прямым курсом на Пекин.

... К боевой стрельбе в Капустином Яре дивизион дальневосточников готовился особенно тщательно. Разворачивали

«с марша» пусковые установки, заправляли окислителем учебные ракеты, сливали его, «заряжали» и «разряжали» установки ракетами, проводили учебные стрельбы. Отрабатывали приемы и приобретали навыки обращения с зенитно-ракетной техникой. Расчеты действовали на «хорошо» и «отлично» в соответствии с совершенно секретными (в то время) боевыми наставлениями и инструкциями.

Это потом всплывет дело офицера Пеньковского (не путать с генералом армии В.А.Пеньковским), за деньги продавшего государственные секреты о ракетном оружии, а в Египте появятся военные, побросавшие хотя и устаревшие, но вполне боеспособные зенитные ракеты, и они попадут в руки противнику.

...Настал день боевой стрельбы по реальной цели. Объявили одиннадцатиминутную готовность. (До старта оставалось одиннадцать минут, а не четырнадцать, как в популярной песне). Пошел отсчет времени. Нам дали старенькую ракету — 11 «Д» (каждый пуск ракеты государству вылетал в копейчку, и новейшие изделия — 20 «Д» берегли). У старенького «изделия» вполне современная и грозная боевая часть — девяностокилограммовый стальной «бочонок» со взрывчаткой. Взрыв конусом разносит стальные ромбические осколки. Из трех тысяч «кусочков смерти» достаточно одного, чтобы поразить все, что может летать. Самолету Пауэrsa осколками срезало хвостовое оперение, а летчику повезло: остался жив. (Он погибнет через много лет в США при автомобильной катастрофе).

Старт нашей 11 «Д» ранее долго откладывали по причине когда-то выявленной неисправности. Кто-то из команды полигона даже написал на корпусе ракеты краской: «С новым годом!»

— Пойдет, обязательно взлетит, — заверил командир радиотехнической батареи капитан Мамонтов. — Ракету тщательно проверили. Подозрительные пиропатроны заменили на новые, заведомо исправные.

И вот долгожданная команда: «Расчет, к бою!» Первый, второй, третий номер доложили о готовности. Прошли минута и двадцать секунд — отличное время. Последовала команда: «Расчет, в укрытие!..» Потянулись тревожные минуты ожидания.

Самолета, идущего на большой высоте, я не видел, слышал только рокочущий нудный звук тяжелой машины. В какой-то момент с нее сбросили на парашюте уголок — небольшую металлическую пластинку, от которой, как от самолета, отражается радиолуч. (Технологии «Стелс» еще не существовало). Ракета при срабатывании доплеровского радиовзрывателя поражала цель осколками. Так что ее прямое попадание вовсе не обязательно.

... Смотрим из укрытия за готовой к старту ракетой. Вдруг мощная струя оранжевого пламени вырвалась из сопла. Ракета стремительно рванулась с направляющих, оставив на земле вихрь желто-бурой пыли. Грохот, подобный грому, потряс степь. В клубах пыли кувыркалась крышка от колодца электрических кабелей. Словно щепку, ее швырнуло за добрую сотню метров от места старта. (Двое солдат позже с трудом вернули чугунную крышку люка на свое место).

След от ракеты быстро «чертит» небо по гигантской извилистой дуге. Еще несколько секунд — и мы увидели в далекой синеве маленькое облачко взрыва. Цель поражена!

После Волгограда наш эшелон с техникой частенько придерживали на станциях и полустанках. Донимала жара. Часовых на посту меняли каждые два часа. Солдаты брали с собой во фляжках вопреки предупреждению и сырую воду. Результат не замедлил сказаться: на разъездах многие «сигали в кусты». И все ж никто не отстал от эшелона.

За Волгой, после Куйбышева, повеяло долгожданной прохладой, и жизнь в дивизионе на колесах нормализовалась. Солдаты больше не «страдали» животом.

Биробиджан проследовали рано утром без остановки. Город еще спал. Страсть хотелось повидать родителей. Как они — живы, здоровы. Письма домой давно никто не писал: наша поездка за техникой в Кап. Яр оставалась секретной. На Кубе уже стояли советские баллистические ракеты. Девиз «Viva Cuba!» звучал в те дни одинаково гордо и твердо по-испански и по-русски. Хрущев был готов показать янкам кузькину мать. «Война». Это страшное слово никто не произносил. Но о войне думали. Поклон сына-солдата родителям мог быть последним.

...Рельсы для дальневосточного эшелона кончились в Варфоломеевке — небольшом приморском селе. Дальше автоко-

лонна с ракетной техникой двигалась по таежной дороге в отрогах Сихотэ-Алиня, в сторону родины Александра Фадеева. «Тешин язык» проехали без приключений: хорошую технику делала страна для военных.

В нескольких километрах от села Чугуевка выбрали небольшую высотку, сплошь поросшую мелким дубняком. В ход пошли топоры и пилы, лопаты штыковые и подборные. Пилили лес, копали глинистую со щебенкой землю — обустроили позицию. Солдаты стартовой батареи свой не ах какой, но все же доппак — за вредность (работу с окислителем) — тайком не ели. Делились по-братски с товарищами из радиотехнической батареи, где условия службы не считались вредными. Работали с утра до ночи. Трудились все, в том числе и офицеры. (Такого понятия, как «дедовщина», «неуставные отношения», не существовало). Стояла задача, как можно быстрее заступить на боевое дежурство по прикрытию важного объекта. Могли начаться реальные боевые действия.

Высотка оказалась не совсем подходящей для «пушек», чтобы прямо с марша развернуть всю стартовую батарею согласно наставлению. Радиотехническая батарея устроилась превосходно. Станция разведки и целеуказаний «смотрела» с высоты далеко за государственную границу, вблизи которой над Японским морем постоянно барражировали иностранные самолеты. Но тяжелые пусковые установки СМ-90 разместили в наспех открытых окопах, куда стекала дождевая вода и размягчала грунт. Сошники плохо держали пусковую установку. Надо было заложить дренажные трубы и осушить окопы. Труб под рукой не оказалось, а время поджимало. При повороте стартовая машина проседала в двух секторах больше допустимой нормы: ракета при пуске могла не войти в луч управления. «Наберите камней, подбейте их под станины», — посоветовал комбат. Что мы и сделали. Установка «выровнялась».

Ночью объявили тревогу. Дежурные расчеты стартовой и радиотехнической батарей перевели технику в готовность один. С соседнего аэродрома взлетали МИГи и уходили на восток. Подумалось: «Что-то серьезное: война?! Или самолет-нарушитель?! А что, если он с ядерной бомбой?..»

Медленно вращается антенная решетка станции разведки и целеуказаний. Включился рядом стоящий наземный

радиолокационный запросчик целей. Оператор тревожным голосом быстро докладывает: «Цель на запрос «Я свой?» не отвечает». Станцию наведения ракет повернули в сторону предполагаемого противника. Синхронно с ней поднялись на пусковых установках новейшие зенитные ракеты, готовые к старту. Напряжение растет. Будет ли боевой пуск?!

Через десять минут облегченный вздох: отбой тревоги. Время за полночь. Хочется спать. Чехол от пусковой установки из брезента лежит на видном месте. Третий номер расчета просит разрешения хотя бы часок вздремнуть: плохо себя чувствует. Осень в Приморье приходит на две недели позже, чем в Биробиджан. Но октябрь — все ж не лето. «Укройся потеплей, — советую товарищу. — В случае чего, разбужу».

Через два часа вновь тревога. Нервная встряска, и вновь отбой тревоги. И так трижды за ночь.

Утром командир стартовой батареи объявляет благодарность нашему дежурному расчету — за четкие, умелые действия. Строй хором отвечает: «Служим Советскому Союзу!»

— Привет «красноглазикам». Это пришла из казармы смена, а мы, неспавшие, уходим на отдых по пыльной дороге вниз с высоты, где в трех километрах от позиции — желанная койка в казарме. Мерно стучат солдатские сапоги по грунтовой дороге.

— Запевай, — бодрым голосом командует комбат. Рядовой Шкилев начинает:

*«В чехлы из брезента одеты,
Послушны уменью солдат
Стоят боевые ракеты
И в мирное небо глядят.»*

Измотанный тревогами строй девятнадцатилетних парней хором подпевает:

*«Мы небо Родины храним,
И наш девиз таков:
Открыто небо для друзей,
Закрывается для врагов...»*

Кончался октябрь 1962 года.

К 60-летию великой Победы

ОНИ УШЛИ В ЛЕГЕНДУ

Войну я не помню, да и не мог запомнить: в июне 45-го мне исполнилось всего 2,5 года, а в селе Куйбышево Ленинского района ЕАО, где я родился (не путать с Куйбышевкой-Восточной Амурской области), никогда не было войны. О ней много лет позже неохотно и отрывочно вспоминали мои родители, при этом нередко добавляли:

— Сын, лучше бы тебе ее не знать и не приведи господи — пережить.

Отца и матери давно нет в живых (светлая им память). События той поры я изложил по когда-то рассказанным ими эпизодам.

Когда-то на Дальнем Востоке

Благодатная земля в низовьях Биджана в августе сорокового ждала дождя. Свободно гулял жаркий ветер над пятачком приграничных сел Кирово, Венцелево, Квашнино, Дежнево, Куйбышево, где быстро зрели хлеба. Глядя на них, Якову (так отца называли в народе, хотя по документам он Аким) думалось: «Хорошие места облюбовали забайкальские казаки, жить бы да жить здесь на воле: дом построить, хозяйство завести да хозяйошку сосватать добрую, работающую, ласковую и приветливую». Кадровую он отслужил в стройбате, возводил дом в Хабаровске, на Серышева. После увольнения в за-

пас окончил в Лазарево курсы комбайнеров-трактористов и прибыл в Дежнево, в самую крупную в районе Усть-Сунгарийскую МТС. Отсюда его направили в приграничное село Кирово хлеб убирать.

Уволенный в запас солдат и бывший курсант мастерски управлял рычагами комбайна, водил гусеничный трактор, запросто запрягал лошадь, плотничал и немного слесарил — золотой человек для села. Однако в свои двадцать четыре не был женат, не по причине отсутствия невест в Дежнево или Кирово: учили солдата прежде думать о родине, а потом о семье. Свадебный костюм и тот не успел справиться, гимнастерка заменяла его на все случаи жизни.

Кареглазую девушку с модной короткой стрижкой он заметил в Кирово по значку «Ворошиловский стрелок». У местных девчат таких не было. «Приезжая, городская», — определил Яков и, уловив момент во время мелкого ремонта комбайна перед выходом в поле, обратил на себя ее внимание.

— Из какого общества? — спросил он незнакомку, глядя на значок.

— Из райзаготконторы, — ответила она невпопад, нисколько не смущаясь вопроса. Напротив, в озорных глазах «горожанки» блеснула лукавинка, этакий бесовский огонек заплесал. Чем-то она ему нравилась.

— В Кирово по какому делу, если не секрет?

— Уполномоченная по заготовке хлеба.

— Неужели партийная?!

— Комсомолка!..

— А зовут?

— Параской.

— Пойдешь за меня замуж, Параска?! Враз опешил он девушку и, видимо, зазевавшись, нечаянно ударил тяжелым молотком по пальцу. От боли Яков даже чуточку простонал.

— Давай аптечку, «жених», перевяжу, — поторопила его Параска и, как учили на курсах, перебинтовала Якову палец, обработав рану йодом. Вместе с запахом лекарства он уловил аромат «Красной Москвы», знакомый ему по работе возчиком в столице.

— Держись, солдат, до свадьбы заживет.

— А свадьба-то когда?!

— Если дождь польет сегодня, то сразу.

Он и она посмотрели на абсолютно безоблачное небо, которое ничем не предвещало дождя. На том и разошлись. Через час у самого горизонта в серо-голубом мареве, где-то далеко над Амуром, обозначилась полукруглая макушка беловатого кучерявого облака. Вскоре оно переросло в свинцово-серую клубящуюся тучу, которая с грохотом и молниями стремительно двигалась на село. Параска с детства до суеверия боялась грозы и поспешила в контору. Там через два часа они вновь встретились, когда всю полоскал дождь.

...Расписались молодые на следующий день в Кировском сельсовете. Ночевали в здешнем селе у Чудаевых. Хозяйка тихонько плакала: она давно знала Параску и желала видеть ее невесткой. Не получилось. В соседнем Куйбышево молодые присмотрели дом, где и земли свободной вдоволь — работай, не ленись — одарит. И протока с рыбой рядом. Жить можно. Правда, село — скорее, хутор — всего семь дворов. Не знали молодые, что счастливо жить в Куйбышево им придется недолго, всего несколько месяцев. Свадебная гроза оказалась знаковой. Страну перевернули события, которые она узнала из важного правительственного сообщения: «Сегодня, 22 июня 1941 года, без каких-либо претензий к СССР, без объявления войны германские вооруженные силы атаковали наши границы... бомбили наши города...»

«Наш фронт здесь»

Его призвали по мобилизации через неделю. На фронт не отправили — оставили в районе, зачислили орудийным номером в 75-й отдельный противотанковый дивизион. Несмотря на два года службы в стройбате, вторично призванный солдат прошел курс молодого бойца и в августе 41-го принял военную присягу.

— Наш фронт здесь, на Дальнем Востоке. Наш долг держать порох сухим, крепить оборону, совершенствовать воинское мастерство и по первому приказу командования выступить на защиту Союза Советских Социалистических Республик, — отчеканил, как отрезал, перед строем солдат и сержантов командир дивизиона. — За Амуром — японцы. Возможны провокации, на которые мы не должны поддаваться!

Запомните: Советский Союз и Япония заключили договор о нейтралитете!..

Для Якова, уже немолодого солдата, потянулись серые будни армейской службы. С утра пораньше — дикий крик: «Подъем!!!» Далее зарядка, умывание, завтрак, политзанятия, боевая подготовка с рытьем окопов, марш-бросками в противогазе при полной выкладке. Обед, строевые занятия, осмотр и уход за техникой. Ужин, личное время, отбой. Ночью — «Подъем! Боевая тревога!». Хорошо, если одна за ночь. Приказ: «Достигнуть рубежа обороны! Окопаться!» Через час-другой: «Отбой тревоги». С утра колесо армейского механизма, раз и навсегда заведенного, вновь делало полный оборот ровно за 24 часа. Боевыми стреляли редко: берегли не только снаряды, но и патроны, их не хватало фронту.

— Ох, и понарыли мы окопов под Новеньким, — скажет он через годы. Так Яков называл село Новое. Устройством окопов, укреплений на участках возможных боевых действий с японцами занималось и гражданское население. «Дед Гусев из Венцелево, участник Первой мировой, ему было под семьдесят, и тот помогал строить — давал советы и рекомендации», — вспомнит Параска.

Вскоре она узнает и точное место службы мужа, в увольнение которого отпустят только ранней весной, когда советскому командованию станет известно: летом 42-го боевых действий против СССР Япония не начнет.

— Хорошо ли в части кормят? — спросит мужа Параска. Он расскажет ей армейский анекдот. Генерал перед строем солдат задает вопрос:

— Жалобы есть?

Отвечают хором:

— Никак нет, товарищ генерал.

— А кормят хорошо?

— Очень хорошо, даже остается.

— А остатки куда деваете?

Сконфуженно:

— Да-а, доедаем...

На скудном армейском пайке сидели бойцы и младшие командиры, офицеры и их семьи. Обычный рацион в солдатской столовой: завтрак — черпак «кирзухи», обед — щи (хоть ложку полощи), ужин — черпак вареного гороха, который по выходным заменяли пшенкой или кислой капустой. Кусочек мяса, что значился в перечне обязательного солдатского довольствия, до каждой солдатской чашки не доходил. Яков не знал, что он попадет на фронт, названный именем города, где люди умирали от голода сотнями, тысячами почти каждый день. Кусочек черного сырого хлеба с мякиной для голодающих означал жизнь, а черпак каши — райское наслаждение.

«Жив буду, вернусь!»

Повестку Ленинского РВК Параске принесли в мае 42-го. Комиссия отметила хорошую физическую подготовку призывника, т.е. призывницы, и умение оказывать раненым первую медицинскую помощь. Почти готовый санинструктор никак не ожидала, что «подведет» ее Яков. Председательствующая отошла с ней в сторонку и тихо, по-матерински сообщила: «Прасковья, вас уже двое. Готовьтесь стать матерью. На фронт послать никак не можем».

У них родится мальчик. Отец увидит его перед отправкой на фронт — отпустят накоротке повидаться с семьей.

— Господи, дай ему силы выстоять, — прошепчет Параска и благословит, как в церкви, уходящего из дома мужа. Она останется с маленьким ребенком на руках одна, беззащитная.

— Жив буду, вернусь. Жди меня! Всегда жди, — скажет он, как поклянется, Параске и сыну, не понимающему, почему папа машет ему рукой. Это были простые и святые слова мужей, сыновей, дочерей, ушедших на фронт. Их услышит и тонко почувствует поэт, солдат, писатель и журналист Константин Симонов.

*...«Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня».*

В июне 44-го

На передовую Яков попал 10 июня 1944 года в звании младшего сержанта, в должности командира орудия противотанковой артиллерии 1189 стрелкового полка 358 стрелковой дивизии 23-й армии Ленинградского фронта. Удивила сержанта не фронтовая обстановка — окопы, блиндажи, проволочные заграждения, ходы сообщения, лежащие вповалку солдаты, а — небо. Светлое ночное небо! Хоть «Боевой листок» читай. «Как же скрытно от противника занять позицию, отрыть окопы для орудия — основной и запасной —, перенести к пушке ящики со снарядами?» Яков никогда не видел северных белых ночей. «Перебьют же нас, как курят».

Противник не заставил себя долго ждать. На той стороне заметили усердие «иванов» по рытью окопов и успели послать несколько пулеметных очередей, пока солдаты не «зарылись». Вот где Якову пригодились умение и навыки быстро окапываться. Еще не раз вспомнит он «землерой» у села Нового. «Пушки молчат, чтоб не засекли. Противник не дурак», — отметит про себя Яков.

Противника, что сжимал с севера кольцо блокады Ленинграда, методично обстреливал город из тяжелых орудий, снятых с наших же, русских, кораблей, ушедших в Тунис в годы Гражданской войны, через много лет у нас в стране как бы и забудут. Мол, 60 лет назад закончилась Великая Отечественная война. Война кого, с кем? 60 лет Победы кого над кем? В официальных приветствиях оставшимся сегодня в живых

ветеранам об их противнике не говорят. Ветераны в уточнении и не нуждаются. Война у них в печенках. А молодежь? Знает ли она, кто воевал на советско-германском фронте? Кто такие страны-сателлиты гитлеровской Германии – Италия, Румыния, Финляндия, Венгрия, выступившие против СССР. Это был сильный и коварный враг, воевавший отнюдь не по принуждению! В июне 44-го Якову, командиру 45-миллиметрового противотанкового орудия, противостоял не вообще противник, а конкретный. В послевоенных изданиях о нем напишут так: «Войскам правого крыла Ленинградского фронта (Карельский перешеек) к 10 июня 1944 года противостояли 100 тысяч человек, 960 орудий и минометов, 110 танков и свыше 200 самолетов. Противник создал мощную оборону (глубиной до 120 километров), состоявшую из трех полос Выборгских оборонительных обводов, опирающуюся на труднодоступные естественные рубежи. Финское командование ставило перед собой задачу во что бы то ни стало удержать занимаемые позиции». Наше командование имело другую цель – «разгром группировки финских войск на Карельском перешейке и восстановление там государственной границы с Финляндией».

Огонь из всех орудий артдивизион, в котором служил Яков, открыл 11 июня, на следующий день после начала Выборгской наступательной операции соседней, 21-й армией Ленинградского фронта. Удар 23-й армии командование планировало как вспомогательный. (В Биробиджане до 7 мая 2007 г. жил участник сражения). Противник, как и ожидалось, оказал упорное сопротивление. В белую ночь финны точно засекли позиции «свеженького» дивизиона и открыли ответный прицельный огонь. Вот уж финский снаряд рванул впереди орудия Якова. «Недолет», – фиксируют бойцы. Другой – сзади. «Перелет»... «Третий точно ляжет на позицию расчета. Будь прокляты белые ночи!», – инстинктивно почувствует Яков смертельную опасность. Решение созрело мгновенно: сменить позицию, и нет времени докладывать по инстанции.

– Расчет, орудие в запасной окоп! – командует сержант. Солдаты хватаются за пушку и что есть силы дружно катят ее в заранее подготовленное место. За ними встает на дыбы черная земля, образуя от прежнего окопа глубокую воронку. «Точно лупит, гад!» Опять звучит команда: «Заряжай». Но что

это?! «Снаряд заклинило, товарищ младший сержант. При-
способление, чтобы извлечь, осталось там», — показывает солдат
в сторону бывшего окопа. «Бегом к соседнему орудию!» —
приказывает Яков заряжающему.

— Почему орудие на фланге не ведет огонь? — услышит в
трубке комбат грозный «рык» командира дивизиона. — За
невыполнение приказа, знаешь, что будет?!

Получив взбучку вперемешку с крепкими матами, вот уж
молоденький лейтенант бежит с вынутым из кобуры писто-
летом к замолчавшему орудию. В нескольких шагах от расче-
та, запыхавшись, кричит, как ошалелый, длинную фразу, четко
выговаривая каждое слово, будто судья на трибуне: «Именем
Союза Советских Социалистических»... Слово «республик»
лейтенант сказать не успел — упал, «споткнулся».

Попытки самосуда без разбора, кто прав, кто виноват, были
той грязью и жестокостью войны, которая все «списывала».
Солдаты об этом знали, привыкли и принимали как должное.
«Сейчас, думаю, прикончит нашего командира. Хорошо, что
название страны длинное, пока выговаривал, я ему — под-
ножку», — расскажет после боя Якову подносчик снарядов.
Отчаянный рискованный поступок солдата вроде и рукоп-
прикладством не назовешь, а человека от верной смерти спас.
Споткнулся, мол, лейтенант... С кем не бывает. Пока он вста-
вал, искал выроненное личное оружие, отряхивался от земли,

расчет извлек заклинивший снаряд и вновь открыл огонь по противнику.

Противник тоже не дремал: заметил «молчаливое» оружие и пустил на сорокапятку два танка. «По головному — прямой наводкой...», — командует Яков. И вот оно, солдатское счастье: «Есть, попали, дымит! Ну, что, господа финны, Иваны не только лыком шиты!?» Под всеобщее ликование расчета головная машина сползала в какую-то воронку от снаряда, а второй танк поспешно скрылся.

— Видел! Молодцы! — похвалит расчет после боя командир дивизиона. — За подбитый танк и умелые действия по спасению орудия всем медаль «За отвагу»! И от имени Президиума Верховного Совета СССР лично прикрепит самую дорогую солдатскую награду к гимнастеркам Якова и всего расчета.

«Помереть не дадим!»

...Его тяжело ранили 20 июня. В этот день 21-я армия овладела Выборгом, а 23-я вышла к новому оборонительному рубежу финнов у реки Воукса. С Яковом случилось то, чего он боялся более всего: проникающего ранения в живот. Он специально в дни наступления старался есть понемножку: знал, рваная рана в переполненном кишечнике — верная смерть. Взрыв снаряда и острую боль помнил, а как очутился на больничной койке — нет. При наступлении раненых бойцов не бросали. Неизвестная сестра вытащила его с поля боя. Неизвестный хирург извлек осколок и сделал 13-сантиметровую резекцию тонкого кишечника.

— Очнулся, солдат? Крепкий же у тебя организм. С таким ранением не живут. Но бывают исключения. Помереть теперь не дадим, — первое, что услышал Яков в полевом госпитале от военврача.

— Пи-ить!.. Испить воды — было его жгучим желанием. «Пить», — просил он каждого, кто мог ему помочь. Свой брат-солдат давал водичку тяжело-раненому бойцу кружками, фляжками. Внутри у Якова все горело. По глотку, по два он напился так, что вновь почувствовал адскую боль и потерял сознание.

— Сестра, помогите! Солдат умирает! — кричал сосед по койке.

— Ах, ты горе! Кто ему давал воды! Пойдете под трибунал!.. — кричал прибежавший перепуганный военврач. — Швы полопались. Перитонит. Быстро в операционную!

Из Якова откачали воду и вновь зашили раны. Без наркоза. Военврач повесил на спинке койки больного фанерную табличку с крупными буквами, любой мог прочесть: «Без моего личного разрешения пить не давать!» Для Якова начались приключения по госпиталям. После выздоровления военно-врачебная комиссия эвакуационного госпиталя 1359, что находился под Ленинградом, признает солдата годным к нестроевой службе и направит в запасной стрелковый полк, где сержанту поручат командовать хозвзводом (на легких работах), такими же ранеными и выздоравливающими, как и он. Здесь и встретит Яков День Победы.

Не взяв шинель, пошел домой

...Только 25 сентября 1945 года появится Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации победителей, тех, кто прошел войну, кого ждали матери и жены и кого держали под ружьем еще несколько месяцев после капитуляции Германии. Жена пришлет мужу фотографию подросткового сына. Сын не признает отца по приезду.

— Мой папка на «фронте» фашистов бьет, — скажет он сердито родному человеку в выгоревшей гимнастерке, без шинели.

Он вернулся в район в самом конце октября 45-го года. Стояли по-осеннему теплые дни. Его встречали пустые поля, заросшие бурьяном и пожухлой травой, на которых до войны дружно колосились хлеба. Где-то теперь его комбайн? Тревожное, щемящее чувство узнавания довоенной и новой жизни заглушит на время радость встречи с семьей.

— Параска, бросай тряпку, потом домоешь конторские полы! Беги, встречай! Твой приехал! — обрадует ее поседевшая в войну, но совсем не старая подруга и по-женски навзрыд заплачет...

Ресурсы

МЯГКИЙ КАМЕНЬ ХИНГАНА

Строительный комплекс ЕАО пополнился еще одним предприятием: в Биробиджане начало действовать уникальное для области производство теплоизоляционного волокна из хинганского базальта — природного камня

В кладовую только заглянули

Долгие годы строители и коммунальные предприятия автономии для изоляции водопроводных труб, стен зданий и сооружений, других конструкций, требующих при эксплуатации тепловой защиты, использовали природные материалы. Во многом это была неудобная в работе стекловата того же Хабаровского завода, который поставлял ее всему Дальнему Востоку.

Между тем природа подарила области собственные богатейшие сырьевые ресурсы для производства теплоизоляционных материалов. В районе Хинганска обнаружены выходы на поверхность земли базальтов — основных горных пород, широко распространенных на планете. Это «мягкие» образования, пригодные для каменно-литейной промышленности. Из них получают разнообразную продукцию, к примеру, плит-

ки для тепловой защиты дымовых труб. Черные «квадратики» на основе базальтов с успехом использовали для защиты от перегрева космического челнока «Буран».

По свидетельству специалистов, запасы «мягкого камня» в районе Хинганска тянутся на несколько километров и практически не разведаны. Попытки использования здешних даров природы предпринимались еще в советские времена. В Хинганске планировали организовать выпуск кислотоупорных плиток. Даже провели пробные плавки камня и образцы продукции отправили на исследование. Результаты оказались хорошими. Однако когда посчитали количество электроэнергии, требуемой на нагрев камня в промышленном производстве, а ее в те времена на Дальнем Востоке не хватало даже для более первостепенных нужд, перспективное дело решили отложить на будущее. Построенный корпус цеха для выпуска кислотоупорной плитки позже приспособили под спортивный зал комбината «Хинганолово». Базальты же остались нетронутыми многие десятилетия.

Нашлись «смелые» люди

Руководители управлений экономики, архитектуры и строительства, промышленности, транспорта, связи и энергетики правительства ЕАО не раз и не два обращали внимание наших предпринимателей на хинганские базальты. Везем, мол, в область теплоизоляционные материалы от соседей, из европейской части России, а свое прекрасное сырье не используем. Предприниматели, хозяйственные руководители предприятий слушали рекомендации, но открывать новое дело не спешили, хотя знали: если приобрести оборудование и продуть расплавленный базальт воздухом, то можно получать супертонкое теплоизоляционное волокно — попросту теплоизоляционную вату. Экологически чистую, долговечную, химически устойчивую.

И все ж в области нашлись «смелые» люди, которые рискнули открыть новое дело. Вместе с одним из его основателей, генеральным директором ООО «Базальт» Анатолием Небуровым едем в район Заречья, что за старым мостом в Биробиджане. Место, известное горожанам как бывшая база и контора ремонтно-строительного управления. Мой собе-

**Анатолий Небуров: Теперь производство
надо совершенствовать и расширять.**

седник даже помнит первых и последующих руководителей этой организации — сам бывший производственник. Однако в последние годы работал в основном внешним и конкурсным управляющим по назначению арбитражного суда ЕАО.

Из конкурсных управляющих — в предприниматели

— *Из конкурсных управляющих — да в предприниматели!*
Как вы дошли до жизни такой? — спрашиваю полусерьезно Анатолия Николаевича. (Мы с ним давно знакомы).

— А все! Дикое банкротство закончилось! Экономика стабилизировалась. Пора и за дело приниматься, — смеется Анатолий Небуров. И добавляет, изменив интонацию: — Сегодня надо восстанавливать то, что развалили, открывать новые производства, которые будут востребованы в рыночной экономике.

— *Почему вы пошли именно на производство, а, к примеру, не в торговлю, куда ушли очень многие?*

— Да я был, есть и буду производственник. Не тот я человек, чтобы покупать и перепродавать... Потому, когда закончилось мое арбитражное управление, я пришел в правительство области к Петрову, начальнику управления экономики, и говорю: «Геннадий Иванович, хочу чем-то заняться». Он отвечает: «О-хорошо!»

И дает мне бизнес-план, а там — базальт. Мысль простая: у нас его много и он никак не используется, надо пустить сырье в дело. Вот и тема, достойная воплощения, — теплоизоляция.

Ну а дальше я «залез» в Интернет, изучил тему. Оказалось, что алтайцы готовы предложить модуль — установку по переработке этого сырья. Съездил в Бийск, Барнаул — посмотрел на работу оборудования «живьем». Понял, чтобы построить завод, нужны громадные капиталовложения. А модульное производство таких затрат не требует, большие капиталовложения не понадобятся. Правда, инвестора все ж пришлось искать, занимать около четырех миллионов рублей. Один я бы не «потянул» эту сумму. Скооперировались и на троих ... купили модуль. Производство организовали, пригласив алтайских специалистов. Они не только смонтировали и запустили оборудование, но и обучили обслуживающий персонал — наших, местных рабочих. Теперь производство надо совершенствовать и расширять.

Выгодное дело

Анатолий Николаевич показывает первые пробные партии продукции — маты из базальтового супертонкого волокна. С удовольствием рассказывает об установке, принципах ее действия и тонкостях технологии.

— Европа и вся Россия отказались от теплоизоляционных материалов на основе песка и шлаков металлургии и переходят на использование экологически чистых базальтов. На Дальнем Востоке новый материал выпускает хабаровское предприятие «Базалит», бывший завод стекловолокна. Наша пробная продукция практически идентична хабаровской, но примерно в два раза дешевле. Хабаровчане снабжают чуть ли не весь Дальний Восток, но все равно потребности строителей и коммунальщиков удовлетворяют не полностью. Плиты и маты на основе базальтового волокна везут к нам из западных регионов страны. Потому надеемся, что наша продукция будет востребована. Крупную партию уже отгрузили городским теплоэнергетикам. Отзывы хорошие. Ассортимент, конечно, надо расширять. Сейчас для нас главное — достигнуть ритмичности производства.

— *Почему ваша продукция дешевле хабаровской?*

— У них завод. У нас небольшой цех и всего 15 человек. Себестоимость изделий получается дешевле. Мы считаем, что при нашей цене и наших расходах прибыль все-таки будет.

Генеральный директор говорит, что в Хинганске базальтовые булыжники — с виду крупные черные камни — валяются чуть ли не под ногами. И пока нет необходимости добывать сырье буровзрывным способом. 15 «КамАЗов» базальта хватит на год работы установки. Сырье в себестоимости продукции «тянет» где-то процентов семь. Другое дело — как из булыжников получить щебенку? Поначалу — крупной и средней фракций, затем — мелкой. Для переработки на модульной установке требуется базальт именно мелкой фракции. По информации Анатолия Небурова, выгоднее было бы изготавливать щебенку на месте, т.е. в Хинганске. Пока же в дальнем поселке автономии базальтовые камни собирают, грузят и отправляют в Биробиджан. Разгружают и дробят на заводе «Синтез». Окончательно щебень мелкой фракции изготавливают непосредственно в цехе, где стоит модуль, — в здании бывшего растворобетонного узла ремстройуправления. Конечно, производство щебня за счет неоднократной погрузки и разгрузки материала — дополнительные затраты. Но главная статья расходов нового дела — стоимость электроэнергии.

Электричество используется для нагрева щебенки. Она плавится при температуре около полутора тысяч градусов, на что требуется порядка 200 киловатт в час. А тариф «кусается».

— Практически 40 процентов себестоимости продукции — это стоимость электроэнергии, — говорит Анатолий Небуров. И все-таки дело обещает быть выгодным и перспективным.

Он рассказывает о своих планах открыто, без оглядки на возможных конкурентов. Их в области попросту нет.

2006 г.

**Людмила
Георгиевна
ЧЕМОРТАН
(УСОВА)**

Свои произведения – художественные и репортажные – стала создавать сразу же, как только изучила все буквы русского алфавита. Бурную корреспондентскую деятельность начала в нежном школьном возрасте, публикуясь в молодежной прессе Свердловской области, а изредка и во всесоюзной «Пионерской правде».

В зрелой поре, не противясь творческому призванию, закончила филологический факультет Нижне-Тагильского педуниверситета и очно-заочный спецкурс при факультете журналистики Уральского госуниверситета.

Как журналист специализируюсь на социальной тематике с уклоном в криминальную. Предпочтение отдаю живому репортажному жанру, интервью в стиле «без купюр».

Некоторые мои творческие успехи материализовались в дипломы Всероссийского и трех региональных (по Хабаровскому краю) конкурсах.

Была главным редактором газет «Улица III-A», «МИГ», «Человек и общество», редактором приложений «Из жизни спецслужб», «Моя милиция», «Стража».

В свободное от повседневных забот время бегаю с фотокамерой по улицам, презентациям и вернисажам, пишу мелодрамы на реальной основе и мемуары «в стол».

Интересный персонаж

«ДА, ЭТО Я. И ЛОШАДЬ – МОЯ»

У Владислава застенчивая, прямо какая-то детская улыбка, мягкий голос, неторопливая речь. Вот сейчас сидит он скромненько за своим рабочим столом и буквально корпит, выписывая что-то тушью на крошечных листочках ватмана.

— *Что это,* — спрашиваю, — *вы такое не крупномасштабное творите?*

— Да что всегда, что обычно, что каждый день — карикатуры на страничку «Евреем можешь ты не быть», рисованные заставки в литературную подборку на идише... Извините, я пока сосредоточусь на буквах — наш ответственный секретарь Лена Шевчук меня уже торопит, в компьютерном цехе уже верстка полос идет

Шрифты языка идиш — конечно, не китайские иероглифы. Попроще в начертании. Но можно, перепутав всего-навсего две похожих буквы, вместо слова «товарищ» получить неоднозначное «свинья». Бывали такие казусы в практике национальной газеты. Нет, не по вине Цапа. Но бережного бог бережет, поэтому пока не торможу Владислава вопросами, а произношу тихим голосом монолог-вступилровку:

— *Всюду Цап! Цап и Цап... Буклеты, календари, иллюстрации в различных литературных сборниках, картины в офисах и кафе, целая галерея репродукций в помещении общины*

«Фрейд», рисунки буквально в каждом номере областной газеты «Биробиджанер Штерн», персональные выставки в художественном музее, экспозиции в осенних и весенних вернисажах... Да еще и иллюстрации сказок из Талмуда — видела я как-то две редкие книжки, изданные в Москве. Вот такой Вы большой и разносторонний художник. И ведь это еще не все, Владислав!

— Ой, ну давайте поскромнее. Ну не люблю я дифирамбов. Да и не заслужил. В городе нашем более десятка профессиональных художников. И все талантливы.

— *Знаю. Но вот в юбилейные дни области Вы были прямо-таки героем дня.*

— Героем дня были заслуженные люди, первостроители, ветераны. А я просто пережил несколько радостных моментов.

Один из «моментов» такой: Владислав стал лауреатом городского конкурса «Фортуна» в номинации «Художественное творчество». А творчество его в те дни наглядно представало перед глазами тысяч людей, явившихся на торжественное открытие памятника Шолом-Алейхему. Владислав — автор скульптуры этого известного писателя, классика еврейской литературы. И установлен памятник, как известно горожанам, на улице, именуемой в просторечии «Ш-А» или «Шоломка».

Кстати, Владислав уже закончил на сегодня свою работу «Срочно в номер», и мы идем с ним по этой самой «Шоломке» к памятнику.

— *Владислав, — говорю ему, — наверное, изредка навещаетесь к своему творению, чтобы взглянуть на него новыми глазами, что-то обдумать заново...*

— Да почему же изредка? Каждый день как раз по четыре раза мимо знакомой тропы иду: из дома на работу, с работы на обед, с обеда опять в редакцию Живу-то я на улице Пушкина. Не скрою, частенько взгляд бросаю в эту сторону, особенно если кто-то на фоне памятника в этот момент фотографируется. И мысль, можно сказать, горделивая иной раз посещает: вот, мол, создал на радость людям. Украшение города, объект показа

— *А лошадь у вокзала? Скучаете по ней? Ведь это тоже Вы сотворили.*

— Да, частично я. И лошадь — моя. А вообще идея создать композиционную скульптуру в честь первостроителей области принадлежит Валерию Гуревичу. А я просто сделал эскиз...

И вот мы уже на привокзальной площади. Прошу Владислава минуточку попозировать именно здесь.

— *Эта многофигурная скульптура, наверное, труднее Вам далась? С большими затратами фантазии, творческой энергии?*

— Нет, навряд ли... А впрочем... На моем эскизе лошадка была поскромнее, рабочая уставшая коняга, протопавшая пол-России к берегам Биры. Задумывал даже на телегу усадить еще и детишек, и живность героических переселенцев. Но потом упростил композицию, как бы отошел от мелких бытовых подробностей. А монументальность «лошади», как вы это называете, придали китайские исполнители. Получился просто богатырский конь под Ильёй Муромцем. Когда я приехал в Китай, то даже расстроился из-за того, что скульпторы ну совсем не мой замысел отлили в металле. Но им удалось переубедить меня. «Ведь это же памятник(!), — сказали они. — На века! Он должен быть грандиозным».

— *А Вас не смущает, что граждане наши с этой «грандиозностью» так по-свойски обращаются? Детишки ползают по*

телеге, взрослые верхом на коня садятся, возницу дружески по плечу похлопывают... Видела однажды, как один немножко хмельной мужичок что-то ласковое на ушко «хозяйушке» бормотал.

— Как раз замечательно такое эмоциональное восприятие патриотического символа! Люди как бы сопричастность свою ощущают к делам минувших лет. Помнят. Любят здесь бывать. А вообще-то по художественным достоинствам памятник Шолом-Алейхему значительно выше.

— *Вы, кроме эскиза, кажется, и гипсовый муляж сами делали?*

— Да, уменьшенную копию лепил.

— *По-моему, очень удачно добились портретного сходства с прототипом?*

— Вот именно: добился. Пришлось перевернуть горы альбомов, различных изданий, где изо— и фотопортреты писателя есть, пересмотреть, сравнить репродукции барельефов, горельефов, перечитать массу литературы, где отражена наружность Шолом-Алейхема.

— *А вообще, — задаю стандартный вопрос, — как рождаются ваши рисунки, картины? А типажи? Неужели берете из жизни? Что-то я нигде не видела такие библейские лица, как у ваших персонажей?*

— Ну, во-первых, у меня много иллюстраций к произведениям Бабеля, Шолом-Алейхема. И образы — из их ярких произведений. Вот помните: «Они топали ногами» — и далее Вячеслав цитирует на память два или три абзаца из Бабеля.

— Или вот, помните, — продолжает он, — Бенья Крик говорит: «Кажись, у нас горит сажа»? Ну, как тут не вдохновишься, не представишь этих людей, их быт, жесты, пластику? Беру карандаш и рисую быстренько. Потом беру кисть, масляные краски. Вот так рождаются мои произведения. Все очень просто.

С Владиславом я знакома давно, но свое восхищение его талантом, работоспособностью, энциклопедическими знаниями вообще (если обратили внимание, он постоянный соавтор тематических кроссвордов, публикуемых каждую неделю в «Биробиджанер Штерн») вслух высказала впервые. И в ответ он опять застенчиво улыбнулся:

— Ой, ну не льстите. Все проще. Я применительно к себе слова «талант» никогда не произношу. Просто у каждого свои умения, навыки, способности, склонности. Вот как автобус водить...

Свой «автобус» Владислав уже давно довел до Америки, Германии, Канады, Японии, Китая, Израиля. Там представлены его лучшие работы. А может, и не лучшие. У талантливого творца лучшее всегда в будущем.

«ЭТО НАШЕ ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Все счастливые семьи похожи друг на друга...». Гениальный Лев Толстой, написавший эту фразу в эпоху Анны Карениной, по нынешним понятиям все-таки не прав. Счастье тоже у каждого разное. И в каждой семье — свое. Во всякой избушке свои погремушки.

Супругам Ленкиным я не успела задать стандартного вопроса о семейном счастье. Меня опередила Лена: «Только не думайте, что у нас все идеально». Да я, собственно, и не рассчитываю найти для очерка образцово-показательных персон. Люди не боги, жизнь не рай. Что есть — то и выбирай.

Сценический псевдоним в сослагательном предложении

Пока Лена делает стрижечку-причесочку, с ней можно поболтать о том о сем. Она и сама в меру разговорчива. К тому же доброжелательна, искренна, с чувством юмора.

Спрашиваю у нее как-то:

— Ты, наверное, за Виктора замуж вышла из-за его фамилии? Смотри, как красиво получилось: Лена Ленкина! Прямо готовый сценический псевдоним для эстрады, для шоу. Ничего придумывать не пришлось бы, если бы...

— Да, если бы... — Лена, кажется, слегка вздохнула с долей сожаления.

В нашем коротком чисто дамском диалоге «уложилось» несколько лет ее жизни. Она, оказывается, в свои совсем юные годы была на подступах к эстраде, сцене, шоу. Закончила музыкальную школу по классу аккордеона, училась в институте культуры в Улан-Удэ на оркестровом отделении. Из-за какого-то «творческого каприза» (так она определила свой поступок) вдруг решила, что звездных высот ей все равно не достичь. А быть усредненно-ординарной величиной в сфере искусства — не ее удел. И круто изменила судьбу.

...Базовая специальность Лены — бухгалтер. А любимая профессия — парикмахер. До этого три года на фабрике швей ей работала. Получается, третья профессия.

Были в ее жизни периоды, когда бралась за любую работу из спортивного интереса и чтобы дополнительный «гоно-рар» в семью принести. И народным заседателем в суде два года была, и в избирательной комиссии наблюдателем... Всюду зарекомендовала себя как человек ответственный, обязательный.

— Для меня, — подводит итог Лена, — эти абсолютно разные сферы — университеты жизни. Ни в каких академиях такую практику не пройдешь. А в жизни все пригодится.

Профессия бухгалтера, например, ей уже сейчас кстати пришлось, точнее ее мужу.

Фирма веников не вяжет

Виктор несколько лет назад закончил профессиональное училище, отделение по ремонту бытовой техники. До этого два года учился на программиста. Но, как и Лене, какой-то в этом деле «творческий каприз» помешал.

Шесть лет Виктор работал в компании «Дальсвязь». Но пять лет назад зарегистрировал частное предприятие «Ленкин» и теперь специализируется на ремонте буквально всех бытовых приборов, хорошо разбирается в радиоэлектронике и сигнализации.

Спросила у него однажды:

— А ремонт в квартире — не евро, текущий — можете сделать? А сантехнику в порядок привести?

Он от удивления просто воскликнул:

— Так ведь дома-то я все делаю сам! Конечно, смогу!

Действительно, Виктор — мастер — золотые руки. Удостоверилась: фирма веников не вяжет.

Он на жизнь не жалуется, не ноет: ой, как трудно! Он работает, работает и еще раз работает. Но «фирму» свою прикрыть решил неоднозначно.

— Почему? — спрашиваю.

— Ну, во-первых, стало невыгодно работать: конкуренция большая. Обеспеченные люди предпочитают обращаться в крупные фирмы (без кавычек). Малообеспеченные своими силами что-нибудь кумекают. Мои доходы почти не покрывают расходов. Если тарифы повысить — вообще клиентов-заказчиков не будет. Во-вторых, налоги задавили. Отчетность — просто дикая. Я один в своем ЧП, а заполняю пять листов отчетов. Хорошо, что Лена может бухгалтерию вести. Иначе пришлось бы специалиста нанимать. Представляете? А где бы я ему деньги на оплату труда взял? В общем, прикрою свое ЧП. Хочу стабильности. Хочу работать под надежной крышей по своей любимой основной профессии.

О женитьбе без романтики

О том, как они познакомились-поженились, рассказала Лена. Она, видимо, ведущий идеолог в семье.

— Одна женщина почему-то очень настойчиво заочно сватала меня за незнакомого парня. А я в самый последний момент передумала и не пошла на свидание с ним. Потом эта же женщина пригласила меня к себе на Новый год. Там и встретились с Виктором. Он мне понравился: серьезно к жизни относится и в то же время нескудный, умеет рассмешить, заинтересовать разговором.

Через неделю после знакомства Виктор говорит Лене:

— Тебе сколько лет?.. Вот! Видишь, уже замуж пора. Выходи за меня. Я серьезный, надежный, хозяйственный.

Лена долго раздумывала, потому что практически без романтики жених предложение сделал. А он все не отставал. Месяца через три после знакомства жених заявляет:

— Все! Женимся! Согласна?

— Да, — кивнула головой невеста, — согласна.

И тут же они сели составлять список гостей на свадьбу. Событие имело место быть десять лет назад. Судя по миру и

Семейство Ленкиных: Виктор – частный предприниматель, специалист по ремонту бытовой техники, Елена – парикмахер салона «Красота», Леша – третьеклассник, Владик – детсадовец.

ладу под крышей этого семейного очага, их романтика — в повседневности, в надежности отношений, в уважительности и заботе о детях.

Шоковая ситуация

Идеолог семьи Лена нечасто иронизирует по поводу своего жилища, но все-таки во время моего визита к ним не удержалась:

— Конечно, наше дворянское гнездо — не худший вариант. Но страшно представить, что наша очередь на улучшение жилищных условий подойдет только тогда, когда в этих коммунашках будут бегать не Леша с Владиком, а их внуки такого же возраста, как они нынешние. То есть наши правнуки. И не спрашивайте, почему. Мы в этой очереди четыреста пятидесяти (где-то так), а в год она (то есть, очередь) продвигалась до сих пор на пять-шесть человек.

Вот это был шок для меня.

А живут они в общежитии по улице Комбайностроителей на первом этаже. Над ними, на втором этаже, находится об-

щежитский санузел. Поэтому сырость, постоянная влажность в квартире Ленкиных превышает допустимые нормы. К тому же тесно и темно.

Хорошо еще, что их комнаты расположены в торце здания, и стало возможным заблокировать их от общего коридора отдельным выходом и крыльцом прямо во двор. Вот и получилось дворянское гнездо.

— Денег на приобретение квартиры, — говорит Виктор, — заработать не удастся. Кредит, ипотечная система — как темный лес. Но мы не сидим сложа ручки, не ждем манны небесной. Нам-то она никогда не доставалась. Думаем, как выбраться из... ситуации.

Да, никто не даст им избавленья: ни бог, ни царь и ни герой. Это уж точно.

...Оптимизм, стойкость Ленкиных потрясающие. Комментарии к этой ситуации у меня нет. Но если в Биробиджане построят очередной храм, я уже не буду с умилением смотреть на золотые купола. Просто прикину наугад, сколько бы квартир на эти деньги можно было городу подарить.

Человек без минусов

Среди ваших знакомых есть люди, лишенные недостатков, только с плюсами, без минусов? Навряд ли. А вот мне повезло — обнаружился недавно на моем репортерском пути ну очень хороший мальчик.

Говорю ему:

— Владик, мне твоя мама только что сообщила о тебе много хорошего. Только хорошее! А ты сам о себе можешь рассказать по секрету что-нибудь не совсем хорошее? Может, припомнишь немножко некрасивый поступок? Или, может, тебе в чем-то исправиться надо?

Личико у Владика сразу стало серьезное, задумчивое. Долго что-то припоминал или осмысливал. На мои «наводящие» вопросы недоуменно округлял красивенькие глазки с длинными ресничками, потом нахмурился, потупился, нахохлился. Тут уж я, спохватившись, решила не мучить ребенка, уйти от трудного разговора:

— Получается, Владик, что ты человек, у которого нет недостатков?

Собеседник тут же оживился, вздохнул свободнее и, прыгивая с дивана, четко произнес:

— Видимо!

И этим ответом мы закрыли неприятную тему. Вслед за братом Владик вприпрыжку побежал в детскую: пора было мультики включать.

Позже он охотно продемонстрировал свои достижения: в алфавите почти все буквы знает, считает без ошибок до двадцати, помнит все стихи по детсадовской программе — как-никак, а человек уже в подготовительную группу ходит.

Ангелочков нам не надо

Считается, что нынешние дети не любят книжки, только видик, телик, компик у них на уме... Сидят как приклеенные перед экраном, пока родители не вмешаются. У Ленкиных — младших по-другому. Во-первых, книгами интереснейшими заполнены их персональные стеллажи. Тут и художественная литература, и познавательная, и «раскраски», и «трансформеры». Во-вторых, компьютера у них еще нет. В-третьих, не привыкли без разбору попусту тратить время у экрана — папа держит под строгим контролем их занятия. Не зря же Леша стабильно в числе лучших учеников. Он третьеклассник десятой школы. На стенке над его — опять же персональным — рабочим столом висят почетные грамоты, «медали».

— Вот эта, — простодушно гордится Леша, — за второй класс. На одни пятерки закончил! Вот эта за конкурс — логические задачи решали. А еще мне мама и бабушка премии за второй класс выдали.

— Какие? Денежные?

— Ну да! Заработал! Пятерки, думаете, просто получать? Постараться надо!

— И как же ты деньгами распорядился? Много их было?

— О! Много! Почти двести. Очень нужное что-то себе накупал. И Владiku немножко тоже. И еще шоколадки мне и ему. Наелись — не каждый же день такая вкуснятина.

— Наверное, — спрашиваю у Лены, — братики очень дружные?

— Да не сказала бы, что очень, — отвечает. — Все бывает. И ссорятся, и дерутся, и хулиганят. Вот недавно Леша в ловушку

попал. Представляете, баловался во дворе с мальчишками и упал в емкость, где строители вар или смолу какую-то оставили. Прилип там, выбраться не может, ноги чуть не до колен склеились. К нам в квартиру заскакивает его дружок и кричит испуганно: «Ваш Лешка — в ловушке! Спасайте!» Виктор (хорошо, что дома был) побежал... Принес сыночка на вытянутых руках как мумию. С трудом с него брюки вместе с обувью, как скафандр, стянули и выбросили, его еле отмыли, отчистили.

— Наказали?

— Нет. Пожалели. Потом спокойно внушение сделали. Предупредили на будущее. Живем-то мы, сами видите, не в элитном районе: подобные «ловушки» на каждом шагу.

— А вообще у вас какие-то меры воспитания продуманы? Или все спонтанно получается?

— Как я понимаю, воспитывает ребенка прежде всего пример родителей, обстановка, психологический, эмоциональный климат семьи. Аура, так сказать. Но и меры наказания необходимы, вы же знаете: безнаказанность чревата... У нас меры не жестокие: не бьем сыновей, не шлепаем, не кричим на них, не оскорбляем. Если ставим в угол, то объясняем, за что. Если упрекаем в чем-то, то мотивируем на доступном для их понимания уровне.

— В общем, идеальное воспитание... Не зря же Владик — человек без минусов...

— Понимаю ваш юмор. А если серьезно, то ангелочков нам не надо. Жить-то им на грешной земле, в реалиях суровой действительности.

Семейная демократия в разумных пределах

— Да, но послушания детей как-то добиваетесь?

— Не всегда. Беспрекословное подчинение формирует безвольную личность. Этого нам тоже не надо. У нас, можно сказать, семейная демократия. В разумных пределах. Вот недавно мы с Виктором спорим, решая бытовую проблему. Я упорно свое доказываю. Тут Леша (слушал-слушал) и говорит: «Мама — ты не главная. Не главная. Я передачу такую смотрел — там сказали: глава семьи — мужчина». Я от неожиданности

данности даже растерялась... но ножками не затопала... Не закричала.

— И спор прекратился?

— Да. Мирным путем пришли к консенсусу.

— Да, телевидение многое деточкам внушает... И хорошее, и плохое.

— И не только телевидение. Окружение тоже. Вот приходит Владик с улицы и сходу заявляет: «Мне Леша не брат!» Я дар речи потеряла. А он продолжает: «Мы теперь с Костей братаны. Будем братанами навсегда». Тут все понятно стало...

— Дворовый лексикончик дитя не уразумело?

— Да. Пришлось методично разъяснять, кто есть кто: брат — братан, друг — недруг...

Электроника и чувства кухонной плиты

Завершая свой визит, вспомнила, что можно было бы у деловитой хозяйки поинтересоваться каким-нибудь оригинальным рецептом семейной кулинарии.

— Лена, ты, наверное, хорошо готовишь? Народная мудрость подсказывает, что чувства мужчины следует подогреть на кухонной плите и что путь к его сердцу через гастрономические ощущения...

— Простенькая схема — ничего не скажешь. Но я такими приемчиками похвастаться не могу. У нашей кухонной плиты чаще всего оказывается Виктор. И зазорного в этом нет ничего. У него свободный график, а у меня жесткий: от и до. Целый день на рабочем месте, а после пяти еще могу и к постоянной клиентке на дом пойти по ее просьбе. А кто же детей обедом, ужином накормит? Конечно, папочка!

— Он хорошо готовит?! Вот ведь, молодец какой!. И в электронике смыслит, и в кулинарии.

— Да, вкусно у него все получается, хотя и без каких-либо изысков. Его коронное блюдо — овощное рагу. Рецепт даже я не знаю. «Фирма» секретов не выдает.

— И веников не вяжет.

Тут все семейство Ленкиных, переглянувшись, дружно улыбнулось одинаковыми улыбками — бесхитростными, искренними.

«Я ПРОСТО БАБА МАША. ИЗ КАЗАНКИ»

К этой интересной старушке меня привезли знакомые знакомых. В этот момент Мария Григорьевна сидела с подружками на солнечной скамеечке у подъезда. Сразу же заулыбалась, кинулась обнимать своих знакомых, потом, зорко и вопросительно глянув на меня, повела нас в свою квартиру на третьем этаже пятиэтажки в районе ТЭЦ. Удивительно бодро шагала по ступенькам, оживленно расспрашивая гостей о том о сем.

— МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА, — говорю ей, — высокогато живете... Наверное, тяжело подниматься на третий-то этаж?

Она изумленно на меня оглянулась:

— Так я ведь уже привыкла! Пять лет уж тут живу. Каждый божий день туда-сюда хожу. Привыкла! И ты меня, миленькая, не навеличивай. Зови просто: баба Маша.

В ее двухкомнатной квартире очень свежий воздух — ни кухонных, ни лекарственных запахов — всюду чистота, порядок. Хозяйка сразу же заметила мой интерес к самодельным вязаным коврикам на креслах и на полу.

— Сама вяжу. Нравится рукодельничать-то. Научилась давным-давно, — сообщает гордо, а потом с веселой усмешкой спрашивает: — Хочешь, тебе свяжу? Да уж знаю, что теперь не в моде эдакое-то...

— Что вы, — отвечаю ей, — наоборот, сейчас в больших городах в моде стиль кантри, то есть народный. И коврики такие, и кружева-самовязы, и одеяла из лоскуточков — пэч-

ворк называется... Кстати, очень дорого такие изделия стоят. Особенно иностранцы ценят.

Баба Маша звонко и добродушно засмеялась:

— Как ты говоришь? Печь... печь... Вот придумали тоже! Да я этот печь с детства шила из лоскутьев. Теперь-то глаза немножко испортились, так уж не такая рукодельница стала. А иностранцам-то на что это? Да еще за деньги! В музей что ли?

Продолжая в том же духе «светскую» беседу, хозяйка предложила почаевничать.

— Нет, — возражаю, извинившись, — спасибо. Давайте вначале немножко поговорим, я кое-что запишу.

— Ну так ладно. Давай поговорим. Ты ведь по работе ко мне пришла. Спрашивай. Я все-все расскажу, чтоб тебя не заругали на работе-то.

СЛОВ «ИНТЕРВЬЮ», «ПУБЛИКАЦИЯ», «РУБРИКА» я, наученная опытом, не стала произносить, чтобы не смутить разговорчивую собеседницу. Накануне я уже, не подумавши, спугнула одну менее пожилую — 80-летнюю — женщину: вначале по телефону согласившись со мной поговорить, она вскоре перезвонила и отказалась: «Да кто я такая?! Простая. Не знаменитая. Ну подумаешь, комбайнеркой была! Да во время войны женщины вообще мужскую работу на своих плечах вынесли. Неудобно мне как-то в газете представляться. Люди-то засмеют... Извините, пожалуйста». В общем, застеснялась.

Но баба Маша и без моих объяснений быстро сообразила что к чему: «Да пиши-пиши, коли тебе надо. Если людям интересно будет о прежней жизни почитать, то мне не жалко. Только ведь я совсем неграмотная. Один класс закончила. Отец сказал: «Хватит! Поучилась уже! Буквы знаешь, читать-писать можешь, теперь делом займись». Так если я что некрасиво скажу, ты покрасивше напиши. Но лишнего тоже не надо! Только правду! Но не все».

Чуть было не процитировала бабе Маше сакраментальное: «Правда и только правда, и ничего, кроме правды, но не вся правда...». Вообще во время разговора она часто удивляла меня не только народной мудростью, но и своей непосредственностью, прирожденным юмором, афористичностью и образностью фраз. Поэтому я, обдумывая жанр своего га-

зетного материала, предпочтение отдала непринужденной беседе с сохранением ее лексикона и стилистики. И поэтому разговор вела «вразброс», чтобы не заикливаться на анкетных данных, биографической справке, записях в трудовой книжке.

Сразу неоднозначно скажу: баба Маша — великая труженица, мать, воспитавшая вместе с мужем пятерых детей, — до сего дня сохранила ясный ум, память, бодрость духа, физическую стойкость, доброту, смешливость, интерес к жизни и людям, своеобразность восприятия окружающего мира.

— СКОЛЬКО Ж ВАМ ЛЕТ, если не секрет? — уточняю, вдруг удивившись молодости своей собеседницы: бойкая речь, улыбочность, блестящие темные волосы лишь с двумя-тремя седыми прядями — нынешние модницы-брюнетки примерно такое мелирование стали делать. И сама она подвижная, крепенькая — никакой согбенной спины, никаких прихрамываний и прочих признаков престарелости. К тому же мне сказали, что Мария Григорьевна сама себя обслуживает: ходит в магазин за продуктами, варит-жарит, уборку в квартире делает, стирает белье. Все сама, хотя дочь Алла букваль-

но каждый день ее навещает.

— Ну так давай посчитаем теперь, — отвечает весело. — Я же свои лета в голове-то не держу каждодневно. Это чтобы быстро не стариться. Пиши в своей тетрадошке: Мария Мазалова родилась 29 марта 1914 года. Теперь считаем... 91 год получается! Не так уж много. А вот муж-то мой Кузьма Филиппович уже пятнадцать лет как умер. И дочка Лидочка пять лет назад скончалась. Три месяца до пенсии не дотянула. Умерла от рака.

Мария Григорьевна с трудом сдержалась, чтобы не заплакать в голос, но через полминуты сама на себя махнула рукой:

— Вот какая нервная! Ведь уже думала, что эти две беды пережила, смирилась, ан нет. Сердце-то не обманешь. Но плачь — не плачь, а миленьких моих не вернешь с того света.

Быстро увожу старушку от тяжелых воспоминаний:

— У вас кто старший-то? Сын, дочь?

— А Борис Кузьмич. В Хабаровске живет. Он начальник большой на железной дороге. Это он со своей женой Идой Ивановной мне квартиру-то эту купил. Знаешь, за какие деньги? За наши. За 45 тысяч рублей. Не то, что теперь — все какие-то «уе» просят, да несуразно дорого. Про других детей сказать? По порядку дальше — Сергей Кузьмич. Он в Чегдомыне живет. Никакой не начальник, но зато начальника возит. Раньше на шахте работал. Следующий у меня Виктор Кузьмич. В Биробиджане, на Сопке работает, пять лет на механика учился. Дочка Аллочка тоже в Биробиджане, медсестра-акушерка. Ой, порассказать бы о ее работе, да тетрадошки твоей не хватит.

— Баба Маша, а внуков много?

— Пиши: Надя, Сережа, Марина, Оксана, Оля, Юлия, Лена, Артем, Сережа. Теперь считай. Девять? Значит, все. Никого не забыла. Теперь правнуков будем писать: Витя, Таня, Алеша, Кирилл, Наташа. Пока все. Витя старший, уже работает. Наташа младшая, ей пять лет.

— Вот что у вас получается: детей, внуков и правнуков — восемнадцать человек. Скоро, наверное, праправнуки будут. Сколько лет вам самой-то было, когда с Кузьмой Филипповичем поженились?

— А двадцать. И ему двадцать. Мы тогда в Курской облас-

ти жили. Подожди, не пиши пока. Область-то теперь по-другому называется.

— Кировская?

— Нет-нет. Сейчас вспомню... Белгородская! А село наше называлось Нижне-Чухвичево. Возле города Старый Оскол.

— Как вы познакомились?

— А чего знакомиться? Мы ж в одном селе жили, семьи наши друг друга знали. Однажды он к моей подружке подошел и говорит: «Спроси у Маруси: можно, я ее провожу?». Подружка ко мне: «Ты согласна?». Согласна, говорю. Вот он и проводил. Потом поженились.

— А как он предложение-то сделал? Что он вам сказал?

— Да ничего он нам не сказал. Тогда ведь про любовь-то не говорили. Стеснялись. Зато на всю жизнь соединялись. И так было понятно, что любит. Красивый он у меня был! Знаешь, сколько баб за ним бегало! А он меня почему-то выбрал. До сих пор не пойму: почему? Но у нас красиво все было, прилично. В церковь ходили...

— Теперь молодежь-то на два года женится...

— Какие два года?! Два месяца! Но не пиши так. Обидят-ся.

— Баба Маша, вот тут у вас в соседних домах — общежития, много парней хулиганистых живет. Они вас не обижают?

— А я к ним не хожу! Не обижают. И девчата тут есть нехорошие. Пьют, курят. Последнее это дело. Грех большой. Чересчур молодые разбаловались. Нехорошо это.

— ТЕЛЕВИЗОР СМОТРИТЕ? Знаете, что в стране творится?

— Конечно, смотрю. Страна-то меня не так интересует. О ней есть кому думать. А я люблю «Поле чудес», на этого Леню-то усатенького, Якубовича-то все смотрю. Хоть развеселит.

— А политику смотрите, слушаете?

— Какую политику? А! Это когда Путин что-нибудь говорит? Или другие московские начальники? Нет, не люблю. Я их не понимаю. Все такие умные, образованные... А толку-то? Ничего хорошего народу не могут сделать. Все дороже делают: квартиры, продукты. Ты только подумай: за телефон теперь 200 рублей платить!

— Пенсии не хватает на все?

— Хватает!.. Потому что дети помогают! А вот другим-то старикам как жить? Да детям-то нашим тоже как выкручиваться? Подумали они об этом, московские-то начальники?! Умные такие...

— А эстраду любите смотреть?

— Это певцов? Нет, не люблю. Раньше Алла Пугачева хорошо пела, а теперь испортилась. И Филиппчика ее тоже не люблю. Парик свой напялит, головой трясет, скачет по сцене, прыгает... А не поет. Я люблю «Играй, гармонь». И люди там нормальные, и песни за душу берут, и слова человеческие.

— ПОЛУЧАЕТСЯ, баба Маша, вы в Казанке практически всю жизнь прожили? — спросила я, не очень удачно построив фразу.

— Ты что?! Я же жизнь-то еще не прожила, она впереди. А до Казанки мы с Кузьмой Филипповичем до сорокового года жили там, где родились. В Нижне-Чухвичево. Мы переселенцы. Вербовщик приехал, стал народ звать на Дальний Восток: мол, земли там хорошие, леса много, дома вам построят, денег на хозяйство дадут. Уговорил. Полсела нашего еще до войны уехало сюда. У нас там уже колхоз хороший был. Только в тесноте жили: мы — семь человек — в маленьком домике обретались. Леса мало, строить дома не из чего, да и денег не было.

— Сюда на лошадях добирались?

— Нет, в поезде, в телячьих вагонах с двухэтажными нарами, с печками-буржуйками. Целый месяц по железной дороге тащились. А я с грудным младенцем на руках, одна, без мужа, без родни. Кузьма-то Филиппович с другими мужиками еще в 39-м году, как ходок, на разведку на новые земли уехал. Потом уже в сороковом году за нами, за женами и детьми, один наш приехал. А в вагонах мы и скот везли, и семена, и собак, и нужные вещи.

— И наконец очутились в Казанке... И какое впечатление?

— Страшно вспомнить! Деревушка на курьих ножках! Жилья еще мало. Зато комарья, змей! Не поверишь: где стоишь — там и змея. Потом-то все наладилось. Дома построили, колхоз на ноги поднимать стали, моего-то Кузьму Филипповича председателем колхоза выбрали. И я работать пошла. Что делала? А вместе со всеми и землю корчевала, и картош-

ку обрабатывала, и овощи выращивала — даже арбузы. А потом война... Да что про это рассказывать? Мужиков на фронт забрали. Слава богу, кто живой остался, через пять лет вернулся. А моего из армии не сразу отпустили, он еще там после Победы ответственные дела выполнял. Вернулся — снова стал председателем колхоза. Ну а что я, спрашиваешь. Да обычно. Детей рожала, работала, все делала. Даже, помню, жернова крутила, когда муку надо было молотить. После пенсии и то работала. Только не на земле, а в медпункте уборщицей. На легкий труд перешла. Но у меня даже две медали есть.

— Баба Маша, а люди из Казанки, которые меня к вам привезли, — ваша родня?

— Родня, родня, потому что много времени по соседству жили, дружили. Любят они меня почему-то. Не забывают. Да пол-Казанки мне звонят, интересуются. Тоже любят меня почему-то....

Валерий Петрович ФОМЕНКО

Неисповедимы были пути-дороги тех, кто однажды стоял в разношерстном строю во дворе Бийского горвоенкомата. «Покупатели» увозили их отсюда кого куда — в Веймар, в Ригу, в Улан-Батор, в Приморье. Так в качестве пассажира «людского поезда», как выражаются железнодорожники, осенью 1960 года оказался далеко от отчего дома и слесарь Валерий Фоменко. Много позже, будучи уже жителем города Биробиджана, в одной из заметок в «Биробиджанской звезде» о встрече с Дальним Востоком он процитировал четверостишие собственного сочинения:

Мчал к тебе я в быстром эшелоне

Через всю бескрайнюю Сибирь,

И вставал за окнами вагона

Твой могучий, первозданный мир.

Кто в молодости не баловался подобного рода виршами?..

Но как раз тогда, в середине 60-х, известный у нас в области журналист Наум Моисеевич Фридман сказал участковому милиционеру Фоменко: «А что, если вам сменить мундир на обычную одежду и не попробовать себя в роли газетчика? Чувствую, у вас это должно получиться».

Пророком был Моисей, пророком и Моисеевич:

спустя некоторое время волею обстоятельств бывший милиционер стал корреспондентом той самой газеты, где до того уже попробовал себя в роли нештатника.

Позже была работа на областном, а потом и на краевом радио. Журналистика стала для учителя-филолога по образованию второй и, с той поры, единственной профессией. В. Фоменко публиковал свои материалы в областных и краевых газетах, в окружном «Суворовском натиске», печатался в журналах «Лехаим» и «Дальний Восток», местных альманахах «На берегах Биры и Биджана», «Литературный Биробиджан» и «Биробиджан», некоторое время редактировал многотиражку еврейской общины «Фрейд». Именно в то время, что называется, вплотную занялся переводами с идиша.

В настоящее время В. П. Фоменко — сотрудник редакционно-издательского отдела Биробиджанского областного института усовершенствования учителей.

ИЗ ХРОНИКИ КОЛХОЗНЫХ «ЗАВЕТОВ»

Мало известный у нас в области писатель Михаил Ханух в конце 60-х — начале 70-х жил в селе Валдгейм и работал в колхозе «Заветы Ильича», возглавляя в этом хозяйстве профсоюзный комитет. Журналист по образованию, он поселился в «Лесном доме» преднамеренно. С целью написать собственную повесть «о настоящем человеке» — председателе колхоза Владимире Израйлевиче Пеллере. Повесть такая была написана, и первый ее вариант, исполненный, как оно было положено, в духе «социалистического реализма», появился еще в советской печати. Надо ли говорить, что идеологическая цензура санкционировала исключительно черно-белое отражение жизни и действительности? И только поселившись в Израиле, Михаил Ханух смог создать объемный и реалистичный портрет Председателя. Так в Израиле появился сборник небольших очерков и зарисовок под общим заглавием «Кавалер полного Банта Славы» и подзаголовком «Документальная повесть о кавалере трех орденов Славы, Герое Социалистического Труда, знаменитом председателе колхоза, созданного евреями-переселенцами под Биробиджаном, Владимире (Фавле) Израйлевиче Пеллере».

Предлагаем вам отрывок одной из глав повести о В. И. Пеллере.

ДО ПЕЛЛЕРА в «Заветах Ильича» верховодил бывший директор МТС Фельдман. На колхозном собрании председателем рекомендовал его секретарь обкома — «сельхозребе»,

как именовали его в здешнем обиходе. Это происходило в ту пору, когда самостоятельный реформатор Хрущев поделил парткомы на промышленные и сельскохозяйственные. Колхозное собрание встретило рекомендацию «сельхозребе» дружными аплодисментами. На этой благодушной волне объявляется, что за новым председателем жалуют приданое — автобус. И новый всплеск аплодисментов. Проходит месяц, и автобус этот, почти совсем еще новый, реквизируют.

Фельдман в первый же день своего правления решает перенести «столицу» колхоза — центральную усадьбу — из Валдгейма в штаб-квартиру МТС. Не успели. Очень скоро колхозники разочаровались в своем избраннике. Бухгалтер Арон Панич оспаривал, а то и вовсе игнорировал его распоряжения. Между тем к Пеллеру время от времени направляются «ходоки» с просьбой возглавить пригородный колхоз, созданный евреями-первопоселенцами еще Биробиджанского национального района — до образования ЕАО. Делегации колхозников-челобитчиков стучались и в кабинеты обкома-райкома. В конце концов верховное начальство решило уважить просьбы «низов». А колхозники сочли за честь иметь своим предводителем героя войны и рачительного хозяина.

Не всем, однако, пришелся по нраву новый председатель. Шоферы так и вовсе объявили бойкот. При Фельдмане за каждую езду платили им наперед. Пеллер поломал эту практику: сначала сделай работу — потом получай плату. Водители стоят на своем, Пеллер не поддается напору. Неотложные грузы перевозят на тракторных тележках. И еще — на военных грузовиках: Пеллер на этот счет договорился с воинской частью, дислоцированной под Биробиджаном. Слабее нервы оказались у шоферов.

Не выносил, презирал Пеллер «сачков» и рвачей. И с трогательной заботой относился к работягам, которые «пашут». «Пахарями» называл он не обязательно механизаторов. К ним, к «пахарям», причислял и скотников, и овощеводов, и инженера-строителя Абрамовича. «Мишпухой пахарей» именовал Владимир Израилевич семью Ихила Рака. «Вот про кого надо писать в газеты и показывать по телевизору», — наставлял меня Пеллер. И сам же принялся рассказывать об этом колоритном семействе.

ИХИЛ В ВАЛДГЕЙМЕ — из самых первых переселенцев. В селе было тогда полдесятка мазанок. Когда в колхозе — он тогда так и назывался «Валдгейм», — появился первый трактор «Фордзон», никто не мог с ним управляться. Ихил Рак в Бердичеве был балагулой-извозчиком. «Давай попробую я», — говорит Ихил председателю Хаиму Школьнику. «Почему не попробовать, если трактор все равно стоит холостой?» —

рассудил философ-председатель. Ихил Рак раздобыл в Биробиджане учебник. Однако сам читать по-русски не умел. На подмогу пришлось звать верную свою половину Хаю Давыдовну. Жена читала вслух описание узлов и деталей, правила эксплуатации трактора. Ихил слушал и старательно заучивал. А по практическому управлению трактором взял Ихил несколько уроков у механика из «Агроджойнта». А когда колхозу выделили по разверстке «ЧТЗ», Ихил быстро освоил этот первый советский гусеничный трактор и корчевал им тайгу — под поля, огороды, стройплощадки. Сам — неграмотный, а дети его окончили институты. Старший, Саша, стал инженером-конструктором, Бетя — экономист, Фима — ветврач, Арон — агроном, Борис — инженер-механик, Роза — директор Дома культуры в Валдгейме. Пеллер берет с меня обещание написать о семье Раков.

— Сейчас я тебе расскажу про то, как безграмотный Ихил Рак уделал главного инженера облзо (*областного земельного отдела — прим. ред.*) — начальника над всей техникой, какая есть в сельском хозяйстве области, — Пеллер про других рассказывает с воодушевлением. — На всю область выделили два пресс-подборщика. Не буду тебе открывать секрет, как один из них оказался у нас в колхозе, но мы не можем нарадоваться на эту машину. Работает за две бригады мужиков. В сутки пакет полтыщи тюков сена. Но радовались меньше недели: сломался пресс-подборщик. Я через обком выхлопотал главного инженера облзо. Ты не поверишь, полтора месяца он с ним, с пресс-подборщиком, обнимался и поднял руки вверх.

Собираю «совет мудрецов». Сема Ходос советует: «Позови Ихила Рака». Панин напоминает: «Он же инструкцию не прочитает». — «Зато у него голова выросла там, где нужно», — считает Ходос. Я сам еду за Ихилом. Говорю: «Даю тебе, Ихил, месяц — больше не могу, трава пожухнет — и можешь себе в подсобники взять любого механика с колхоза». — «Не надо мне механика, дай мне моего Бориса. И я хочу надеяться, месяц мне даже будет много». Ихил уехал на сенокос с первой колонной техники. Вторую колонну вел Борис и приехал на стан только под утро. Ихил напустился на сына, почему задержался. Борис буркнул, что тоже не валялся на печке. Но объяснять не стал. А причина, почему задержался, стоила Бо-

рису ведро крови. На сенокос — в Головине — технику и людей переправляли через Биру на пароме. Так пацан-тракторист промазал и вместо парома попал в речку. Надо было сначала его вытащить, а потом и трактор.

Ихил дал Борису поспать час или полтора, и они пошли к тому «больному» прессу. Борис читает инструкцию, а Ихил руками мацает, где «ведомая звездочка», а где, значит, «пружинные пальцы». Самое трудное было разобраться с вязальным аппаратом. Десять дней промучились с этим калечным пресс-подборщиком и таки заставили его работать. Ихил с Борисом вкалывали по восемнадцать часов. Спали в палатке возле агрегата этого, ели на ходу.

Я все время держал на контроле ход ремонта. И вот передают записку. Написал Борис, а Ихил свою закорючку приставил: «500 тюков за смену, председатель, тебя устроит?».

— Это я тебе только один пример рассказал про эту «мишпуху пахарей», — говорит Пеллер, — а ты сам остальное все выясни. Еще тебе мой наказ: познакомься поближе с семьями Фани и Миши Файманов, Рахили Фрейдкиной, Баси Пискун, Ривы Вишиникиной, Гриши Гершова, Белы Копыловой. Не потому, что они заслуженные и почетные, а потому, что таким людям Бог дал жизнь, когда был в хорошем настроении. И не пожалел для них ума, совести и сердца.

В ТЕ 70-Е ГОДЫ было в моде проводить вечера чествования ветеранов, лучших работников. Пеллер не давал указаний, кого чествовать, а свое отношение выражал тем, что либо приходил на тот или иной вечер, либо под любым предлогом отказывался от участия. Скуповат был на похвалу Владимир Израилевич. Когда я сказал Пеллеру, что на следующий день состоится «вечер-портрет», на котором будут славить Хану Молчанову, Владимир Израилевич попросил меня: «Напомни завтра с утра и после обеда не дай мне забыть».

Он пришел на вечер с пятиминутным опозданием, но зато с подарком «от себя». А от колхоза Хане преподнесли платье-костюм, модную косынку и духи.

Сегодня можно всласть иронизировать насчет подобного рода мероприятий, находить в них густой налет формализма. Но я свидетель того, как искренне были взволнованы герои таких «вечеров-портретов», как благодарны они были за внимание, душевные слова.

Импровизированный «доклад» взяла на себя Фаня Файман — член Комитета советских женщин. Напомню, в ту пору авторитетный тот комитет возглавляла первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. Я видел, как волновалась сама Фаня в этой своей роли ведущей. Простыми, добрыми словами рассказала она о том, как сложилась жизнь у Ханы Молчановой. Родилась Хана в сибирском селе Захарово Красноярского края, в семье евреев-крестьян. Отец ее Зиновий был кузнецом. Когда Хане исполнилось четыре года, умерла ее мать. С 13-ти лет пришлось зарабатывать свой хлеб. Муж, призванный на фронт, оставил ее с тремя малыми детьми. Четвертый ребенок родился на третьем месяце войны, когда в дом Ханы Молчановой пришла похоронка. Одна вырастила детей, всех поставила на ноги. Уже после войны переехала Молчанова в Валдгейм. Здесь доработала до пенсии и продолжает работать в овощеводстве.

Пеллер похвалил организаторов мероприятия. Он считает, что такие вечера чествования на пользу не только ветеранам, но и молодежи. А героине вечера сказал: «Если б не было таких людей, как ты, Хана, мы бы войну проиграли». И что по его, Пеллера, мнению, в Берлине, в Трептов-парке, надо дополнить знаменитый памятник: рядом с солдатом-победителем должна стоять женщина-победитель, которая держала на себе тыл.

НА ОЧЕРЕДНОМ «совете мудрецов» колхоза Владимир Израилевич выдвигает на обсуждение проект строительства птицефабрики. С главным колхозным строителем Абрамовичем он уже все обмозговал и заранее уверен: проекту гарантировано «полное и единодушное одобрение». Но проформы ради «разводит демократию», как характеризует процесс обсуждения Борис Рак.

Аргументы и цифры в самом деле впечатляют. Годовая мощность птицефабрики — 15 миллионов яиц. Этого хватит, чтобы обеспечить потребности всего Биробиджана. Через год птичье поголовье заменяется, и в итоге получается 50 тонн деликатесного мяса. По расчетам Пеллера, строительство птицефабрики должно окупиться менее чем за два года.

И второй проект — строительство парникового хозяйства на 600 рам. С электрическим обогревом и максимальной ме-

ханизацией работ. Лебедка зараз открывает 20 рам. Пеллер смотрит на Абрамовича: «Я что-нибудь напутал?». — «Никакой ошибки. Все, как вы сказали», — заверяет Абрамович.

— И надо там построить сорокавосемиквартирный дом, — предлагает парторг Гольдшмидт.

Пеллер согласен и добавляет: «А первый этаж отдать под детский сад».

И третий проект — освоить за речкой Бирой новые посевные площади. Накануне мы с ним были на этих землях. Владимир Израилевич оставил «газик» на обочине дороги и пошел по пустырю.

— Убрать плугом корчи, пустить дисковые бороны, еще раз перепахать — земля будет, как сметана. И место красивое, — говорит Пеллер, — позавчера здесь все было голо. Прошел дождик — и смотри, какая красота.

Пеллер потрогал рукой черемуховые деревца и расчувствовался: «У меня от этого запаха голова пьяная делается».

«Совет мудрецов» дружно, «целиком и полностью» за реализацию всех трех проектов. Свое мнение, как всегда, обнаруживает у главбуха Панича: «Было бы совсем замечательно, если бы ты, Владимир Израилевич, сказал, откуда, с какого неба упадут на колхоз деньги».

— Кредиты, Арон, это не деньги? — Пеллер с вызовом смотрит на главбуха.

— Во-первых, кредиты — это чужие деньги, и их надо отдавать, — рассуждает Панич, — когда-нибудь. А во-вторых, никто не даст таких кредитов, чтоб хватило на весь этот «холоймес» (*на идише* — «сны», «сновидения», «мечты» — *прим. ред*).

— Чужой человек послушает тебя, Арон, и подумает: деньги для колхоза достает Панич, а тратит Пеллер.

— Ты Расскажи еще про свой колхозный молокозавод, — подзадоривает председателя Панич.

— Арон, тебе нравится, что гормолзавод платит колхозу за литр молока двадцать три копейки, а сам продает в магазин за сорок пять? — задетый за живое, Пеллер возбуждается. — Гормолзавод набивает себе карман за счет темного колхозника. А я хочу сам продавать молоко в магазине, и чтобы доход шел в колхозную кассу.

Забегаая вперед, отмечу, что осуществить Владимиру Израилевичу удалось лишь проект строительства птицефабрики. Не успел...

— Районная сводка хода посевной, — сказал главный агроном Тарасов, — хромает на обе ноги. Звонил сначала из райкома Павлов, потом несколько раз звонил предрайисполкома Кириллов.

— Ну так что, будем сеять? — прищурясь, смотрит на главного агронома председатель.

— Я считаю — нельзя.

— Я тоже. Что будем делать?

— Вы же рассказывали, как сеяли по грязи.

— Когда это было? Это было двадцать лет назад...

Я слышал о том рискованном эксперименте от Семена Ходоса. Дело было в 1948 году в колхозе «Ройтер Октябрь» Сталинского района. На колхозных массивах, в районе кирпичного завода надо было посеять 800 гектаров пшеницы. А весна выдалась промозглая, сырая. Едва проглянет солнышко и запарит поле, как небо набухнет темными низкими тучами и то ли дождь польется, то ли снег повалит. А время истаивает, как сугробы в мае. Пеллер понимает: дальше ждать погоды — потерять все. И он распоряжается снять с сеялок диски и высевать зерно прямо на поверхность почвы. Свой колхозный сексот (*секретный сотрудник — прим. ред.*) «стукнул» в обком. И незамедлительно прискакал в колхоз первый секретарь обкома Бахмутский. «Это правда, Пеллер, что ты угробил семенной фонд?» — с порога набросился на председателя Бахмутский. «Не угробил, а посеял», — старается держаться уверенно Пеллер, но у него плохо получается.

Бахмутский требует выехать на поле. Приехали. Не надо было далеко отходить от проселка — картина была ясна и с близкого расстояния.

— Пеллер, — глухо проронил Бахмутский, и от лица его отлила кровь, — от этого поля идет запах тюрьмы. Это могут расценить как вредительство.

— Тюрьма от меня не убежит. Но если подождать хотя бы две недели, может быть, меня не надо будет судить как вредителя?

— Ты даешь гарантию, что через две недели будет другая картина?

— Гарантию может дать только Он, — и Пеллер выразительно глянул на небо.

— Ой, как не хочется, чтобы ты вляпался, Володя, — Бахмутский впервые назвал Пеллера по имени. Постоял еще какое-то время на краю дороги, оглядывая поле, разграфленное строчками свежевысеянных на поверхность земли семян, и обреченно выдохнул: «Если через две, максимум три недели не будет оттуда амнистии, — Бахмутский, как и Пеллер, тоже поднял голову к небу, — нам с тобой обоим будет... страшно подумать, что нам будет...».

Пеллер рассчитывал: зерно полежит под потеплевшим небом, прогреется, прорастет, и когда подсохнет земля, можно будет пустить бороны. И тут, как назло, полили дожди. Извлекся Владимир Израилевич. За себя, а главное — за Бахмутского. Но вышла-таки от Бога амнистия: три дня кряду стояла погода, поле подсохло, и боронами успели заделать семена в землю.

Бахмутский больше не приезжал в колхоз. Из других источников — не от Пеллера — узнал он, что поле пшеничное сплошь покрылось зелеными всходами.

Везению Бахмутского суждено было кончиться через год с небольшим. В газете «Правда» было опубликовано постановление Политбюро ЦК от 25 июня 1949 года «Об ошибках секретаря обкома ЕАО Бахмутского и председателя облисполкома Левитина». Обоим инкриминировали проявление буржуазного национализма. По сфабрикованному делу они были брошены в тюрьму и еще два года ждали своей казни.

Пеллер не стал посвящать главного агронома Тарасова в обстоятельства рискованного эксперимента двадцатилетней давности.

— Может, все же рискнем? — предложил Тарасов.

— Нет, не стоит, Миша. Раз на раз не приходится. — И, помолчав недолго, резюмировал: — На сводку меня работать не заставит даже прокурор.

70 лет ЕАО

СЫНОВЬЯ ИДУТ ДАЛЬШЕ

Недавно, перебирая в своем «запаснике» старые книги, я наткнулся на тонкую брошюрку с очерками о людях приамурского села — документально-публицистический рассказ под заглавием «Отцовское поле», написанный хорошо известным у нас в свое время журналистом Наумом Айзманом. Под обложкой книги значится год ее издания — юбилейный год Еврейской автономии, а чуть выше, наискось, размашистые рукописные строчки: «Валерию Фоменко — от автора. С надеждой получить от него вскоре нечто более внушительное. Н. Айзман. Хабаровск — Амурзет. Сентябрь 1984 г.» К сожалению, у нас с Наумом Иосифовичем были разные взгляды и на то самое «отцовское поле», и на будущность приамурской деревни вообще. В 80-х же годах в печать могли «пройти» исключительно оптимистические опусы. И посмей написать тогда автор сих строк о том, что через полтора десятка лет колхозы и совхозы станут историей, а понятие «коммунист» по известным причинам напрочь утратит смысл, который ему придавался у нас в первые десятилетия Советской власти, «писателю» такому точно отбили бы охоту писать вообще о чем-либо...

Существует, однако, известная разница между умением отображать жизнь на газетной полосе, в радио— или телеэфире и идейно-политическими убеждениями пишущего, говорящего или

снимающего. А коль скоро талант отрицать нельзя, то по той же логике следует уважать и чужие убеждения. Наум Иосифович Айзман был не только высококлассным специалистом в своей области, но еще и неординарной творческой личностью. Тот, кто помнит собственного корреспондента Хабаровского крайрадио по ЕАО, а позднее — комментатора краевого телевидения Айзмана, подтвердит это. И умер хабаровский журналист Наум Иосифович Айзман, как говорят, на боевом посту — будучи в командировке в нашей области, которой он отдал не один десяток лет напряженной трудовой жизни и которую он исходил и изъездил вдоль и поперек не один раз.

Предлагаем вашему вниманию главу из очерка Наума АЙЗМАНА «Отцовское поле». То, о чем она рассказывает, — тоже наша история.

Словно жемчужины в гигантское ожерелье, вкраплены в побережье Амура людные, залитые электрическими огнями поселки и села. С трудом веришь, что всего этого не было, что дивные места эти были когда-то дики, пустынные.

Первые русские поселенцы пришли на Амур в 40-х годах XVII столетия. К концу века здесь проживало уже около 800 русских пашенных крестьян и казаков. В XIX веке началось быстрое заселение этих земель. Тогда и появились в среднем течении великой дальневосточной реки села Пашково, Радде, Биджан, Воскресеновка, Михайло-Семеновское, Екатерино-Никольское, Пузино, Дежнево, Квашнино.

«Все они имеют сходную физиономию, — писал о приамурских селениях в 70-е годы прошлого века (*т. е. XIX века — прим. ред.*) ученый Шперк. — Над обросшим, нередко крутым берегом Амура... вытянуты в линию небольшие бревенчатые дома в два и три окна одинаковой наружности... Навесы для скота имеют здесь редкие хозяева, а поэтому и станция не представляет вида зажиточности обитателей. Дома внутри содержатся чисто, но какая-то пустота живет в этих домах и наводит на вас тяжелые чувства». В темноте и невежестве пребывало местное население. Недоступны были людям книги, не получали они медицинской помощи. Где-то вдали, у склонов сопки, вилась неспешная «колесуха», связывавшая Хабаровск и Благовещенск. Увязая летом в грязи, зимой — в сугробах, пробирался, звеня колокольцем, возок с государствен-

ными бумагами и почтой. Письма месяцами добирались к адресату.

Все изменилось после Великого Октября, когда на Амуре утвердилась народная власть, власть Советов.

В августе 1923 года в Хабаровск поездом по Транссибирской магистрали приехал «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. Он выступил перед горожанами с большой речью, а потом на пароходе отправился по Амуру в далекое село Михайло-Семеновское. Пока пароход, хлопая плечами, медленно преодолевал течение, весть о высоком госте неслась от села к селу. Пришла она и в Дежнево. Вполне допустимо, что среди крестьян, толпившихся на пристани, находился и кто-нибудь из Любиных, Перминых или Каляновых. И они тоже слушали невысокого человека в светлой косоворотке, перетянутой у пояса сыромятным ремешком. За стеклами очков светились умные, с легким прищуром глаза. Разговаривая, приезжий касался своей аккуратной бородки клинышком.

— Да вот сюда ехать никто не хочет из России, — раздается голос в толпе.

— Пока не едут, потому что дорого стоит, — отвечает Калинин. — Погодите, наступит время — будут переселяться сюда...

Гость из Москвы, судя по всему, хорошо знает жизнь простых людей. Речь его обстоятельна, спокойна. Прощаясь, он пожимает руки стоящим рядом крестьянам:

— Разрешите пожелать вам, товарищи, всего хорошего. По мере возможности дело у нас налаживается постепенно. Республика наша переходит в мирное состояние...

1923 год... Только-только остыли стволы орудий, и еще не затвердела земля на братских могилах партизан и народоармейцев. Еще стоят разоренные села. Но Гражданская война уже позади, и «республика наша переходит в мирное состояние»

Пустырь, где некогда держал речь М.И. Калинин, сегодня одет в зелень нарядных тополей и лип. Вместо покосившихся хибарок высятся сложенные из белого кирпича пятиэтажные дома. Огромными глазницами окон смотрят на улицу красавица-школа, Дворец культуры, универмаг, гастроном, Дом связи.

Н.И. Айзман

*На снимках из книги
«Отцовское поле»:
Н.В. Любин с сыном
Николаем.
Хороши хлеба!..
Общественный центр
села Дежнево.*

Словно ручей в полноводную реку, улица вливается в просторную площадь. В центре ее — памятник Ленину. Высеченный из камня, Ильич твердо стоит на постаменте. Правая рука решительно протянута вперед.

Ленинское... Центр крупнейшего в нашем крае сельскохозяйственного района. Бывшая станица Михайло-Семеновская.

От глухого пустыря к этим многоэтажным жилым кварталам пролегла дорога в шесть десятилетий. И были на пути к сегодняшнему дню войны, лишения, радость созидания. Не сразу, не вдруг утвердилась новая жизнь.

В областном государственном архиве хранится любопытный документ полувековой давности: отчет уполномоченного райкома партии Пашнина о состоянии экономики села Новое, расположенного в двенадцати километрах от Дежнево. Пожелтели от времени листы. Стерлись карандашные строчки. Но слова разобрать можно:

«Село не имеет достаточного количества хорошей земли, годной для посева. Есть целина. Но условия трудны. Нет машин. Прошлой осенью беспрерывно лили дожди, население всю уборку проводило вручную. В силу этого целину не распахивали. А зяби поднято только четыре гектара. И это ставит под угрозу расширение посева в 1931 году... Животноводство в последний год уничтожалось кулацкой частью села. Деревня делится на два лагеря. С одной стороны — колхозники и комсомольская ячейка. С другой — кулацкая часть села с реакционными настроениями отдельных крестьян из середняков. Классовая борьба выражается в потравах колхозного поля, избииении комсомольца-колхозника, порче уборочных машин, разрезании вязок на снопах и агитации против колхоза...»

Так было в селе Новом. Так было и в других селах. Нелегко давались переустройство жизненного уклада и социальные перемены крестьянам Биджана, Кукелево, Дежнево, Квашино. Нынешним поколениям трудно представить себе прошлое. Разве что случай воскресит вдруг события давно минувших дней.

Однажды в Ленинское пришло письмо с пометкой «Международное». На белом конверте — необычный адрес: «Си-

бирь. Амурская область. Станица Михайло-Семеновская. Станичное правление».

Конверт распечатали. Вертопрахов... «Кто слышал эту фамилию?» Пожимают плечами люди: «Нет, не знавали такого».

И тогда обратились к белому, словно лунь, деду, помнившему чуть ли не екатерининские времена. «Вертопрахов? Александр? Известная мне личность. А как же! — оживился дед. — А где же он теперь обретается? В Австралии? Ишь, куда занес его нечистый дух!»

И рассказал дед, что жил в этих краях купец Вертопрахов. Владел магазинами, мельницами, пароходами, наживался на бедном люде. А как свершилась Октябрьская революция, поспешно скрылся. Купец-то, видно, уж помер. А это — сын его.

Писал Александр Вертопрахов следующее: «Пришлите мне, пожалуйста, в письме малую щепотку песка с родного Амура, из родной станицы. Это будет для меня самое дорогое сокровище».

Выполнили люди просьбу купеческого сынка. Потому что хоть и чужой он, хоть и враждовал с Советской властью и уезжал отсюда, мысленно прокляв отчий край, а все ж и он подвластен зову родины. Потому как с холодным разумом не пишут таких писем.

Святое и вечное это чувство — любовь к родной земле.

Безвременно ушедший из жизни поэт Николай Капусто, посвятивший свой талант району, носящему имя Ленина, написал такие строки:

*Вот опять передо мною
Луговая сторона.
Речка — синюю каймою
И зеленых трав волна*

*Тихим ветром взметена.
И несет волна куда-то
На хребте своем покатом
Пену яркую, цветочную,*

*Красоту дальневосточную.
А наступит вечер тихий,
И запахнет степь гречихой,
Молодым пшеничным хлебом,*

*Ранним сеном, звездным небом.
Будет петь о чем-то близком
До утра в степи гармонь.
Будет сыпать в небо искры*

*На степном лугу огонь.
Вспыхнет, грянет, будто порох,
У костра ночного смех...
Вот за то мне люб и дорог*

Этот край. Один из всех.

* * *

«Погодите, наступит время, будут переселяться сюда...»

Пророческими оказались слова Михаила Ивановича Калининина — соратника Ильича.

Тысячи патриотов по призыву партии, по зову сердца приехали на Дальний Восток. Их руками был построен Город юности. В междуречье Биры и Биджана, там, где лежали топи и шумели вековые кедры, появились поселки и села, а Биробиджан стал центром Еврейской автономной области.

Многочисленные эшелоны с новоселами пересекали просторы России в 30-е годы. Война временно приостановила этот поток. Но уже в первые послевоенные годы многие люди изъявили желание участвовать в преобразовании дальневосточного края. Они ехали с Украины, из Белоруссии, из Молдавии, из центральных областей страны. И сейчас каждый год в марте и апреле к железнодорожным станциям Ленинск, Вяземский, Верино, Унгун прибывают поезда с новоселами. Их встречают хлебом-солью, к их приезду строят дома, их ждет работа по специальности.

Глубокий смысл заложен в том, что люди к нам приезжают именно в весеннюю пору. Видеть, как просыпается после долгого безмолвия земля, своими руками вспахать ее, посеять хлеб и в первый же год собрать урожай, выращенный тобой, — как это важно для хлебороба! И уж ни за что не расстанется человек с этой землей, как невозможно матери бросить рожденного ею в муках ребенка.

...Там, где темнели в царстве трав полосы первых пахарей, нежатся ныне под солнцем тысячегектарные массивы. Построены села, поселки. И уже не одно поколение хлеборо-

бов родилось и схоронено на этой земле. Люди уходят, заветывая сыновьям беречь все, что они успели сделать, приумножить богатства родного края. И сыновья уверенно занимают место отцов в строю. Они бережно относятся к отцовскому полю. Любины и Пермины в Дежнево. Колобовы и Журавлевы в Биджане. Субботины и Кареповы в Екатерино-Никольском...

Таких династий, генеалогическое древо которых уходит корнями в полуторавековую историю, немало в Приамурье. Они прошли войны, одолели невзгоды, сохранив нравственную чистоту и щедрость души.

* * *

Хабаровский край индустриальный по своей структуре. Из каждых пяти человек здесь только один занят сельскохозяйственным трудом. На душу населения у нас приходится всего 0,16 гектара пашни. И обеспечить города молоком, картофелем, овощами за счет производства их на месте можно, только поставив сельское хозяйство на индустриальные рельсы. На это ассигнуются огромные средства. В десятой пятилетке, например, на развитие сельскохозяйственного производства израсходовано 650 миллионов рублей. Осуществление Продовольственной программы стало в нашем крае делом всех и каждого. Развернулась борьба за рациональное использование земли, внедрение передовой технологии, прогрессивных методов организации и оплаты труда. Коммунисты, все труженики агропромышленного комплекса понимают, что, следуя только этим путем, можно значительно повысить продуктивность полей и ферм. Активно участвует в осуществлении Продовольственной программы и коллектив Дежневского совхоза. Год от года будет увеличиваться производство молока, картофеля, зерна, кормовых культур. Еще щедрее станет ухоженное заботливыми руками сыновей отцовское поле.

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

*Тільки тим історія належить,
Хто сьогодні бореться й живе.*

Василь Симоненко

Если рожден ты в еврейской семье и к тому же в пору отлета журавлей, то покоя в жизни для себя не жди, и уж чего-чего, а дальних дорог тебе будет отмерено — на десяток иных жизней хватит. История с географией в двадцатом веке с Народом Книги, по своему обыкновению, тоже обошлись круто. И сейчас, на стыке двух веков, вовсе не странным кажется такая анкета: «Место рождения — Тирасполь, место регистрации брака — Биробиджан, место проживания — Беэр-Шева»? Впрочем, существуют и более впечатляющие варианты. А если включить в эту траекторию еще и огненные пути-дороги войны, то «пробег» прямо-таки на космический масштаб тянет.

Трудно сказать, о чем думал Ефим Иосифович Кудиш, когда с трибуны недавней научной конференции о биробиджанском диалоге культур звучали стихотворные признания в пламенной любви к Биробиджану. Нет, стихи звучали неплохие и прочитаны были с чувством. Только один их автор давным-давно отбыл на постоянное место жительства в Соединенные Штаты, другой тоже проживает теперь на какой-то нью-йоркской стрит, перебравшись туда уже из Тель-Авива. Где ж та земля, на которой вы действительно искренни и вправду счастливы, господа?.. Была пропета на открытии упомянутой конференции и песня о Биробиджане, сочиненная

бывшим фабричным агитбригадовцем на мотив известной израильской песни о Иерусалиме. «Мы земляков своих повсюду встретим», — есть там такие слова. «Повсюду» — это где? И как они туда, простите, попали? Нет, друзья! Уж коль любить море, так не с берега. О чем, между прочим, недвусмысленно пелось когда-то в более известной нашей песне «Летят перелетные птицы» — песне того поколения, к которому относит себя Ефим Кудиш, солдат Отечественной.

Ефим Иосифович в области у нас известен как журналист и краевед, как ветеран войны и труда, как активист-общественник и как знаток идишской литературы советского времени. Все это — без какой-либо привязки к месту работы или должности. Впрочем, какие должности? Первого октября сего года Кудишу исполнится 80. Это вам как?

Помню, бывший земляк наш, поэт Виктор Соломатов о работе Кудиша отозвался так:

— Не напиши он своих брошюр по истории области, никто б у нас, по-моему, и не вздрогнул бы. Хотя, вообще-то, это в любом творчестве правило: появилась новая книга или картина — прекрасно, одобрям-с, нет новой книги или картины — почтеннейшей публике и старых как будто хватает. Так что Ефим — человек из нашего цеха, из писательского. Хотя лично у меня собрать столько материала, сколько нашел, собрал и систематизировал Кудиш, терпения никогда не хватит. И, если откровенно, скажу так: написать-то я смог бы, пожалуй, лучше, чем он, а вот фактуру «откопать» такую, как у Ефима, — это не каждому академику по плечу.

Что на это скажешь? Энтузиастам, как известно, «нет преград ни в море, ни на суше», и покой им только снится. А возраст... Как-то, помню, один сельский пенсионер пошутил: «Если ты хороший дед, то живи как лисапед: пока на педали жмешь, точно не упадешь». Ефим Иосифович такую точку зрения разделяет сполна. «Когда я работаю, я ни о каком «давлении» даже и не вспоминаю», — обронил он как-то в разговоре.

В кратком докладе на недавней научно-практической конференции по случаю 70-летия ЕАО Е. И. Кудиш рассказывал о литературе, посвященной Еврейской автономной области. А начал он с сообщения о том, что недавно ему удалось отыскать первый номер «Форпоста» — литературно-художествен-

Хранитель памяти – Ефим Кудиш.

ного журнала, выпускавшегося биробиджанскими писателями в годы, когда здесь еще жил и здравствовал идиш. Раритет нашелся — но только представьте себе — в Якутии. Какой-то случай спас эту тетрадку от костра, в котором в пору борьбы с космополитами погибли тысячи еврейских книг. После 37-го года и военных лет «борьба» та стала девятым валом, нанесшим уже невосполнимый ущерб еврейской культуре, немыслимой, конечно же, без своего, национального, языка. Нет, после ухода с политической сцены «вождя всех времен и народов» в области делались попытки что-то поправить и подправить и что-то возродить, но это был уже последний акт драмы под названием «Еврейская государственность советского образца».

На конференции, о которой здесь упомянуто, довольно много было сказано о развитии еврейской национальной культуры в Еврейской области. Но все это, понятно, в историческом контексте 30-х и 40-х годов. А контекст этот был, между прочим, такой: «стирание всех и всяческих граней», борьба с религиозными «предрассудками» и «пережитками» (особен-

но в среде еврейской) и даже запрет на иврит. Свою лепту вносила в решение этой «важной политической задачи», разумеется, и тогдашняя идеологизированная идишеязычная литература. Какой-то иной, сугубо национальной и в чем-нибудь отличавшейся от «соцреалистической» литературы в области быть не могло: малейшие признаки «национализма» нещадно карались суровыми законами полуказарменного сталинского социализма. Так что литература и искусство тех лет служили исключительно пропаганде коммунистических идеалов. Одно было хорошо: произведения, в частности, еврейских писателей той поры получали право быть напечатанными и имели возможность быть прочитанными. Как с этим в нынешней ЕАО? Вопрос из области риторики

— Ефим Иосифович, как вы относитесь к религии? — задаю вопрос.

— Нормально отношусь. Нравственный стержень в обществе должен быть обязательно. В старое время таким стержнем была как раз религия, вера. В годы советские — «списанные» с известных заповедей законы юных пионеров, моральные кодексы комсомольцев и коммунистов. Сейчас восстанавливаются православные церкви, мечети и синагоги. Это хорошо. Но, как говорится, всяк крестится, да не всяк молится. Важней всего в религии, по-моему, все-таки нравственный заряд. Только ради одного этого и надо строить храмы.

Собеседник мой в свое время закончил учебное заведение, где основным предметом был научный коммунизм, не один год проработал в партийной газете «Биробиджанер штерн», и в те годы, когда Союз ССР был нерушимым не только в строчке гимна, освобождал от фашистов Сталинград, Харьков, Прагу... Но к стародамам себя не относит. К отъезду биробиджанцев за рубеж относится, например, вполне спокойно: у «перелетных птиц», по его мнению, есть достаточные основания таковыми быть. Не грянь пресловутая перестройка, никто область не покинул бы. Что ж, может быть, и так — спорить не станем. Правда, у автора этих заметок своя точка зрения на сей счет. От теперешних коммунистов и их сторонников нередко приходится слышать: когда-то, мол, под руководством компартии в стране социализм был построен, фашизм наголову разбит, первый шаг в космос сделан. Одно существенное обстоятельство забывают при этом те

самые идейные стародумы: ДнепрогЭС и Магнитку строили, Берлин брали и целину поднимали представители не ныне действующего поколения. Вы можете себе представить наших современников, которые бы отважились с топором и лопатой начинать на болотах село или город? Тоже вопрос риторический. Героями и победителями того, уже давнего времени, были люди иного духовного склада, иной морали, иной крепости душевной. Помните шутку об отличии комиссара от замполита? Комиссар говорил: «Делай, как я!», а зам. по политчасти — «Делай, как я сказал!» И если уж на то пошло, развал Советского Союза как раз и начался с деформации и деградации общественной нравственности и окончательного разложения советской государственной системы. Дай боже, чтоб тот урок впрок нам пошел...

Под обложкой очередной (уже 16-ой по счету) брошюры Е. И. Кудиша собраны краткие справочные данные о почетных гражданах ЕАО. В большинстве своем это и есть те люди, которых, кажется, еще в недавнее время именовали маяками, ударниками, правофланговыми, лучшими из лучших и т. п. Конечно, в разное время и по разным поводам многие из нас слышали имена и фамилии почетных граждан ЕАО. Но более или менее четкой информацией о том, кто есть кто, располагали, в общем-то, немногие. Восполнить этот пробел как раз и взялся Е. И. Кудиш. Ранее точно так же он собрал и систематизировал материал о театральной жизни областного центра советской поры, поведал своим читателям о журналистах газеты «Биробиджанер штерн» разных лет, хоть кратко, но довольно точно представил нам портреты земляков наших — Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. «Они писали на идише», «Солдаты в белых халатах» — это тоже рассказы журналиста Ефима Кудиша о наших знатных земляках.

Ему не довелось получить специального образования историка, архивиста или филолога — образования, которое дает не только определенный запас знаний, но и «укладывает» знания в рамки известных систем. К сожалению, иногда это ощущаешь, ближе знакомясь с содержанием книжек Е. И. Кудиша. При желании некоторую непроработанность их текстов можно списать на элементарный дефицит материальных средств или, может быть, на отсутствие в области како-

го-либо плана изданий на тему «История ЕАО». Кстати, вот так же, спонтанно были выпущены в свое время известные исторические экспромты Давида Вайсермана. По причине то ли спешки, то ли из-за нехватки тех же финансов не очень удачным по исполнению получился и сборник «Литературное наследие Еврейской автономной области», тоже составленный Ефимом Иосифовичем. В общем, принцип «Всяк сам по себе», как всегда, и плоды приносит соответственные. К месту и по тому же поводу можно упомянуть здесь, конечно, и еще о целом ряде явно неудачных издательских опытов местного «разлива».

...Еще в годы своего отрочества Ефим Кудиш «случайно-нечайно» наткнулся на чердаке старого дома на пожелтевшие от времени бумаги. При ближайшем рассмотрении они оказались рукописями Тараса Шевченко — стихотворениями, дотоле исследователям творчества поэта неизвестными. Тот давний случай в какой-то мере и сыграл свою роль в формировании интересов юного первооткрывателя. Не без удивления узнаешь сегодня от краеведа Кудиша, что городская наша музыкальная школа одно время носила имя А. С. Пушкина, а биробиджанская улица Казакевича была названа вовсе не в честь автора «Звезды» Эммануила Казакевича, а в честь его отца Генаха Казакевича. А повесть «Звезда» получила свое название только при переводе ее на русский язык. По-еврейски это произведение называлось «Зеленые тени» («Гринэ шотнс»).

В личном архиве Ефима Иосифовича — громадное количество документов и редких книг. В том числе — на идише, языке, который, в силу известных причин, недоступен ныне абсолютному большинству жителей Еврейской автономии (так что биробиджанский диалог культур приходится вести в любом случае исключительно на языке русском). А слушать хозяина «нештатного» областного архива можно часами. Ведь Кудиш был хорошо знаком со многими литераторами, писавшими о дальневосточной автономии.

— Ефим Иосифович, хотя вы, так сказать, и нейтрально относитесь к отъезду евреев за границу, но сами-то вы, я слышал, не намерены уезжать из Биробиджана.

— Не намерен. Слишком многое связывает меня с этой землей. Нет, не только с биробиджанской. Мне довелось вое-

вать на берегах Волги и Дона, форсировать Днепр и освободить вовсе не чужую мне Украину.

Поистине неисповедимы пути истории. Ведь сама Еврейская автономная область появилась на карте, так сказать, «благодаря» бывшим советским союзным республикам — Украинской и Белорусской. А вот теперь они для нас — за граница. Ну и попытайтесь-ка представить себе хотя бы малую часть исторических событий, которые пришлось на отрезок времени от 1924-го года до 2004-го и которые радикальнейшим образом кроили и перекраивали государственные границы, судьбы целых народов и биографии миллионов людей. А жизнь не стоит на месте, вписывая в хронологию «текущей» истории новые даты, имена новых действующих лиц. Всегда ли остаются они в памяти нашей, те имена и даты? К сожалению, не всегда. Нам надо быть благодарными тем, кто наблюдает за ходом времени и тяжелой поступью лет. И может быть, хорошо, что живут рядом с нами люди, рожденные в пору, когда улетают на юг журавли. Есть на Украине примета: если ты явился на белый свет под прощальные клики этих перелетных птиц, не знать и не ждать тебе в жизни покоя. Только, может, это и есть настоящая жизнь?

Ковчег амурский

Михаил Клименков

Ада Котова

Ирина Манойленко

Людмила Небурова

**Михаил
Петрович
КЛИМЕНКОВ**

В Уральском государственном университете, где я учился на филфаке, нашими соседями по аудиториям были студенты журфака. Естественно, со многими был знаком и частенько подтрунивал над ними:

«Ну и профессию вы себе выбрали! Будете писать заметки о тракторах, которые вышли на поля, о намолотах и подъеме зяби. Скучотища!»

По иронии судьбы, вернувшись после университета в родной Биробиджан и намереваясь заниматься преподаванием литературы, я неожиданно для себя оказался в редакции газеты «Биробиджанская звезда» и именно в сельхозотделе. А первая моя заметка была о комбайнах, которые вышли на поля.

Сегодня я считаю, что мне повезло. Потому что моими наставниками на долгие годы стали заместитель редактора Федор Андреевич Фетисов и мой отец, практически всю жизнь проработавший в совхозе. Они и привили мне интерес к сельскому хозяйству. С тех пор село предлагало мне самые интересные темы, хотя писать приходилось о разном. Но в деревню я возвращался и когда уже заместителем редактора газеты курировал общественно-политические проблемы, и когда был главным редактором студии телевидения ГТРК «Бир». И сейчас, работая в газете «Ди Вох», с удовольствием еду в командировки. Тем более, в последние годы процессы в деревне происходят действительно интересные, можно сказать, исторические.

Национальный проект

КРЕДИТ НА ИДЕЮ

Кооператив «Казачий» желает помочь грамотным хозяевам

МИГРАНТКИ ИЗ АВСТРАЛИИ

— Сейчас их фотографировать нельзя. Видите, они и так нервничают. Подойдете близко — опять ринутся в вагон.

Они — это полуторагодовалые телки-герефорды. Родились в Австралии, паслись на тамошних раздольных лугах, никаких загонов не видели. Людей, кроме пастухов, тоже. Нрав дикий, свободный. А потом им выпало испытание. Сотню голов выловили, погрузили сначала на машины, привезли в порт и отправили в далекую Россию на ПМЖ. За время путешествия одна выпрыгнула за борт. Доплыла ли до родных берегов, неизвестно. Три наиболее резвых сломали себе ноги. Но 96 герефордов благополучно добрались до своего нового места жительства.

Их хозяин Олег Лукьяненко — начинающий фермер. С сельским хозяйством до недавних пор связан не был. В Биробиджане у него строительная фирма. Бизнес, по-видимому, достаточно успешный, раз появились свободные деньги на такое дело. Года два назад он, наверное, ни за что бы не стал вкладывать средства в сельское хозяйство. Но возможности кредитования, предоставленные национальным проектом

«Развитие АПК», привлекают. Из 14 процентов, под которые «Россельхозбанк» дает деньги, 12 потом возмещаются из федерального и областного бюджетов. Таких выгодных условий больше нет. Олег Геннадьевич взял сразу 550 тысяч на приобретение скота и миллион 750 тысяч — на восстановление одного из коровников бывшего совхоза «Смидовичский». Герефорды — крупный рогатый скот мясной породы — вообще-то животные неприхотливые. Но в условиях дальневосточной зимы все же нуждаются в укрытии.

Сказать, что Лукьяненко рискнул — мало. Продукцию с фермы — говядину — он начнет продавать не раньше, чем через два с половиной — три года: пока австралийские телки дадут приплод да пока тот подрастет.

— Мне в ближайшее время понадобится еще миллиона три-четыре. Где их взять — пока не знаю.

Эти слова Олега обращены к Сергею Худякову, который специально приехал к новому фермеру с конкретными предложениями.

КАЗАЧИЙ БИЗНЕС

Сергей Михайлович — потомственный казак. Отец — из терских, мать — из донских. Сын пошел по научной стезе. Имеет дипломы по специальностям «статистика народного хозяйства», «хозяйственный руководитель», «экономист». Закончил аспирантуру в Хабаровском институте экономических исследований. Сфера научных интересов — кооперация. Этой темой он заинтересовался еще в 1984 году, когда кооперация в СССР была под глухим колпаком у государства. Сотруднику кафедры экономики и управления промышленностью Хабаровского политехнического института Худякову

Сергей Худяков и Ольга Кулик делятся своими планами с заместителем начальника облсельхозуправления Валентином Жужговым (в центре).

попали на глаза материалы международной конференции по кредитной кооперации в США. С тех пор он стал ярким приверженцем этой формы предпринимательства, сам писал научные труды, несколько его студентов защитили дипломы по этой теме. В 2002 году вышел закон о кредитной кооперации, и возникла мысль испытать свои идеи на практике. Но понадобилось еще четыре года, чтобы идеи обрели реальные очертания. Национальный проект «Развитие АПК» оживил предпринимательство на селе, деньги на развитие требуются многим. И вот тут Сергей Худяков понял, что настало время организовать кредитный кооператив. Так в Смидовичском районе появился «Казачий».

Название не случайно. Дело в том, что с 1989 года Сергей Михайлович стал совмещать свою научную работу с активным участием в движении по возрождению казачества. Причем одно другому оказалось не помехой. Кого-то в этом движении привлекают шашки да папахи, но Худяков-то знает, что казачий уклад просуществовал в России несколько веков и его предки успешно сочетали охрану государственных границ с разумным хозяйствованием. Что касается первой функции, то реальные дела у реестрового подразделения Нижнеамурского отдела Амурского казачьего войска, в кото-

ром Сергей Михайлович дослужился до атамана, уже есть. Хлопцы занимаются охраной дачных массивов на правом берегу Амура, участвуют в тушении пожаров. Но вот проявить себя в хозяйственной деятельности безземельным казакам пока не пришлось.

Зарегистрированный 18 апреля 2006 года кредитный кооператив учредили 15 человек, преимущественно казаков. Сегодня в его составе больше 20 членов, в том числе два — ассоциированных. Это Инский казачий округ и научно-исследовательский и образовательный центр «Приамурский». Появление последнего в составе членов кооператива не случайно.

СОЮЗ ГРАМОТНЫХ ХОЗЯЕВ

Ольга Кулик — председатель кредитного кооператива «Казачий» — к вольному племени никакого отношения не имеет. Работала в торговле, потом прошла обучение в образовательном центре. Сегодня она грамотно рассуждает о возможностях своего финансового сообщества:

— Обычно в кредитно-потребительских кооперативах взносы минимальны — 50-100 рублей. Чтобы привлечь больше пайщиков. Мы же сразу установили довольно высокую планку — 5000. У нас задача несколько иная: хотим привлечь к осуществлению сложных проектов людей, стремящихся к грамотному хозяйствованию.

Ольга поясняет, что имеется в виду под грамотным хозяйствованием. Допустим, у вас появилось желание вернуться из города на землю. При этом не обязательно сразу же строить ферму или закупать трактора и комбайны. В сельской местности нужны и транспортный бизнес, и торговля, и заготовительная деятельность, и культура. Да можно просто дом построить и жить личным подсобным хозяйством. Кооператив «Казачий» в союзе с образовательным центром намерен не только кредитовать такие начинания, но и обучить премудростям сельскохозяйственной экономики, помочь разработать индивидуальный бизнес-план.

Начать свою деятельность кооператоры намерены в Смидовичском районе. Как утверждает Сергей Худяков, который в кооперативе возглавляет наблюдательный совет, желающие переселиться из Хабаровска на правый берег Амура есть. Чуть

позднее откроются представительства в других районах Еврейской автономии. Если деятельность кредитного кооператива будет успешной, то в перспективе может возникнуть ассоциация кооперативов различной направленности: жилищно-строительного, потребительского, страхового. Союз грамотных хозяев как инструмент привлечения финансов в сельское хозяйство.

С планами «Казачьего» знакомы и в администрации Смдовичского района, на поддержку которого надеются кооператоры.

— Конечно, идеи интересные, но слишком необычные, — комментирует начальник управления сельского хозяйства Михаил Святовец. — Но пока окончательного мнения о целесообразности сотрудничества с этим кооперативом у нас нет. Конечно, потребность в кредитах огромная. Только по национальному проекту в этом году в районе выдано 10 миллионов рублей на приобретение скота, реконструкцию животноводческих помещений и еще миллион на текущие дела, но денег нужно значительно больше. Мы обеспечивали кредиты залогом муниципального имущества, чтобы помочь фермерам. Все отдали, свободного имущества нет. Так что если кооператив поможет нам в этом деле, мы будем это только приветствовать. Нужно изучить их предложения.

Олег Лукьяненко, управившись с перевозкой своих герефордов, тоже нашел время выслушать Сергея Худякова. В заключение беседы попросил дать контактный телефон. Говорит, надо подумать.

ЗАЩИТА СЕМЕНА ТЫМЧЕВСКОГО

Только в апреле, на пасхальных каникулах, наступил для Лужина тот неизбежный день, когда весь мир вдруг потух, как будто по-вернули выключатель, и только одно, посреди мрака, было ярко освещено, новорожденное чудо, блестящий островок, на котором обречена была сосредоточиться вся его жизнь.

Владимир Набоков. «Защита Лужина»

Чудо-дитя

О биробиджанском чудо-ребенке сегодня наслышаны многие. Областные СМИ и даже один центральный телеканал с восторгом сообщили, что четырехлетний Семен Тымчевский на городском коллекционном шахматном турнире выиграл восемь партий из десяти и тем самым сдал норматив на четвертый разряд в этом виде спорта. Разделяя вместе со всеми радость и патриотическую надежду, что и из наших пенатов может выйти гениальный гроссмейстер, я все же задался несколькими вопросами. И для ответов на них отправился в семью Тымчевских.

Семья

Кто меня поразил сразу, так это родители. Павел Михайлович — кадровый военный, подполковник. Вопреки сложившемуся мнению об этой касте, интеллектуален, начитан. Как признается сам, по характеру он интроверт (человек, обращенный прежде всего к своему внутреннему миру), тем не менее общение с ним не доставляет никаких трудностей. Ольга Николаевна в этом смысле — полная противоположность мужу. Она — типичный экстраверт. Общение для нее как воздух. Говорит, что полярность их с мужем темпераментов только скрепляет семью. К тому же супруги — коллеги: Ольга Николаевна — младший сержант Биробиджанского погранотряда.

Что касается нашего героя — Семочки, то он, на первый взгляд, не производит впечатления исключительного ребенка. Мил, как все дети. Немного кокетлив перед чужими. Правда, словарный запас и грамотность речи выше, чем у сверстников. Но он еще даже «р» выговаривать не научился.

Семочка — ребенок поздний. Ольга Николаевна родила его в 40 лет. Но опыт успешного воспитания в семье богатый.

Дочь Юля в школе была победительницей областных и городских олимпиад по нескольким предметам. Ее отличительные качества — усидчивость, упорство и настойчивость — не превратили ее в «ботаника». Успешно занималась легкой атлетикой. Получив аттестат и медаль, легко поступила в одно из самых престижных дальневосточных учебных заведений — Академию таможи во Владивостоке — и закончила ее с красным дипломом.

Сыну Егору, по признанию родителей, они «уделяли меньше внимания, чем требовалось». Несмотря на это, он имеет диплом ДальГАО и работает на хорошем месте в «Хабэнэро».

Решившись на позднего ребенка, Ольга Николаевна не спешила выходить на работу. Положенные по закону три года полностью посвятила малышу. Книжки начала ему читать, когда Семочка еще лежал в кроватке и сосал пустышку. В два года к игрушкам прибавился компьютер. Сегодня есть немало развивающих игр для малышей. В три года сын уже знал все буквы и умел складывать их в слоги и слова.

— Никакого принуждения, — формулирует мама свой главный педагогический принцип. — Я убеждена, что все дети талантливы. Нужно только вовремя замечать способности и развивать их. Мы занимаемся с Семой только тем, от чего он получает удовольствие.

Когда мама вышла на работу, ребенка отдали в детсад. Но поскольку Ольга Николаевна работает «сутки через двое», свободные для нее дни Семочка проводит в семье. Играми не ограничиваются. Мама много гуляет с сыном, уже год водит его на плавание — мальчик легко пересекает бассейн в ширину.

— Тебе где интереснее — в садике или дома? — спрашиваю малыша.

— До-о-ома, — расплывается он в улыбке.

Интерес к шахматам обнаружился полтора года назад случайно. Павел Михайлович оказался на больничном, врачи рекомендовали ему постельный режим.

— Паша, попробуй поучить Сему шахматам, — предложила Ольга Николаевна.

Папа показал сыну, как расставлять фигуры, как они передвигаются. Сам удивился, что ребенок увлекся игрой, другие занятия ему стали менее интересны. Спустя короткое время малыш поставил папе мат. Павел Михайлович понял, что его познаний уже недостаточно, чтобы утолить интерес сына к древней игре. Тогда он обратился в шахматный клуб к тренеру Давиду Рывкину.

Тренер

Давид Александрович специализируется на малышах. Некоторыми своими питомцами гордится.

— В этом году окончил школу Руслан Торгунов. Его привели к нам в клуб в шесть лет. Сейчас он кандидат в мастера спорта. Кстати, он еще занимается каратэ, тоже успешно. Обещает, что шахматы не оставит, сдаст на мастера. Но профессию выбрал не спортивную.

Когда в марте этого года папа привел Сему Тымчевского к Рывкину, тот сначала с недоверием, а потом со все возрастающим интересом протестировал ребенка. Простейшие задачи тот решил с ходу. Справился и с более трудными. Хотя в

шахматную школу принимают с семи лет, тренер сразу понял, что перед ним незаурядное дитя. Взялся за тренировки. Причем не только в клубе. Давид Александрович стал ходить в детский сад или домой и по часу индивидуально занимался с Семочкой.

— Час проходит, я говорю: «Хватит, Сема». А он: «Еще хочу». Особенно решать задачки любит, — голос тренера даже подрагивает от умиления. — Но тут надо знать меру, не переборщить.

— Как вы думаете, до какого возраста вы сможете вести Сему? — спросил я Давида Александровича.

— Ну, может быть, до окончания школы, — не очень уверенно отвечает он. — Все зависит от того, как он будет развиваться.

Наш разговор прерывает коллега Рывкина:

— Давид Александрович, вы опять о Тымчевском? Испортите парня!

Дети талантливые и девиантные

Кстати, такой же упрек раздается и в адрес родителей Семы.

— Нас считают ненормальными, — улыбается Ольга Николаевна. — Дескать, мы лишаем сына детства. Я на это не обращаю внимания. Занимаюсь с Семой только тем, что ему интересно.

Мнение, что детей не стоит перегружать, достаточно распространено. И основания для тревоги есть, особенно сейчас. Родители, пытающиеся сотворить из своих чад великих музыкантов без учета способностей, мучают их ежедневными многочасовыми сидениями за инструментом. Результат почти всегда один и тот же: несостоявшиеся рихтеры приобретают стойкое отвращение к музыке.

Еще хуже, когда папы и мамы пытаются с малых лет протолкнуть ребенка в шоу-бизнес. Конкурсы, в которых участвуют разряженные под «звезд» безголосые «блестящие стрелки», проводятся сегодня чуть ли не в каждой деревне. Удовольствие от них, прежде всего, получают родители малолетних «артистов» — они пытаются компенсировать с помощью детей собственную несостоятельность.

К счастью, в семье Тымчевских цели и задачи родителей полностью лишены тщеславия. И они не так одиноки, как им кажется.

В поселке Николаевка Смидовичского района подрастает Настя Пак. Ей 12 лет, но она уже не раз побеждала в престижных региональных конкурсах. Способности девочки обнаружились тоже вроде бы случайно, но вовремя, когда Насте было 5 лет. Старшая сестра училась в музыкальной школе. Она разбирала довольно сложное произведение, что-то не получалось. Настя долго слушала, потом подошла к инструменту и попыталась подобрать основную мелодию. И получилось! Это заметила мама (вот он, главный фактор неслучайности!) и отвела ребенка к опытному педагогу местной музыкальной школы Светлане Краснопольской. Та не стала ждать положенных для поступления 6 лет и занялась взра-

щиванием таланта. При этом умный учитель не считает зазорным для себя постоянно консультироваться с преподавателями из Биробиджана, Хабаровска. Девочку слушали педагоги из Москвы.

Можно привести еще немало примеров, пусть и не таких ярких. Ребенок с музыкальными способностями может развить их в специализированных школах, которые есть не только в областном и районных центрах, но и во многих селах и поселках.

— Я убеждена, что музыкально одаренные дети будут замечены. Для этого у нас разработана специальная система, — заверила меня педагог Биробиджанской музыкальной школы Марина Петрук. — Причем, мы наблюдаем за всеми школами области. Детей талантливых посылаем на все дальневосточные конкурсы. В лагере «Океан» и оздоровительном центре в селе Пронькино организуются творческие смены, на которых опытные педагоги проводят мастер-классы.

Продуманные системы поддержки талантов есть и в других специализированных учебных заведениях: центрах детского творчества, хореографической, художественной, спортивной школах, многочисленных секциях, кружках, студиях. Правда, можно посетовать, что их весьма разветвленная сеть не охватывает весь спектр возможных творческих способностей детей. Новая Майя Плисецкая, например, из Биробиджана не выйдет: профессионалов классического танца учат сызмала, а такой студии у нас нет, и в обозримом будущем вряд ли появится. Это надо принять как данность.

Гораздо проблематичнее другое. Все творческие и спортивные центры рассчитаны, прежде всего, на массовость. Это правильно, но суперталантливые дети в них неизбежно усредняются, если педагог по собственной инициативе не возьмется за организацию судьбы такого питомца.

Одной из задач внешкольного образования была и остается работа с детьми девиантными, то есть с отклонениями в развитии и воспитании. И с каждым годом эта задача в перечне приоритетов поднимается все выше. В некоторых таких заведениях (пока, к сожалению, не во всех) вводятся штатные единицы психологов. Эти специалисты помогают педагогам исправлять ошибки семейного воспитания. Но

психологов для детей одаренных (а это несколько другая специализация) у нас практически нет.

Папа и мама Тымчевские на вопрос, нужен ли психолог их ребенку, сначала пожали плечами:

— Мы сами постоянно читаем книги по психологии воспитания. Это обязанность всех родителей.

Но, подумав, все же признали: нужен. Во-первых, далеко не все родители читают такую литературу, во-вторых, могут возникнуть проблемы, которые без специалиста не решишь.

Психолог

Кандидат педагогических наук доцент кафедры психологии ДВГСГА Татьяна Левкова о Семе слышала, но с ребенком и его родителями пока не встречалась. В том, что психологическая помощь таким семьям необходима, убеждена:

— Это больной для меня вопрос. Учебный план нашего факультета предусматривает всего несколько часов на изучение психологии одаренных детей. Основное время уделяется изучению особенностей поведения девиантных детей, их коррекции. Конечно, это объясняется тем, что такие дети доставляют обществу много хлопот. Но надо четко осознавать: КПД всей этой работы — ноль целых одна тысячная. А то и меньше.

Штатные единицы специалистов по коррекционной педагогике и психологии сегодня есть во всех общеобразовательных школах. И они, в общем-то, заполнены благодаря тому, что в нашей академии готовят по этой специализации. Но психологов для одаренных детей нет ни в школах, ни в творческих и спортивных центрах.

— Конечно, психологи нам нужны, — убеждена и старший методист Биробиджанской детской спортивной школы Валентина Беспалая, посвятившая всю жизнь развитию детской физкультуры и спорта. — Но я понимаю власти: денег на это не хватает.

Власти

Денег у местных властей, конечно, не хватает. Причем, во всей России и всегда. Между тем, руководители некоторых

регионов уже поняли важность этой проблемы и создали губернаторские фонды поддержки малолетних талантов. В добавление к общероссийской программе «Одаренные дети». Целенаправленные вложения дают свои результаты.

Насколько мне известно, ни в одном регионе Дальнего Востока таких фондов нет. А ведь именно здесь вероятность того, что талант останется «неопознанным объектом», особенно велика.

А если его и «опознают», желание превратить природные способности ребенка в профессиональные упирается в пресловутый финансовый вопрос. Главными меценатами таких детей по-прежнему остаются родители.

Меценаты

Что касается Насти Пак, то ее будущее не вызывает тревог. Девочку готова взять на попечение хабаровская корейская диаспора. Настиной маме предлагали отправить ребенка в Москву уже в этом году. Но она пока не решилась: пусть еще хоть год побудет дома.

Судьба Семена Тымчевского тоже может сложиться вполне счастливо. Благодаря готовности родителей, если понадобится, дать ребенку все для его развития.

— Если надо, продам все, — заявляет Павел Михайлович.

Не в обиду отцу будь сказано, мне не показалось, что денег от продажи «всего» хватит на доведение до «пика» способностей незаурядного мальчика. Боюсь, что родителям придется искать мецената. Назвать им кандидатуру конкретного биробиджанского предпринимателя я не готов.

Это не значит, что все наши бизнесмены скупы от природы. Большинство детских мероприятий любого уровня сегодня проводится благодаря спонсорам. Не ожидая принятия закона о меценатстве (и когда он будет принят, неизвестно), многие состоятельные люди поняли: в детство нужно вкладывать деньги без всякой материальной выгоды для себя.

В детство — да. А в конкретного Семена Тымчевского?

И СНОВА ЗАЦВЕТУТ САДЫ

Имя журналиста Федора Андреевича Фетисова известно многим. Почти 40 лет он проработал в газете «Биробиджанская звезда», 20 лет — заместителем редактора. А еще он — автор двух книг, в которых обобщен его опыт садовода и огородника. Они до сих пор являются учебными пособиями для дачников.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЕЦ

На Дальний Восток наша семья переехала из Сибири в 1919 г. Все мои предки, и родители тоже, были старообрядцами. Их всегда притесняли, и потому они старались жить подальше от цивилизации. Не сопротивлялись, а просто уходили все дальше и дальше вглубь России. Так и дошли до Тихого океана. В очередной раз послали в разведку мужиков, те и присмотрели в нынешнем Тернейском районе тихое место, куда переселились всей общиной, и назвали его Золотой Поляной. Там я и родился. Очень смутно помню это селение: с десяток домов, кругом нетронутая природа. Тем контрастнее жестокости, которые начались позже.

В 1932 г. отца, без суда и следствия, по решению «тройки» выслали на лесоповал в Оборский леспромхоз. А за ним двинулась мать с четырьмя детьми. До поселка Шаповаловка, где работал отец, шли пешком. Отец выскочил нам навстречу. Почему-то запомнилась его рубаха с обрезанными, но не

подшитыми рукавами. Слезы, объятая Мы приехали в августе 33-го, как пережили зиму — не знаю, есть было нечего. На следующий год раскорчевали участок для огорода.

Мне исполнилось семь лет, школа находилась в соседнем поселке, километров за пять. Пока было тепло, я ходил в первый класс, но с наступлением холодов остался дома — нечего было надеть, обуть. Но читал бегло. Как и кто учил, не помню. На следующий год меня приняли во второй класс, но это уже был другой поселок. Спецпереселенцев ведь отправляли по распоряжению комендатур. И таких поселков было много.

В 43-м году закончил семилетку, пошел работать, а в октябре 44-го призвали в армию. Хотя медицинская комиссия признала меня дистрофиком, в трудную для Родины годину оказались нужными ей и такие, как я. А мы и не помнили зла, охотно пошли служить. Зато органы всегда помнили мою родословную. Отец прожил 87 лет, мать — 83. Так и умерли с клеймом «врагов народа». Лишь в начале 90-х были посмертно реабилитированы, а мне, как пострадавшему от репрессий, немного прибавили к пенсии.

ЖУРНАЛИСТ

Демобилизовался я в 1951 г. после шести с половиной лет службы минером на катерном тральщике. Казалось, мой путь определен: куда идти парню с семилетним «коридорным» образованием без определенной профессии? Поехал к отцу, думал, буду работать на деревообрабатывающем комбинате в поселке Хор. Но судьба повернула иначе.

Когда я еще служил в Амурской флотилии, наш минный расчет на учениях занял первое место. Командир поручил мне написать об этом. Я выполнил приказ, мою статью опубликовали во флотской газете. Стал писать, в основном заметки, которые, конечно, в редакции правили. И прослыл я корреспондентом.

На год раньше меня в Хор вернулся мой сослуживец. Он раззвонил, что я «журналист». И меня пригласили в районную газету «Ленинец» в Переясловку. Дали одно задание, другое, взяли в штат. Даже в партию приняли. До этого мне не давали ходу, помнили мое происхождение. Но пополнять

партийные ряды нужно. А из кого? Тут же все спецпереселенцы. Постепенно я укрепился, меня перевели с повышением в другую районную газету.

Через короткое время я втянулся в работу, стал в ней совершенствоваться. И увлекся фельетонами. Раз прошло, два, я и зарвался. Раскритиковал заведующего приемным пунктом заготконторы, отца влиятельных детей. Тут и началось! Обнаглед салажонок! И редактор сказал, что велют меня уволить. Поехал в сектор печати крайкома партии. Там решили «замять» конфликт и в ноябре 1954 г. направили в Биробиджан собкором ТАСС.

Поначалу жил в гостинице, потом на частных квартирах. Город тогда был похож на большую деревню. Центр более-менее застроен, а кругом болота. Большинство домов — деревянные двухэтажные бараки. Я работал с увлечением, заодно

решил получить аттестат о среднем образовании — пошел в вечернюю школу. Завязались связи с редакцией «Биробиджанской звезды». Сначала ради денег, потом стало интересно, и меня пригласили в сельхозотдел. И сразу дали квартиру в двухэтажном бараке.

В июне 54-го года в Биробиджане возобновили строительство ТЭЦ. Ее пытались возвести еще до войны, но не успели. К середине 50-х без нее уже было не обойтись. Прежние артели укрупнялись, становились фабриками и заводами. Стройка шла прямо напротив моего дома, и я наблюдал, как быстро росла труба. Решил: по окончании строительства обязательно сделаю репортаж. В редакции никому не говорил, чтобы тему не перехватили. И вот смотрю: осталось совсем немного.

Утром надел телогрейку, натянул кирзовые сапоги, взял свой фотоаппарат и пошел. Нашел мастера, говорю, что хочу наверх попасть. Он меня сразу охолодил:

— Вы что! Туда нужен специальный допуск!

Я заарпился:

— Как это? Журналистов везде должны пускать!

Он мне тогда и говорит:

— Хотите — лезьте. Я вас не видел.

И ушел, а я полез по скоб-трапу. Холодок в груди ощутил сразу. Но назвался груздем — полезай... Поначалу ничего. Метров через десять большие скобы, можно отдохнуть. А где-то ближе к концу взялся рукой за скобу, а она зашевелилась. Жуть, сердце сразу в пятки ушло! Но поднялся...

Рабочие видят, что у меня лицо белое и ноги ватные, смеются. Но из уважения к моей храбрости не стали артачиться. Все рассказали, даже попозировали немного для фотографии. Репортаж у меня сохранился, поэтому и фамилии строителей-высотников могу назвать: Николай Захаров, Алексей Алексеев и Иван Вергасов. А бригадиром у них был Дмитрий Александрович Черепанов. Из этого же репортажа можно узнать, что высота трубы — 58 метров. Диаметр верхней площадки — 2,8 метра. Строили ее полгода и закончили в 1956 г. За проявленную инициативу репортаж отметили на летучке.

А еще после этого, чтобы поддержать материально, редактор перевел меня на ставку еврейского переводчика. Она была

чуть повыше, чем у старшего корреспондента. И хотя я по-еврейски знал лишь несколько слов, такой факт в моей биографии остался.

САДОВОД

Сколько я написал материалов за годы работы в газете, никогда не считал. Но наибольшее удовлетворение у меня вызывает все, что связано с пропагандой дачного движения.

В Биробиджане оно началось в мае 1966 г. Еще раньше власти поняли, что совхозы и колхозы не накормят народ, и приказали выделять горожанам садово-огородные участки. В Хабаровске они появились раньше, а здесь какое-то время сдерживал выделение земли под дачи первый секретарь обкома КПСС Лев Шапиро. Но на него надавил первый секретарь крайкома Алексей Черный.

Наконец определили участок на 13 км Бирщоссе. Первыми из журналистов стали «землевладельцами» я и Василий Григорьевич Ярмилко. Выбрали участки на месте старых ничейных огородов. Почва была истощенная, поначалу даже укроп не рос. Но мне к тяжелой работе не нужно было привыкать. Через несколько лет образовался довольно большой поселок. Выросли домики. Как это строилось, не буду рассказывать. Законным путем приобрести что-нибудь из стройматериалов было невозможно. Но за деньги тебе привезут, что хочешь. Со временем, уже в 70-е годы, все поняли, что дело это нужное, стали помогать: дороги проложили, электричество провели.

Поначалу не было и хороших семян, саженцев плодовых деревьев и кустарников. Привозили из других мест, даже с запада, не очень пригодные для нашего климата. А у меня завязались тесные связи с Дальневосточным научно-исследовательским институтом сельского хозяйства и его директором — Григорием Казьминым, позже он стал академиком. Я познакомился с ним, человек он оказался простой, заинтересованный в развитии дачного движения. Мой участок и еще несколько, хозяева которых интересовались культурным садоводством, стали своеобразными опытными делянами. Я вел дневник, следил за растениями и свои наблюдения передавал Казьмину. Меня даже приглашали на заседания учено-

го совета института. А как-то в Биробиджан приехал ученый-садовод Адольф Вавилов, и я решил показать ему мой участок. Когда он уезжал, подарил садовые ножницы. «Это тебе за высокую культуру земледелия», – сказал.

На своем участке высаживал новейшие сорта малины и земляники, груш и яблонь, винограда и смородины. Когда появилась возможность, выписал из барнаульского института неведомую до тех пор на Дальнем Востоке облепиху. Я испытывал пять сортов. Высаживал и совсем редкие растения, например, сахалинскую гуми, рябину Невежинскую.

Саженцами я делился охотно с другими. А потом накопились знания. Хотелось, чтобы и другие вели хозяйство грамотно. Стал публиковать заметки в газете, сначала под псевдонимом Ф. Павлов. Мне люди стали говорить, чтобы я собрал свои советы в книжке. В 1992 г. вышла брошюра «Сделаем свои сотки урожайными. Из опыта работы биробиджанских садоводов-любителей». Она тут же разошлась и сразу стала редкостью. А потом я как-то брал интервью у губернатора Николая Волкова и в конце разговора сказал, что у меня еще много материалов, хотелось бы опубликовать. И он помог. В 1996 г. вышла книга «Узелки на память». Гонорара я ни за ту, ни за другую книгу не получил. Но их до сих пор хранят те, кто приобрел.

Почему я считаю эту работу важнейшей в моей жизни? В начале 90-х годов дачи спасли страну. Если бы народ сам не выращивал продукты, был бы голод, и неизвестно, чем бы все кончилось. Сейчас дачное движение переживает спад. Многие забрасывают участки. Понятно: воруют, грабят домики. И продуктов в магазинах хватает. Но думаю, все вернется, пусть в другом виде. Не будут занимать свои сотки картофелем, овощами. Но сады возродятся. Они ведь не только плоды дают, но и эстетическое наслаждение. А трудовое воспитание детей, свежий воздух, отдых на природе? Без этого человеку нельзя.

Записал Михаил Клименков

**Ада
Матвеевна
КОТОВА**

Родилась в Биробиджане. Трудовую деятельность начинала учителем в сельской школе. С 1969 года по 2005-й – сотрудник газеты «Биробиджанская звезда». Работала в отделах писем и культуры.

С середины девяностых была редактором общественно-политического отдела. Последние два года сотрудничаю с еженедельником «Ди Вох». Член Союза журналистов России.

Любимые темы: семья, дети, рассказы и очерки об интересных людях. В разные годы была автором полос «Седьмое небо», «Гименей», вела рубрики «Се ля ви», «Леди, дама, сеньора», «Ретро».

Публиковалась в журнале «Семья и школа».

Награждена Почетной грамотой Союза журналистов России и Почетной грамотой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

АМУРСКИЙ КОВЧЕГ

Этот долгожданный день наконец наступил. Позади осталась колония со своим строгим (или не очень строгим) режимом. В кармане — справка об освобождении. А впереди целая жизнь.

Только куда же податься, если нет ни родных, ни близких, ни какого-нибудь пристанища... И на что жить хотя бы первое время, пока он устроится на работу? Да и кто его возьмет на работу с судимостью, когда вон сколько желающих устроиться с чистыми биографиями.

Можно говорить, что он сам виноват в своих бедах, но прошлого уже не изменить. А в настоящем... в настоящем сама Судьба с неотвратимой силой загоняет его в узкий тоннель, из которого есть только один выход — опять на нары. Но прежде... о, прежде он вволю погуляет на свободе, и не один из нас, добропорядочных граждан, лишится своих денег, имущества, покоя. А ведь там, в лагере, он, может быть, искренне мечтал о честной жизни на свободе. О своем доме, о семье, о простых человеческих радостях, которые прежде были ему недоступны. И как важно, чтобы сейчас, когда он полон добрых намерений и радужных надежд, кто-то протянул ему руку помощи.

КООРДИНАТОР ВНУТРЕННЕГО СВЕТА

— Вот здесь мы хозяйство держим, — молодой человек указал на деревянные сараюшки. — Две дойные коровы, бык... Ух ты красавец! — одобрительно похлопал он быка по мощному загривку. — Тут куры. Так что к столу всегда есть молоко и яйца. Вообще, у нас очень хорошее питание. Обед обязательно из трех блюд. И повар отличный. Мы его, точнее ее, со

стороны наняли. И еще одна женщина у нас по найму работает: белье стирает. Но в основном мы сами все делаем. Вот и за хозяйством два человека ухаживают. Из наших питомцев. Тут еще кролики есть и свиньи. Шапки растут, ну и мясо, конечно. Уже был опорос. Часть поросят продали. А на этом участке летом всякую мелочь выращиваем: лук, огурцы, помидоры. Картофель отдельно на поле сажаем. А вот и баня, мы ее каждую субботу топим. И, конечно, вновь поступивших первым делом в баньку отправляем. Кстати, у нас есть договоренность с медиками: все новенькие проходят медосмотр. Это обязательно.

Моего гида зовут Эдуард Мухаматдиев. Ему 26 лет. По образованию — режиссер, закончил Биробиджанский колледж культуры. Его должность “в «Ковчеге» называется так: координатор внутреннего света. Признаться, за долгие годы журналистской работы мне впервые встречается человек, занимающий столь экзотическую должность. Он ведает кадрами, занимается социальными вопросами. Секретарская работа тоже на нем. А еще он ведет воспитательную работу среди обитателей «Ковчеха». Он, как Фигаро, всегда всем нужен и везде поспевает. И так же весел, энергичен и умен, как герой известного произведения Бомарше.

Его биография начинается с того момента, когда нянечка Хабаровского дома ребенка №1 обнаружила у двери безымянного младенца. Фамилию мальчику выбирали по телефонному справочнику. Открыли первую попавшуюся страницу и ткнули пальцем. Так русский мальчик стал носить нерусскую фамилию. Впрочем, настоящая его национальность тоже неизвестна. «Но в паспорте написано «русский», значит, русский», — говорит Эдуард.

Дальше были Биробиджанский детский дом № 5, школа-интернат. После восьмилетки поступил в 38-е профессиональное училище. Но учиться там не стал. Не выдержал агрессивного окружения. В интернате, конечно, тоже разные люди попадались. Но там все свои, всех знаешь. А здесь он так и не смог адаптироваться. Устроился на работу, благо, тогда еще это не представляло трудности. Завод силовых трансформаторов, «Дальсельмаш», швейная фабрика. За пару лет он сменил несколько мест, мотался по общежитиям. Пока однажды не решил: пора получить профессию. И поступил в

колледж. По его окончании работал в культуре, но запил и бросил это дело.

— Я человек верующий, — говорит Эдуард. — Видимо, потому, что рос сиротой, без ценностей, мне захотелось чего-то настоящего, и я уверовал в Бога. У нас ежедневно, кроме субботы, есть час духовного просвещения. Иногда из Хабаровска приезжают священники, но чаще я сам провожу эти занятия. Наша цель — просто познакомить людей с Библией, с Богом. Показать, что помимо земных страстей есть и еще высшие цели. Я не ставлю себе задачу сделать всех верующими, да это и невозможно. Ты выслушай, а верить или нет — твоя воля. Главное, посредством духовного притянуть людей к хорошему. В «Ковчег» Эдуард попал благодаря знакомству с Михаилом Меняйловым — председателем и основателем этой общественной организации. Его привело сюда желание помочь людям. И он намерен оставаться здесь до тех пор, «...пока во мне не иссякнет необходимость».

К сожалению, мне не удалось встретиться с самим председателем: он в этот день был в отъезде. Поэтому историю образования «Ковчеха» я узнала из рассказов других людей и в первую очередь Эдуарда.

ПИОНЕРЫ

Все началось с того, что Михаил Алексеевич познакомился в Хабаровске с Джой Макрай -профессором из Новой Зеландии, которая приехала в Россию с гуманитарной целью: помочь людям, у которых ничего нет. Встреча не была случайной. Меняйлов, в свое время отбывший срок в местах лишения свободы, не понаслышке знал, каково приходится бывшим заключенным, которых никто не ждет. Он давно лелеял идею создания реабилитационного центра. И Джой помогла ему в этом. Она приобрела дом в Николаевке Смидовичского района. Выделила средства на первый случай. Сначала Михаил, Эдуард и другие добровольцы сделали здесь ремонт, обзавелись всем необходимым, а затем стали принимать ... даже не знаю, как их назвать: постояльцев, клиентов, воспитанников? Словом, тех, для кого этот Центр и был открыт. Людей находили прямо на вокзалах. Они приходили сюда голодные, донельзя поизносившиеся, во всем разуме-

рившиеся. Это было два года тому назад. За все время существования через Центр прошли более 50 человек. Первые два месяца новичку просто дают возможность пожить в нормальных условиях, оттаять душой и подумать, какой путь избрать в дальнейшем. Затем ему предлагают подписать договор, согласно которому он безоговорочно принимает довольно жесткие правила жизни в «Ковчеге».

Категорически запрещается употреблять спиртные напитки, наркотики, нецензурно выражаться, без разрешения покидать территорию Центра, опаздывать к обеду... Впрочем, что касается последнего пункта, нарушителей, как правило, не бывает. Если человеку условия показались неподходящими, что ж, вольному — воля. Он покидает «Ковчег». А тот, кто согласен с ними, остается еще на полгода. Работает, как все, на хозяйстве, в поле, на лесозаготовках и т.д. А тем временем ему восстанавливают документы (у многих нет паспортов, бывает утеряна справка об освобождении, водительские права и пр.), подыскивают работу или место учебы.

Среди тех, кто остался, — житель Сахалина Евгений Ищенко.

— Мои родители погибли, когда я был еще ребенком, — рассказывает Евгений. — Воспитывался у бабушки. Окончил школу, получил специальности водителя-экскаваторщика и автослесаря. Женился, в семье родились двое детей.

Что случилось потом, он подробно не рассказывает, а я не решаюсь беречь старые раны. Только судили парня за тяжкое преступление и дали ему 8 лет.

— Пока я сидел, бабушка умерла, а жена и дети погибли во время землетрясения. Я освободился, заработал деньги и поехал на Сахалин к могилам. А больше у меня там ничего не осталось: ни дома, ни родных...

— У парня золотые руки; — говорит о нем Эдуард, — и твердая решимость все начать сначала.

— Для меня большое значение имеет религиозный аспект, признается Евгений. — Еще в лагере к нам приезжали миссионеры, подарили Библию. Я заинтересовался религией. И чем больше узнаю, тем дальше и дальше ухожу от той жизни, которой жил последние годы. Молитвы помогают. Чувствуешь себя очищенным и укрепленным в своих целях.

Теперь уже и в зонах, и в тюрьмах знают о существовании

Центра и многие сразу после освобождения едут в Николаевку.

ФОРМУЛА ИЗЛЕЧЕНИЯ ОТ НАРКОМАНИИ

— У вас такая ... гм... одиозная аудитория, как вы ее удерживаете в узде? — полюбопытствовала я. — Ведь человек может подписать любую бумагу ради того, чтоб быть в тепле и сытости. Но это еще не значит, что он намерен жить по установленным правилам. Что вы можете сделать нарушителю?

— Абсолютно ничего, — был ответ, — кроме того, что распрощаемся с ним. И такие случаи у нас бывали. Недавно получили письмо из мест заключения от одного бывшего обитателя «Ковчеха». Он ... благодарил нас за то, что ему предоставили шанс, которым он по глупости не воспользовался.

Центр открыт не только для освободившихся заключенных, но и для других людей, попавших в беду. Четыре месяца назад сюда пришел Олег Евгеньевич — бывший военный с высшим образованием. Пришел, побитый жизнью как в переносном, так и в буквальном смысле этого слова. У Олега утонул сын, а жена во всем обвинила его. Он ушел из дома, запил по-черному, обретался на самом дне общества. И, казалось, единственной его целью было — самоуничтожение. В «Ковчехе» он понемногу пришел в себя и физически, и духовно. Вскоре его избрали старостой. И оказалось, что у Олега прекрасные организаторские способности. Он знает, как подойти к делу, как работать с людьми. Теперь руководство Центра планирует изыскать средства на оплату его труда с тем, чтобы он остался здесь.

Самого молодого обитателя «Ковчеха» зовут Ваней, Иваном Александровичем. Ему всего семнадцать с небольшим. В Комсомольске-на-Амуре живут его родители и старшая сестра. Года полтора назад Ваня, как и большинство его ровесников, учился в школе. Как-то ему предложили покурить. Попробовал, понравилось. Дальше-больше. Стал колотиться. Начал потихоньку из дома вещи выносить, продавать. Родители заметили, забили тревогу. Трижды Иван лечился в комсомольской больнице, дважды — в хабаровской клинике. Все без толку.

— Врачи снимают ломку, — пояснил он мне, — а от наркотической зависимости они не избавляют.

— Ну а сам ты о чем думал? — не выдержала я. — Ведь наверняка читал, слышал о наркомании. Понимал, куда ведет эта дорожка.

— Утром проснешься, первая мысль — где найти раскумариться. Больше ничего в голову не идет. Конечно, я понимал, куда качусь, и хотел бы остановиться, но ... не мог.

Однажды мать Ивана — человек верующий, услышала в церкви о Ковчеге» и решила испробовать еще и этот шанс. И вот он уже несколько месяцев живет здесь.

— Ну, и как дела?

— Прекрасно. Чувствую себя бодро. И к наркотикам нисколько не тянет.

— Как? Без всякого лечения? Что же тебя удерживает?

— Работа, — просто сказал он. — Я на лесозаготовках работаю. Так за день устанешь — ничего не надо.

— А вернешься домой, там друзья — и все пойдет по-старому?

— Кто вам сказал, что я домой поеду? Нет. Я хочу школу закончить, поступить куда-то учиться.

— Мы сейчас думаем над тем, куда целесообразнее его направить учиться, — сказал Эдуард. — Конечно, домой ему нельзя возвращаться как можно дольше.

Говорят, что наркомания болезнь не тела, а души. И лечить ее надо духовным словом и физическим трудом. Мальчик из Комсомольска вывел эту формулу самостоятельно на собственном опыте.

ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ДОБРЫМ — ЭТО ОЧЕНЬ ВОСПИТЫВАЕТ

Меня очень интересовало, каковы взаимоотношения Центра с окружающими. Согласитесь, не каждый рад иметь такого беспокойного соседа. Оказалось, здесь все прекрасно. «Ковчег» взаимодействует и с поселковым советом, и с милицией, и с руководством местных предприятий и частными предпринимателями. Основа этих отношений — взаимопомощь. Попросил поселковый совет елку привезти на Новый год — привезли, понадобился паспортному столу на время ксерокс

— дали. Директор самого крупного в Николаевке предприятия Анатолий Иконников время от времени находит рабочие места для обитателей Ковчега». А директор николаевской средней школы N 92 Валентин Дмитриевич Чикишев с удовольствием рассказал о сотрудничестве школы с Центром реабилитации. Если школе требуются дворник или рабочий любой специальности, в «Ковчеге» всегда находятся умельцы. С местным населением у Центра тоже прекрасные отношения. Люди знают: если надо привезти дрова, косить сено, вскопать огород или сделать еще какую-то работу по хозяйству, которая им не по силам, надо обратиться к Мише, он пришлет своих парней. Расценки здесь

ниже, чем где бы то ни было. А у особо нуждающихся оплаты вообще не попросят.

— Это один из наших принципов, — пояснил Эдуард, — тебе помогли и ты помоги людям, чем можешь. Чувствовать себя добрыми — это ведь очень воспитывает. Мы приобрели для больницы ультразвуковой ингалятор, хабаровскому детскому приюту отправили картофель из своих летних запасов, сейчас собираем посылку в бирскую тюрьму: там заболел человек.

«Администрация Биробиджанской воспитательной колонии выражает благодарность региональной общественной организации «Ковчег» за оказание гуманитарной помощи детям-сиротам учреждения». «Управление воспитательных работ Краснознаменного Дальневосточного военного округа выражает благодарность...» Таких писем в архивах «Ковчега» уже немало.

— А вот наши «выпускники», — Эдуард Мухаматдиев подводит меня к стенду с фотографиями. Это Юрий Галкин, он женился, дочь родилась. Живет здесь же, в Николаевке. Работает у нас, в «Ковчеге». Анатолий Казнов работает на мебельной фабрике. Александр Харитонов тоже здесь, в Николаевке, живет. Раньше пил, теперь, говорит, и не тянет его к этому. Игорь Иванов недавно поступил в духовную семинарию. А Игорь Цивилев в ней уже учится. А ведь был рецидивистом, пришел к нам — весь из себя «авторитет». Неузнаваемо изменился человек. А эта семья совершенно случайно к нам попала. Они на Сахалин должны были лететь. В Хабаровске — пересадка. И тут их обокрали начисто. Куда деваться? Ну, мы

помогли людям. Вот этот парень тоже женился и этот. А этот в семью вернулся.

В настоящее время у «Ковчеха» большие планы: построить новое, просторное здание из кирпича. А пока старенький домик на ул.Хабаровской в пос.Николаевка мало напоминает сады Эдема, где спасенных ожидает рай. Но для тех, кому здесь помогли удержаться на краю страшной бездны, это не имеет значения.

Март 2002 г.

УМЕЙТЕ ВСЕМ СТРАХАМ В ЛИЦО РАССМЕЯТЬСЯ

— Граждане, приготовили проездные документы, деньги, — привычно объявила молоденькая кондукторша. — Что у вас, женщина? Удостоверение... так... что-о-о? А поумнее ты ничего не могла придумать? Ин-ва-лид... Ты хоть в зеркало смотришься? Совесть надо иметь! — последние слова она уже выкрикнула вслед пассажирке, опрометью бросившейся к двери.

Валентина брела по улице, ничего не видя из-за слез, заставших ей глаза. За что? За что эта боль, это унижение? Знала бы та девчонка, как горько называться инвалидом в неполные сорок лет.

ДИАГНОЗ БЫЛ СУРОВ И БЕЗЖАЛОСТЕН, как приговор: порок сердца. А больной всего то два года отроду. Врачи, правда, пытались успокоить родителей: мол, годам к семнадцати девочка, вероятно, перерастет. Так часто бывает. Но в этот раз все случилось по-иному. Лет до пятнадцати Валя особо не ощущала болезнь. Правда, в школу она пошла на год позже ровесников, зато училась на «отлично». И общественной работой занималась, и в самодеятельности участвовала. А в восьмом классе у нее случился первый серьезный приступ. Когда опасность миновала, девочка задумалась о своем будущем. С мечтой о высшем образовании, видимо, придется проститься: ей это физически не под силу. Значит, надо побыстрее приобретать профессию, становиться само-

стоятельной. И она поступает на дошкольное отделение Биробиджанского педучилища.

Дни мелькают, как картинки за окнами мчащегося экспресса. Валентину избирают комсоргом группы, ее фотография — на Доске почета, она готовит лекцию о положении в Китае. И вдруг — тяжелый сердечный приступ, больничная палата, академический отпуск... Потом восстановление, новые подруги, агитбригада...

В те годы среди учащихся педучилища было повальное увлечение стихами, особенно лирическими. И Валентина, очень чуткая к поэтическому слову, всей душой отдалась этой страсти. Она с упоением читала строки Риммы Казаковой, Льва Ошанина, Ирины Снеговой, мечтая, что однажды встретит Его — единственного и неповторимого — и эти волшебные чувства и переживания станут ее чувствами, ее переживаниями.

И он пришел, как будто вызванный из небытия силой ее желания. Познакомились они в клубе села Птичник, где живет семья Машуковых. Анатолий на пять лет старше Вали. Такой взрослый, симпатичный, обаятельный! Он кружил ее в вальсе, и у девушки от счастья кружилась голова. Через полгода они поженились, и Валя переехала к нему в общежитие. Позже они получили двухкомнатную благоустроенную квартиру там же, на Птичнике.

«ОСТАВЬ МЕНЯ, НО ТОЛЬКО НЕ ТЕПЕРЬ»...

Валя стоит у окна, держит на руках плачущего сына. А в голове все кружатся и кружатся строки шекспировского сонета: «Оставь меня, но только не теперь». Не теперь! Но только не теперь...

Как пусто в доме! В доме, где еще недавно всегда было шумно, тесно и весело. К ним любили заходить друзья — просто так, на огонек. У Вали всегда находилось для гостей что-нибудь вкусненькое. Они пили чай в уютной кухоньке, обсуждали новости, шутили, смеялись. А уходя, девочки горячо шептались ей: «Какая ты счастливая, Валька! Твой муж с тебя глаз не сводит».

Она и сама знала, что счастливая. С первых дней совместной жизни Анатолий окружил ее заботой и вниманием. С ним было так интересно говорить на любую тему, так легко

мечтать и молчать... Разве могла она уничтожить плод их любви, их ребенка? А врачи настаивали: «Вам нельзя рожать, вы можете умереть». И все же она рискнула. Родила сына Максимку. И осталась жива, хотя состояние здоровья заметно ухудшилось. А спустя несколько месяцев им сказали, что у мальчика детский церебральный паралич.

«Оставь меня, но только не теперь!»

Вообще-то, он не оставлял Валу. Это она его выгнала ... или отпустила? После родов Валентина почти не выходила из больницы: полгода пролежала в Биробиджане, потом три месяца — в Хабаровске. Не успела вернуться домой, кумушки ей нашептали: «У твоего какая-то краля объявилась. Ходила к нему, пока тебя не было». Она не поверила. Нет-нет! Разве может он предать ее сейчас, когда все так плохо, что кажется, сама земля ускользает из-под ног? Он, в котором сосредоточился весь мир?! Оказалось, смог. Он ничего не сказал. Просто стал часто исчезать из дома, возвращался поздно, чужой, нетрезвый. И Валентина не выдержала, сказала коротко: «Уходи!»

— Валька, какая же ты глупая! — говорили многоопытные подружки. — Да за такого, как твой Толя, двумя руками цепляться надо. Подумаешь, изменил! Мужики во все времена на сторону бегали. Даже от здоровых жен. А тут ... сама понимаешь...

— Это не просто измена, — упрямо отвечала Валя, — это предательство.

И она осталась одна — без мужа, без средств к существованию. Хорошо, что младшая сестренка Нина поддержала. Она поселилась у Валентины, помогала ей по хозяйству. Да и жили они, по сути, на Нинину зарплату. Как-то она стояла у окна с плачущим Максимкой. А по вечерней улице мимо ее дома шел бывший муж с новой женой. Из-под ее пальто виднелся подол длинного вечернего платья...

***«БУДЬ САМОЙ ГОРЬКОЙ ИЗ МОИХ ПОТЕРЬ,
НО ТОЛЬКО НЕ ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛЕЙ ГОРЯ».***

Что ж, это была отнюдь, не последняя капля. Максимка умер в январе 1979 года.

А через два месяца Валентина получила вызов из клиники. «Операция? А зачем?» — равнодушно думала она. Теперь,

когда ребенка больше нет, а любимый человек предал ее, стоит ли вообще цепляться за жизнь? Но сестренка со слезами умоляла ее, и друзья в один голос твердили, что ехать надо. И она послушно поехала в Хабаровск. В краевом центре выяснилось, что вдобавок к врожденному у нее теперь есть два приобретенных порока. Подобные операции в Хабаровске не делали. Надо было ехать в Новосибирский академгородок.

— ДЕВОЧКА, А ТЫ КАК СЮДА ПОПАЛА? В этом отделении лежат только совершеннолетние.

— Мне уже двадцать три, — сухо ответила Валя.

— Правда? А на вид не больше шестнадцати, — собеседница обвела взглядом хрупкую фигурку Валентины. — А как звать тебя? Валя? А меня — Олей, а это — Гена, — кивнула она на стоящего рядом рыжеватого подростка лет девятнадцати. — Только мы здесь чаще зовем друг друга по кличкам. Ты у нас будешь... — она на секунду задумалась, — ты будешь Красоткой Мэри.

Они были серьезно больны, всем предстояли сложные и опасные операции. Но, несмотря на это, а может быть, именно по этой причине, здесь всю бурлила жизнь. Они были товарищами по несчастью и прекрасно понимали друг друга. У каждого за плечами — своя жизненная драма. Наслушавшись горьких исповедей, Валентина понемногу стала забывать о собственной боли. Однажды она прочла стихотворение Солоухина, которое было написано будто бы специально для нее.

*«Давным-давно известно людям,
Что при разрыве двух людей
Сильнее тот, кто меньше любит,
Кто больше любит, тот слабей.*

*Но я могу сказать иначе,
Пройдя сквозь ужас этих дней:
Кто больше любит, тот богаче,
Кто меньше любит, тот бедней...»*

— Да, так оно и есть, думала она. — И я ничуть не жалею, о том, что любила. Но все это уже позади, все в прошлом... Началось духовное выздоровление, а вместе с ним к ней вернулась и жажда жизни.

9 ЯНВАРЯ 1980 г. Валентина попала на операционный стол. Накануне с ней долго беседовал академик Мешалкин. Он удивлялся, что с таким заболеванием она рискнула рожать и при этом осталась жива.

— Я упрямая, — смеялась в ответ Валентина, — я жизнь люблю. Вы, доктор, только сделайте как следует операцию, а я выкарабкаюсь, вот увидите.

— Еще бы не выкарабкаться с такими коготочками, — шутил в ответ Мешалкин, кивая на ее маникюр.

И она сдержала слово. Карабкалась изо всех сил. Нина просто без слез смотреть не могла на то, как Валя надувает шар. Да, Нина была с ней. Незадолго до операции она бросила все и примчалась в Новосибирск. Устроилась нянечкой в то отделение, где лежала сестра. Подумать только, Нина, которая всегда была брезглива, ухаживала за больными, выносила ночные горшки, только чтобы быть рядом с ней! Это она шла за каталкой, когда Валю везли на операцию. И ее первую увидела Валентина, когда через семь суток после операции впервые открыла глаза.

Так вот, однажды, зайдя в палату, она увидела, что Валя надувает шар, и на ее лице застыло выражение мучительной боли. Обычный воздушный шарик, но каково его надувать, когда на груди от подмышки до подмышки — свежие швы. Боль адская, но это было необходимо для того, чтобы не было застоя в легких. И Валя не жалела себя. Зато избежала осложнений. Когда она впервые после операции прошла по отделению, оказалось, что многих из ее новых друзей уже нет в живых. Это был самый тяжелый момент ее жизни в клинике.

Одним из первых вопросов, которые Валентина задала лечащему врачу после операции, был: «Можно ли мне рожать?»

— Я отвечу тебе прямо, — вздохнул тот. — Вообще-то, года через полтора-два можно рожать, но имей в виду, мы гарантируем тебе (насколько вообще возможны гарантии в нашем деле) лет восемь-десять, потом может быть новый порок и уже никто не возьмется за операцию. Так что подумай, надо ли это делать.

Она запомнила это, накрепко запомнила. Но, Боже, какой чудесной оказалась жизнь без боли, без страха! И солнце све-

тило ярче, и листья на деревьях зеленее, и люди вокруг были такими добрыми и улыбчивыми. Да и сама Валя сильно изменилась. Она поправилась, окрепла, на щеках, кажется, впервые в жизни заиграл румянец. Пусть ей отпущено немного времени, она выпьет до дна каждую секунду!

КАП, КАП, КАП... Медленно— медленно падают капли. Глаза закрываются, и наплывает туман.

— Доктор, она уходит... уходит!

Это о ней? Да, она уходит, уходит в туман, в никуда. Но ей не больно и не страшно. Жизнь была к ней так щедра и добра.

— Валя! Ва-а-ля!

Кто это окликает ее? Такой знакомый, родной голос. Виктор! А ведь тогда, после операции, она не сразу узнала его. Ходит за ней высоченный незнакомец, ходит и молчит. А у самого лицо такое строгое... Однажды все-таки подошел:

— Валя, вы меня не помните?

— Увы! После наркоза я с трудом узнала собственную сестру, — ответила она.

Оказалось, они познакомились в Валдгеймской больнице, где Валентину готовили к операции. Она с удовольствием возобновила старую дружбу. Почему бы нет? Ей приятно проводить с ним время. Виктор был неразговорчивым, но таким основательным, надежным. И все же, когда Валентина поняла, что у ее друга самые серьезные намерения, она по-настоящему испугалась: а вдруг все повторится — и предательство, и боль. Второй раз ей этого не пережить. Лучше сейчас расстаться. Но Виктор был упрям. Он все ходил и ходил к ней. А однажды пришел с вещами и сказал решительно: «Я остаюсь».

— Валя, Валечка. Посмотри на меня!

Она с трудом приподняла тяжелые веки. Виктор стоит у изголовья бледный, напряженный, сжав кулаки. Если с ней случится самое худшее, Бог знает, что он натворит. Это он с виду такой сдержанный, а чуть дело коснется жены — настоящий порох.

— Витя! — голос слабый, еле слышный. — Витя, послушай... Помнишь, я тебе говорила, что мне обещали восемь-десять лет полноценной жизни? А мы с тобой были счастливы це-

лых семнадцать! Этого у нас никто уже не отнимет... Она снова закрыла глаза и мысленно вернулась в прошлое.

...— Знаешь, Витя, у нас будет ребенок.

— Правда?! — обрадовался он — А ты... не боишься?

— Боюсь, — честно созналась Валентина, — не за себя, за него боюсь. Вдруг опять что-нибудь не так!

— Ну что ж... мы будем вместе.

Этот страх преследовал ее все девять месяцев. Но он был рядом — ее друг, единомышленник, ее любимый, и поэтому ей было легче.

5 июня 1982 г. Валя родила сына. Роды прошли на редкость удачно, без особых осложнений. Мальчика назвали Артемом. Она обошла с ним всех врачей: травматолога, ортопеда, психиатра... Все подтвердили: ребенок практически здоров. Валентина всю себя посвятила сыну. Она радовалась его первой неосознанной улыбке, первому шагу, первому слову. Они были так близки, так понимали друг друга, могли часами говорить о чем угодно. А Витя брал мальчика с собой на охоту, на рыбалку и с гордостью отмечал, что уже в 12-13 лет на него можно положиться, как на взрослого человека. Надежность — фамильная черта Яновых.

— Валюша, как же мы без тебя?

Действительно, без нее им будет плохо. Кто поддержит Витю, когда на него нападёт очередной приступ уныния? Артем через год заканчивает школу. Ему тоже необходимы ее совет и помощь. Да и вообще, она в семье — генератор идей. По ее примеру мужчины стали обливаться холодной водой. По ее настоянию они обменяли свою уютную квартиру на запущенный коттедж, который долгое время был прибежищем бичей. И не пожалели. Там и огород рядом, и хозяйство держать можно. Только руки приложить надо. Да, она нужна им, очень нужна.

Врач Валдгеймской больницы Галина Бибченко прекрасно знала историю болезни Валентины Яновой, много раз помогала ей. Но сейчас ситуация вышла из-под контроля. Она сделала все возможное, но...

— Валечка, ну как ты, — склонилась она над постелью. И услышала в ответ тихий шопот:

— Знаете, Галина Павловна, я, кажется, передумала умирать...

С ТЕХ ПОР прошло почти три года. Артем учится на втором курсе Хабаровской академии экономики и права. Валентина Александровна с мужем благоустраивают свой коттедж, держат хозяйство, выращивают цветы. А еще она руководит районным обществом инвалидов, несколько лет заседала в районном суде, а с января нынешнего года — специалист Биробиджанского судебного участка. Словом, все как обычно.

Апрель 2001 г.

ПОРА ЛИСТОПАДА

Осень жизни... Пора расставаний и грусти. Но в этом возрасте человек особенно остро чувствует жизнь.

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ стоял посреди комнаты с чемоданом в руке.

— Ну, мне пора.

— Юра, — укоризненно сказала она, — ты опять уезжаешь, а мальчишки совсем от рук отбились. Олег недавно уроки прогулял: в библиотеке просидел. А Игорь как закроется в своей «мастерской», его и калачом оттуда не выманишь. Когда успевает готовить домашнее задание, понятия не имею.

Он улыбнулся:

— Все нормально, Алла! Мальчишки у нас правильные, не волнуйся за них. А как у тебя с деньгами?

— Да неважно, — вспомнила она. — Рублей двадцать осталось, а до пенсии еще неделя.

— Посмотри у меня в сером пиджаке. — Он шагнул к двери, и Алла Григорьевна почувствовала, как больно сжалось сердце.

— Юра, — взмолилась она, — ну что я все одна и одна! Мне так тоскливо порой.

— Нет, — покачал он головой, — я всегда рядом, разве ты не чувствуешь?

Она протянула руку, чтобы притронуться к нему, но он стал бледнеть, растворяться в воздухе. И исчез. А Алла Григорьевна проснулась. Несколько минут она лежала не шевелясь, вся во власти своего дивного сна: Юра -живой, здоровый, кажется, еще молодой. С чемоданом, что тоже привычно:

в семидесятых он часто ездил в дальние командировки, куда-то в Магадан, на Колыму, в Бурятию. Близнецы тогда еще учились в школе. Только вот при чем тут пенсия? Это сейчас она пенсионерка, а в те годы ей лишь чуть-чуть перевалило за сорок. Но что правда, то правда: с деньгами у нее действительно туго и занять-то не у кого. Впрочем, об этом думать не хотелось. Вот интересно: после ночного разговора с покойным мужем ей стало легче. Она словно ощутила его незримое присутствие. Алла Григорьевна открыла глаза и взглянула на часы: половина восьмого. Утро. Пора вставать.

КАК МЕДЛЕННО тянется время! Она уже успела позавтракать, закончить немудреную домашнюю работу, написала письмо Игорю — он сейчас живет в Белоруссии. А маленькая стрелка часов лишь немного отошла от десяти. В молодости ей вечно не хватало времени для себя. Так хотелось вволю отоспаться, подольше понежиться в горячей ванне, посидеть с книжкой. Да все некогда: работа, муж, дети, дом. А летом еще и дача. Нынче у нее сколько угодно свободного времени. Только почему-то не спится. И горячая ванна уже не для нее: давление.

Одно удовольствие — книги. Вот и сейчас она остановилась у книжной полки. Что почитать: Чехова? Достоевского? Подумать только, когда-то она не любила Достоевского, не понимала. А несколько лет назад прочла воспоминания его жены и заново открыла для себя этого глубокого писателя. Но в этот раз она остановила свой выбор на рассказах Лидина. Ей нравились его романтичность, доброта, теплое отношение к простым людям.

Людей Алла и сама всегда любила. Недаром много лет она заведовала самым «человечным» отделом «Биробиджанской звезды» — отделом писем. К ней на прием шли с разными проблемами: кого-то обошли в очереди на жилье, кого-то обидели в ЖЭКе, у кого-то личная жизнь не задалась. Она внимательно выслушивала каждого. Порой уже одного этого было достаточно, чтобы человеку стало легче. Но чаще приходилось направлять письма в различные инстанции, добиваться ответа, по возможности положительного; писать критические статьи. А ей больше нравилось писать очерки, зарисовки о людях.

Сколько дорог исколесила на стареньком редакционном «козлике», чтобы отыскать героя для очередного материала. Это были передовые доярки, опытные учителя, библиотекари, почтальоны, водители автобусов — словом, простые, милые люди, труженики. В те годы вся область знала журналистку, Заслуженного работника культуры Аллу Авдошину. Сейчас ее уже подзабыли. Но это естественно: жизнь идет...

Еще в детстве бабушка — обрусевшая украинка, говорившая на чудной смеси русского и украинского, — внушала ей:

— Гляди ж, Гала, не обижай человека. Як ты до него, так и он до тэбэ.

И Алла всегда старалась не замечать мелких слабостей и недостатков окружающих: все мы не ангелы. Может, оттого и встретилось ей столько интересных и симпатичных людей: однокашников, сослуживцев, соседей.

— И как ты умудрилась двадцать лет прожить в доме и ни разу не поссориться с соседями? — удивилась однажды приятельница.

— А что нам делить? Славные люди.

Еще в молодости судьба свела Аллу Григорьевну с одним человеком. Злобное создание, мелкий пакостник. Он с удовольствием делал ближним гадости, любил доносить «наверх» о каких-то проступках и ошибках коллег. Не по должности, не из особого пристрастия к порядку, не из выгоды даже. Из любви к «искусству». И это последнее обстоятельство казалось противнее всего. Он единственный из знакомых, кого Алла терпеть не могла. Но много лет спустя встретила его уже старого, больного, совершенно одинокого и от души пожалела: всю жизнь человек собственной злобой давился. Бедняга!

Алла Григорьевна перелистнула последнюю страницу и спохватилась: время обедать, а в доме — ни куска хлеба! Хочешь не хочешь, а надо идти в магазин. Она сменила домашнее платье на блузку и юбку, потянулась за курткой и замерла, увидев в шкафу костюмы мужа. Вот тот самый серый пиджак, о котором он упоминал во сне. Она погладила ворсистую ткань, сунула руки в боковые карманы — ничего, верхний тоже оказался пустым. Усмехнулась про себя: а чего ты ждала? Но когда потрогала внутренний карман, что-то зашуршало под рукой. И совершенно опешившая женщина

достала четыре полусотки. У нее даже слезы покатались. Юра всегда заботился о ней при жизни. Сколько раз в самые трудные моменты он доставал из заначки энную сумму.

— Где ж ты взял их? — радовалась Алла Григорьевна. — Ты же всю зарплату мне отдал.

— Премию нам давали неделю назад, — отвечал довольный супруг. — решил придержать ее до нужного момента. Вот и пригодилась.

И теперь, спустя почти три года после смерти, он все еще заботился о ней. Вот и не верь после этого в загробную жизнь!

АВДОШИНЫ никогда не купались в роскоши. Первые годы семейной жизни они испытывали большие трудности. Но позже, когда Алла Григорьевна уже была «при должности», а Юрий Иванович ездил в свои северные командировки, наступил довольно продолжительный период стабильности. Все необходимое они могли приобрести, да еще и откладывали на «черный день». Этот день наступил в январе 92-го, когда все сбережения в один миг превратились в прах. Первый удар они вынесли стойко. К тому времени сыновья уже имели собственные семьи, а «старики» хоть и достигли пенсионного возраста, оба продолжали работать. Это помогло им удержаться на плаву. Но грянул «черный вторник» 1998 года, и опять они оказались без гроша. Сейчас Алла уже не работает и хотя получает максимальную пенсию и имеет все льготы, положенные ветерану труда, денег едва хватает на коммунальные платежи и очень скромное питание. А лекарства? А одежда? А в дом хоть что-то по мелочи купить надо? Благородная нищета — вот как это называется. И такое горе постигло большинство российских стариков.

Но, как говорится, горе — не беда. Ко всему можно привыкнуть. Даже к пышному букету всевозможных болезней, ... когда они не очень донимают. Но как привыкнуть к одиночеству, к тому, что человека, с которым ты сорок лет делила радость и горе, уже нет в живых? Первое время это была просто открытая рана, которой невозможно коснуться, но она постепенно затягивалась.

И теперь Алла Григорьевна думает об умершем муже с какой-то светлой печалью. Да, люди уходят, такова неумоли-

мая диалектика природы. Но Юра и впрямь постоянно здесь, в этих стенах, среди этих привычных вещей, в ее памяти.

А ВЕДЬ ПОНАЧАЛУ это был тривиальный роман, не дающий надежды. Даже не роман, а просто легкий флирт двух свободных от работы холостых людей, познакомившихся в доме отдыха. Он - молодой рабочий из Совгавани. Она — агроном из-под Уссурийска. С ним было приятно беседовать, танцевать, прогуливаться по парку. Но сотни, тысячи более жгучих «курортных» интрижек заканчивались в последний день отдыха. А их роман длился сорок таких долгих и таких коротких пет!

Они жили, что называется, душа в душу, хотя на многие вещи смотрели по-разному. Юрий Иванович, к примеру, из принципиальных соображений не вступал в партию. Однажды даже пострадал из-за этого. Как передовика производства, его должны были представить к правительственной награде. Уже начали оформлять документы, и тут выяснилось, что по разнарядке нужен член КПСС. Так Авдошин остался без ордена. А Алла Григорьевна тридцать лет носила партбилет, окончила партшколу, была на партийной работе (одно время даже возглавляла отдел партийной жизни в редакции «Биробиджанской звезды»). И она не стыдится своего прошлого. В 91-м, когда все в одночасье переменялось, она сильно переживала. Да, режим прогнал насквозь и должен был рухнуть. Но ведь было наработано много ценного за эти годы: какое кино, какая литература, какая музыка и песни — не чета сегодняшним! А какие люди?! «А я еду за туманом, за туманом. За мечтами и за запахом тайги» — так пел молодой человек 70-80-х годов. Он и на БАМ, и на целину отправлялся не за длинными рублями, а за романтикой и, если хотите, из патристических соображений. Разве можно было все это запросто отбросить? Юрий Иванович понимал жену и разделял ее боль.

День был ярким и солнечным. Но прозрачная синева неба дышала прохладой. А деревья, словно знатные дамы на балу, щеголяли друг перед другом изысканными нарядами. Осень!

Алла Григорьевна неторопливо шла по знакомой улице, и облетающие листья, кружась, падали к ее ногам. Ей нравится осень: неторопливая, мудрая, щедрая. Так похожая на челове-

ка в солидном возрасте. И словно подтверждая ее мысль, из какого-то окна зазвучала знакомая песня:

*У природы нет плохой погоды,
Ход времен нельзя остановить.
Осень жизни, как и осень года,
Надо, не скорбя, благословить.
Надо, не скорбя, благословить...*

Октябрь, 2001 г.

**Ирина
Зиновьевна
МАНОЙЛЕНКО**

Всегда буду благодарна судьбе за то, что ровно четверть века назад она занесла меня в Биробиджан – город, с которым я разделила самые лучшие и самые плодотворные в творческом плане годы своей жизни. Я благодарна судьбе и за то, что свела меня с настоящими мастерами пера, журналистами «Биробиджанской звезды», которые помогали мне в профессиональном росте – Ниной Филипкиной, Федором Фетисовым, Аллой Авдошиной, Валерием Панманом.

Корреспондент, заведующая отделом, заместитель главного редактора, главный редактор «Биробиджанки» – это в приказах и трудовой книжке. В жизни же главным всегда оставалось творчество, а писать приходилось обо всем – о людях добрых и недобрых, о проблемах сельских и городских, о жестокости и равнодушии, о житейских перипетиях...

Бывала и бита, бывала и вознаграждена – несколько раз становилась лауреатом областных и журналистских конкурсов.

С 2000 года работаю заместителем главного редактора в газете «Биробиджанер Штерн». Много лет газета выходила на еврейском языке, но вот уже больше десяти лет она печатается на двух языках – русском и идише. Именно в этой газете вкусила я, что называется, настоящего еврейского цимеса – так называется сладкое блюдо национальной кухни.

Недавно узнала, что попала в команду лучших профессионалов страны – как журналист, пишущий на аграрную тему. Эта тема мне действительно близка и хорошо знакома: сама выросла в селе и считаю, что именно с малых сел и деревенок берет начала наша большая Россия. И очень, очень хочется, чтобы наша сельская глубинка наконец возродилась, воспряла духом, чтобы наладилась там жизнь, разрушенная реформами 90-х годов.

Именно в Биробиджане стала членом Союза журналистов России. Здесь встали на ноги мои дети, растут внуки. Так что мне есть за что благодарить судьбу, которая занесла меня сюда ровно четверть века назад.

КЛЮЧЕВОЙ ПОВОРОТ

Об этой не очень веселой дате, может, и не вспомнила бы, да попалась в руки публикация десятилетней давности. Рассказывалось в ней о том, как в селе Ключевом Смидовичского района летом 1995 года был ликвидирован совхоз, как растерялись недавние доярки и трактористы, враз потерявшие работу — никакого другого предприятия в их маленьком селе не было. «Как же мы жить будем?» - задавали люди вопрос, на который трудно было тогда найти ответ — ведь опыта единоличной жизни у большинства селян не имелось. Совхоз был их главным кормильцем — был, несмотря на огромные убытки и долги, на низкие урожаи и мизерные надои. Только за счет государственных дотаций сводил он концы с концами. К 1995 году этот казавшийся бездонным колодезь иссяк, без подпитки хозяйство не выжило.

Ключевской совхоз стал первой жертвой начавшейся в области расколлективизации сельского хозяйства. Помню, как потрясла меня дикая картина начавшейся разрухи — от добротных ферм за считанные месяцы остались остовы и фундаменты, запустение царило на машинном дворе. Казалось, устоявшийся сельский мир перевернулся, сошел с тормозов.

Что было дальше, многие еще не успели забыть. Вывески на бывших совхозных конторах менялись то на товарищества, то на ассоциации, то на кооперативы, то на ООО или КСХП. Многие бывшие коллективные хозяйства стали фермерскими.

В Ключевом после совхоза не организовали ничего. Совхоз умер — и никакого «да здравствует» не последовало. Что стало за это десятилетие с селом, с людьми, которые много

лет пахали и засевали землю, доили коров? Как выжили они? За ответами на эти вопросы я поехала в Ключевое.

Сразу же за первой Волочаевкой вдоль дороги поблескивают пленкой добротные теплицы, поражают чистотой рядков ухоженные поля. У обочины торгуют ядреными арбузами китайцы — и такой придорожный пейзаж почти до самого Ключевого.

В само село рейсовые автобусы не заходят, останавливаются на повороте. Только один местный пазик заворачивает к остановке, что находится на главной и единственной заасфальтированной улице. Но уехать отсюда в Хабаровск — не проблема. Неподалеку, на разъезде, останавливается «электричка», чередой идут по трассе автобусы и частные «маршрутки». Десять лет назад картина была совсем другой — на местном поезде путь до города занимал больше часа, а единственный автобус дальше соседней Николаевки не шел. С появлением автомобильного моста жизнь в Ключевом если не забила ключом, то заметно ожила. И бывшие безработные механизаторы и животноводы стали устраиваться работать в городе. Сейчас большая часть трудоспособных жителей села впахивает на городских стройках, переквалифицировалась в продавцов, санитарок, официантов, поездных проводников... Ушел работать на железную дорогу и последний совхозный директор Василий Цымбалар, теперь он бригадир поезда.

Хуже всех пришлось тем, кому оставалось несколько лет до пенсии. В это число попала и Софья Соломоновна Козолей.

— Мне за дочку очень было обидно. С 14 лет она группу коров приняла, столько лет доила, потом сторожем была — по здоровью перевели. Как совхоза не стало, не нашла работу. И пенсия у нее теперь где-то тыщи две. Вот и ездит в Хабаровск — то ягоду продать, то огурцы, то картошку. Нонче вот тоже поездом укатила с утра, — рассказывала мать Софьи Соломоновны Ольга Максимовна.

Двор и дом у этих двух, а вернее, трех хозяек на зависть ухоженный, палисадник утопает в цветах. Третья хозяйка — молодая дочь Софьи Соломоновны Надя. Она тоже не работает — живет на пенсию по инвалидности.

— Живность хоть какую держите? — спрашиваю старшую хозяйку.

— Нет, давно не держим, — качает головой Ольга Максимовна. — Это один разор при нынешних ценах — скотину водить. Да еще с нашими пенсиями. Тонна сена три тыщи стоит, а на зиму корове целых три надо. И комбикорм дорогой. Садим огорода двадцать соток — на зиму всего хватает. А мясо из города везем — там оно дешевле, чем в деревне у нас.

— Очень мало люди скота стали держать, — подтвердила глава сельской администрации Светлана Леонидовна Тарасенко. — На 250 дворов — 59 коров, 120 свиней, 15 овец и 1200 голов птицы. Машин больше стало, чем коров. Охладевают многие к хозяйству, к подворью, «огорожанились», можно сказать.

Светлана Леонидовна живет в Ключевом больше двадцати лет, почти десять возглавляет местную власть. Вспоминая тот год, когда в селе ликвидировали совхоз, говорит:

— Это был, конечно же, шок для многих. Люди растерялись, не могли понять, что же произошло. И у многих была какая-то надежда, что все вернется на свое место — ведь не может быть, чтобы деревня осталась не при делах, как бы ни при чем. Но ничего обратно не вернулось, большинство людей стали безработными.

— А сколько человек работало в совхозе в год его ликвидации?

— Примерно двести пятьдесят. Основной костяк составляли скотники, доярки, механизаторы, которым просто негде было устроиться по специальности. И многие стали делать упор на домашнее хозяйство, чтоб прокормиться и куда-то приложить руки. В те годы трудно было найти работу и в городе. Только через несколько лет появился какой-то просвет. Но устроившись в городе, многие люди бросились в другую крайность — перестали держать домашнее хозяйство.

Не нашлось, как оказалось, в селе ни одного желающего создать фермерское либо личное подсобное хозяйство. Что-то намудрили с документами на земельные и имущественные пай — и в результате бывшие совхозники остались и без земли, и без техники.

Почти все это время поля вблизи села не пахались и не засеивались, превратившись чуть ли не в целину. В прошлом году залежь, поросшую травой почти в человеческий рост, отдали в аренду китайцам. Теперь там растет соя.

— Неужели никто даже не пытался сам хозяйствовать на земле? — переспрашиваю главу. — Ведь были же в совхозе хорошие механизаторы!

— Были, — соглашается Светлана Леонидовна. — И я помню, как собирали, и не один раз, мужиков, которые могли бы взяться за фермерское дело.

Это Карловские — отец и три сына, Эгерт, Конюков — бывший главный инженер. У них была кое-какая техника, трудолюбие было. Им говорили: «Давайте, берите землю, пробуйте — вдруг получится!». Но мужики не захотели рисковать: мол, техника — наша кормилица, надо ее беречь, а не гробить. В общем, поосторожничали, поостереглись. А потом приспособились: по весне стали пахать людям огороды, летом — сено косить и возить, зимой — дрова и уголь. За счет этого и живут.

Правда, бывший главный инженер Конюков взял было земельный участок, но вскоре оставил — не пошло дело. Земли в Ключевом и в лучшие времена не были щедрыми на отдачу, может, еще и это останавливало мужиков.

У одного из кандидатов в несостоявшиеся фермеры Алексея Ивановича Карловского во дворе стоит в бездействии совсем нестарый трактор «Беларусь».

— Я его уже после совхоза купил, — рассказывает хозяин. — В складчину с сыновьями. Трактор всегда в хозяйстве пригодится. Но много работать на нем не можем — горючка дорогая, запчасти. Бережем.

Алексей Иванович 47 лет обрабатывал совхозные поля. Помню, как в начале 90-х новоиспеченные депутаты пытались перевести профессию механизаторов в разряд вредных и сократить им на пять лет время выхода на пенсию. Ничего из тех попыток не вышло. И Алексей Карловский за свои 47 лет «вредного» механизаторского стажа заработал целых две тысячи рублей пенсии.

Какой будет пенсия у его сыновей и заработают ли они ее вообще, будучи на вольных хлебах — это тоже вопрос. В городе они не хотят и не могут работать — привыкли к земле, хозяйству, размеренной деревенской жизни. В селе же — никаких пока перспектив на будущее производство.

И это — проблема не только семьи Карловских. Хотя в целом молодежь в селе приспособилась к новой жизни лучше, чем их отцы и матери.

— Знаете, сколько я намаялся, пока до пенсии не доработал? Десять лет! — с горечью вспоминает еще один бывший совхозный тракторист Анатолий Владимирович Шумаков.

— Мне как раз пятьдесят стукнуло, когда совхоз развалился. 33 года стажа, с 17 лет на тракторе. Пять лет нигде путем устроиться не мог — все временно брали. То в Партизанском работал, то в Тополево. И тоже заработал аж две тысячи пенсии. Теперь вот в своем огороде вкалываю, чтоб приварок к своей «крутой» пенсии иметь.

«Вкалывание» на огородах осталось в основном уделом пенсионеров. В совхозные времена многие жители села кроме приусадебных участков имели наделы под огороды за селом — садили там картошку, тыкву. Сейчас даже рядом с домом не вся земля у некоторых освоена. На улице Полевой я видела такие травой заросшие приусадебные участки. Хозяин одного из них нигде не работает, пьет, жена и дочь тоже безработные. Летом и осенью семейство собирает грибы и ягоды — за счет их продажи в основном и живут.

Зато некоторые горожане купили в селе дома с приусадебными участками, оборудовали на них теплицы для овощей — в общем, хозяйствуют на земле получше многих сельских.

— И сколько можно выручить сейчас за дом в селе? — спрашиваю Светлану Леонидовну.

— За хороший шлакобетонный тысяч одиннадцать.

— Так дешево?

— Не рублей — долларов, — уточнила глава. — Так что народ у нас потенциально не бедный, вон какой дорогой недвижимостью владеют. А цены на дома стали подниматься после того, как мост построили через Амур и дорога до Хабаровска стала занимать всего полчаса времени.

Многие, кто удачно устроился в городе, живут материально даже лучше, чем жили при совхозе в последние годы. Ключевому и его жителям повезло уже в том, что это не какая-то далекая глубинка, а близкое к благам цивилизации село. Те, кому сейчас по двадцать лет, мало помнят совхозные времена, а нынешние подростки, не говоря уже о детях, даже и слова такого не знают — совхоз.

По крайней мере, трое молодых парней, обсуждавших что-то у магазина, смутно припомнили, что на краю села стояли

фермы — видимо, там и был совхоз. Двое из них работают охранниками в хабаровских магазинах, один учится в техникуме.

Социальную инфраструктуру в селе после развала совхоза удалось сохранить благодаря невероятным усилиям властей — областной, районной, сельской. Красивое, большое здание детского сада кроме дошколят посещают и младшие школьники, комплекс так и называется — школа-сад. Содержится он на средства районного бюджета. Воспитываются в саду-школе примерно 150 ребятишек, а летом многие отдыхают под присмотром воспитателей на оздоровительной площадке.

Работают Дом культуры, библиотека. Сельский ДК возглавляет Любовь Устиновна Рига, которая в совхозные времена была бессменным председателем рабочкома, хлопотала о путевках, условиях труда рабочих — в общем, как могла защищала их интересы. Потом ей пришлось работать в городской больнице, но глава сельской администрации убедила бывшего профсоюзного лидера возглавить очаг культуры. И Любовь Рига согласилась. Благодаря ей поддерживается культурная жизнь в селе, работают клуб «Ветеран», самодеятельные кружки. А вот кино в ДК не показывают уже лет десять, в пустовавшее помещение бывшей киновудки перешло отделение связи.

На содержание сельской «социалки» из районного бюджета выделяется в год до трех миллионов рублей — своего бюджета местная администрация не имеет. И откуда ему быть, если нет в Ключевом ни предприятий, ни фермеров, ни индивидуальных предпринимателей. Даже владельцы частных магазинов нездешние. Взялся было открыть торговую точку один житель села, да вскоре обанкротился.

В сельской библиотеке поинтересовалась читательскими вкусами селян.

— Читают сейчас в основном детективы и любовные романы. Ну еще школьники по программе классику берут, — ответила библиотекарь Наталья Захарова. — Газетами, журналами многие перестали интересоваться, да мы их немного и выписываем — это сейчас дорогое удовольствие.

О совхозной жизни Наталья Николаевна вспоминает с ностальгической грустью:

— Люди тогда не были разобщены, как сейчас, чаще общались, собирались вместе. Теперь разве только пенсионеры еще собираются, а те, кто в городе работают, они по городским законам больше живут — минимум общения с соседями и односельчанами.

Остались в селе и безработные — около ста человек, хотя на официальном учете стоит в десять с лишним раз меньше.

Вот такой ключевой поворот претерпела за десятилетие жизнь первого в области бессовхозного села. С будущего года в Ключевом не будет и своей администрации — село стало частью Николаевского городского поселения. По поводу предстоящих перемен здесь прошел большой сход, на который приехал сам глава районной администрации Александр Глушенко. Жителям все объяснили, растолковали, что жизнь у них хуже не станет — вроде успокоился народ. Но тревога в глубине души у многих осталась, новых социальных потрясений люди откровенно опасаются после пережитого десять лет назад.

Остается добавить, что после Ключевского совхоза в области были ликвидированы и реорганизованы все совхозы и колхозы. А число жителей, занятых непосредственно сельским хозяйством, за десятилетие сократилось почти в пять раз. В самом Ключевом таковых не осталось вообще.

2005 г.

РОДИНА С ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО

Переселяющийся — так переводится с латыни слово «мигрант». Мигрантом можно назвать и человека, переехавшего жить из Хабаровска в Биробиджан, и гражданина другого государства, пожелавшего сменить страну проживания. В России внутренняя миграция всегда поощрялась, особенно переселение в Сибирь, на Дальний Восток, северные неосвоенные территории. По сути, почти все мы, дальневосточники, либо сами мигранты, либо являемся их потомками.

Среди тех, кто заселял нашу дальневосточную землю, были и корейцы. Первые корейские поселения появились в Приморье в конце 60-х годов XIX века, когда в Корее разразился страшный голод. Трудолюбивый, услужливый и неприхотливый к условиям жизни народ настолько вписался в российскую действительность, что знаменитый исследователь Азии Н.М. Пржевальский назвал эмиграцию корейцев в Россию одним из «замечательных явлений, совершающихся в последнее время на крайнем востоке Азии».

Чуть позже корейцам разрешили селиться и на Амуре. Так неподалеку от казачьих станиц Пузино и Нагибово появилось корейское село Благословенное. Жили корейцы и в других селах и поселках области. Сегодня самая большая корейская диаспора осталась в Биробиджане.

Так же, как и другие народы, корейцы пережили репрессии, а перед войной почти всех представителей этого народа переселили с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию

— боялись, что корейцы могут стать «пятой колонной» в противостоянии СССР с Японией.

В 50-е годы и начале 60-х годов прошлого века, когда Китай и СССР дружили социалистическими домами, к нам стали переселяться и китайские корейцы, которые имели родственников в СССР.

У кореянки Нань Изинь Шу, которую все биробиджанские знакомые зовут Надей, старшая сестра Зоя уехала из Китая в Биробиджан в 1961 году. Здесь жила сестра ее мужа, и когда в Китае началась «культурная революция», решила семья Зои попросить политического убежища в СССР.

— Много лет мы боялись говорить, что наша сестра живет в России, много лет не переписывались, — рассказывает Надя. — Только когда у вас перестройка началась, получили от Зои письмо. Она очень хорошо писала о Биробиджане, и мы решили поехать в гости, посмотреть.

Семья Нади-Нань жила в корейской деревне, в провинции Хэйлунцзян, недалеко от Харбина. В эти места корейцы, в числе которых был Надин дед, тоже переселились в голодные времена. В селах имелись корейские школы, сохранялся национальный уклад. Но учили и китайский, и русский языки.

— У нас было девять детей в семье, но живых осталось четверо — три сестры и брат, — продолжает Надя свой рассказ. — Жили тяжело, хотя и много работали. Брали в аренду землю, выращивали рис, овощи. С детства на рисовых полях работала чуть не по колено в воде, с тех пор ноги очень сильно болеть стали.

Жизнь в Китае Надя вспоминает как черно-белое кино. Черные полосы — это тяжелая работа, голод, который пришел вместе с «культурной революцией», репрессии, от которых пострадали многие односельчане.

— Один раз хунвэйбины пришли арестовать моего дядю. А когда увидели у него на стене портреты Карла Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна, извинились и ушли, — вспоминала Надя. — Перед тем, как садиться за стол, мы должны были спеть гимн Мао Цзэдуну — это было обязательно, как для верующих молитва.

Даже в конце 80-х не ушли от бедности. Не голодали, но купить что-нибудь в дом было проблематично. Первые теле-

визоры в их селе, как и электричество, появились в конце 70-х. А холодильник, стиральную машину смогли купить, когда уже переехали в Россию.

— Зачем мы решили поехать в Россию? — переспрашивает меня Надя и, немного подумав, отвечает:

— Выросли дети, хотелось, чтобы они жили лучше нас, имели хорошую работу — в Китае тогда было много безработных. А в России началась перестройка, и Зоя нам писала, что живет очень хорошо, работает на чулочно-трикотажной фабрике, у них свой дом, их уважают.

Сперва уехать в Россию решились семьи сестры Марины и брата Толи. В начале 90-х получила вид на жительство в нашей стране и Надя-Нань.

Их семья, прожив долгие годы в Китае, обрела здесь, в России, вторую родину. А родина начинается с отчего дома. И Надя с мужем Валерой его построили — крепкий, добротный дом возвели они на Партизанском поселке своими руками.

— Муж строил, я помогала, — смущенно улыбается Надя, преуменьшая свои заслуги в строительстве.

Менталитет корейской женщины — возвышать своего мужа, показывать, что он — главный, он — хозяин в семье. Даже обращается жена к супругу чаще всего не по имени, а уважительно: муж, хозяин.

Построив дом, посадили сад, разработали огород, возвели теплицу с подогревом. Урожаи были отменными, Надя торговала овощами и арбузами на рынке, на это и жили. Свои дома построили и семьи брата и сестры.

Сыновья и дочь стали частными предпринимателями. И все вроде бы налаживалось, но... Ее доброго, никогда никого не обидевшего старшего сына Женю убили беспредельщики, убили ни за что — просто не вовремя он оказался на их пути. Оплавав кровиночку, Надя подумала было вернуться в Китай — боялась за судьбу оставшихся детей. Но утешили ее, убедили остаться и жить несмотря ни на что не только родня, но и русские друзья-соседи.

Еще до гибели сына, в Китае, у Нади обнаружили диабет, а с ним и другие болезни. После похорон здоровье ухудшилось еще больше.

Шесть лет назад, поехав в Китай в гости, сильно заболела. Пошла к местным врачам, а те ей вынесли приговор: «Месяц

проживете, не больше». Вернулась с трудом домой, в Россию, без надежды пошла уже к нашим врачам. Ей назначили курс лечения, и болезнь отступила. Учитывая тяжелую форму диабета, дали инвалидность и скромную пенсию. Но Надя и этому была рада.

— Очень хорошие врачи здесь, и за пенсию спасибо — в Китае мне бы и такую не дали, — говорит с благодарностью.

Муж также получает пенсию, но по старости — около тысячи рублей.

После тринадцати лет жизни в России ни Надя, ни члены ее семьи так и не стали ее гражданами. И хотя на обложке их паспортов красуется российский герб с двуглавым орлом, в самих паспортах записано: имеют вид на жительство.

До введения нового закона о гражданстве получить это самое гражданство было несколько проще.

— Мой брат успел это сделать, а я обратилась позже, когда действовал уже новый закон. Мне сказали: надо сдать экзамен по русскому языку. В институте. А я не сдала, — вздыхает Надя.

Разговорный русский Надя освоила, научилась, правда, печатными буквами, писать, читает русские газеты, смотрит по телевизору передачи и сериалы на русском языке. Но в институте — так называет Надя нашу социально-гуманитарную академию — ей устроили настоящий экзамен с пристрастием — чтобы не только говорила и писала, но и знала правила правописания. Хотя эти правила, по большому счету, не знает добрая половина наших соотечественников. Но закон есть закон. И Татьяна Белова, и.о. начальника отдела федеральной миграционной службы РФ по ЕАО, когда я рассказала ей о Наде и устроенном для нее экзамене на гражданство, ответила, что по-человечески она все понимает и сочувствует, но как чиновник должна подчиняться закону и строго его исполнять.

Между тем из-за диабета Надя стала слепнуть, ей сделали операцию, но она почти не помогла. А весной, когда резко обострились все ее болезни, дали Наде направление в больницу. В приемном покое, повертев в руках ее страховой полис, документ вернули и сказали: «Надо поменять на новый». Надя пошла в страховую компанию «РОСНО», где выдают медицинские полисы частным лицам, а там, забрав старый

полис, заявили, что новый ей не положен, так как она — не гражданка России.

Проплакав весь вечер, Надя наутро снова отправилась в больницу.

— Мы вас положим без полиса, но лечение и пребывание в больнице придется полностью оплатить, — сказали ей.

Пробыв две недели в стационаре, Надя уплатила за «услуги» семь с половиной тысяч рублей — почти четыре ее «инвалидные» пенсии. Но и на этом не закончились ее беды-проблемы. Без полиса больной тяжелой формой диабета не положено было получать льготные рецепты на приобретение инсулина. Известно, что в России все больные диабетом приобретают лекарства в аптеках бесплатно. По рецептам, которые дают при наличии полиса. А без рецепта тот же инсулин просто не продают. Ни за какие деньги.

Надя зашла вечером к соседке Наташе заплаканная, и они вместе стали думать, что делать. Обзвонили все аптеки — инсулин за деньги продавался только в одной. Но тоже по рецепту. Врач-эндокринолог, узнав о Надином бедственном положении, посочувствовал женщине и «в последний раз» выписал рецепт: «Я ведь вас, много лет лечу, поэтому жалею». Надя отдала за месячную норму инсулина почти всю свою пенсию, но была рада тому, что лекарство удалось-таки достать.

Соседка Наташа, ставшая Наде подругой, пыталась помочь ей с полисом, звонила в «РОСНО», но в ответ слышала: «Все сделано по закону, мы не можем его нарушать».

«По закону» Наде-Нань оставалось... умирать от диабета. Я, честно говоря, не могла понять, почему и инвалидность, и пенсию негражданка Надя «заслужила», а страховой медицинский полис — нет. Абсурд какой-то...

Но к полису я еще вернусь, а пока скажу о других сторонах жизни корейских мигрантов в России.

За все годы жизни в Биробиджане ни Надя, ни члены ее семьи, ни родственники ни разу ни в чем не нарушили российские законы. Законопослушность — это их семейная черта.

Со всеми проблемами они пытаются справиться сами, не ждут милости от государства или чужого дяди.

Они очень дружелюбны, никогда за 13 лет ни с кем не поссорились.

— Люди очень хорошие в России, добрые, — говорит Надя, хотя, знаю, на ее пути попадались не одни добряки.

Уже здесь, в России, нашел свою любовь сын Саша и привел в дом русскую невестку Вику. Надя с Викой нашли общий язык, Вика понемногу осваивает корейский, Надя совершенствуется в русском.

Семья дочери уехала жить и работать в Магадан. Муж у Вали — китаец, а вот сына, родившегося в Биробиджане, они назвали еврейским именем Давид. Сейчас Давид гостит у китайских бабушки и дедушки. Теперь Надя ждет не дождется «русского» внука или внучки.

— Такой редкой доброты, такой любви к людям, как у Нади, я в жизни не встречала, — убеждает меня ее соседка Наташа. — Она сама всем готова помочь, столько вещей отдала в церковь для малоимущих, за всех переживает. А я за нее переживаю, не знаю, как помочь.

У Надиных сестер и брата жизнь в России складывалась тоже не гладко, но они твердо решили, что другой родины им не надо. Выучили здесь детей — один племянник Нади стал врачом, другой заканчивает хабаровский медицинститут, а две племянницы учатся на инязе нашей академии.

Корейские традиции они не забыли, по-прежнему предпочитают национальную кухню, но не отказываются и от русской еды. На Новый год, который отмечают и по русскому календарю, готовят по особому рецепту корейский хлеб из риса — без него праздник не праздник.

Находит Надя здесь, в России, и пищу для души — по средам и воскресеньям ходит в одну из корейских христианских церквей «Урим». Приходят туда вместе с корейцами и русские, и китайцы — служба в церкви идет на трех языках.

— Ничего, — светится добрейшей улыбкой Надя-Нань, — все будет хорошо. Я очень люблю Россию — красивая она, очень красивая. И Биробиджан красивый, добрый...

Медицинский полис Наде спустя восемь месяцев все же выдали — после того, как ее соседка Наташа обратилась за помощью к нам в редакцию. Руководитель страховой компании «РОСНО» Александр Еремин, выслушав Надину историю, сказал примерно то же, что и Татьяна Белова: мы все делаем по закону, а законы принимаем не мы. Но раз такая

ситуация, когда человек тяжело болен, пойдем навстречу, поможем.

Пошли. Помогли. И на том спасибо. А вот станет ли семья корейнки Нади-Нань полноправным членом большой семьи народов России — этот вопрос из добрых побуждений не решишь. Тут Наде придется ждать, долго ждать. Но она терпелива и очень надеется дождаться.

2006 г.

ШЕСТЬ КАДРОВ ИЗ ЖИЗНИ МИХАИЛА ШЕСТОПАЛОВА

2 июля в музее изобразительного искусства откроется выставка фоторабот Михаила Шестопалова. Думаю, увидев эту фамилию, многие вспомнят неугомонного фотокора «Биробиджанской звезды», которого часто можно было увидеть и на городских улицах в поисках интересного кадра, и в заводском или фабричном цехе, куда он приходил по заданию редакции, чтобы сделать производственный снимок или запечатлеть передовика производства на его рабочем месте для первой газетной полосы. Но больше всего любил Михаил Архипович фотографировать сельских жителей, сельские пейзажи. Командировки в районы были для него той отдушиной, которая уводила его от городской суеты, давала возможность пообщаться с людьми от земли, которых он искренне уважал и имена которых помнил потом многие годы...

Считается, что газета живет один день. Михаил Шестопалов проработал в «Биробиджанской звезде» 52 года — почти 19 тысяч дней. Даже если вычесть выходные дни, то цифра все равно получится впечатляющая. А снимки требовались в каждый номер, и не один, не два, не три. Так что если я навскидку скажу, что за полвека с гаком фотожурналист опубликовал около ста тысяч снимков, то ошибусь не намного.

Завтра мы увидим малую толику того, что он создал. Но эта толика дорога уже тем, что напомним нам и решения судьбоносные, и рядовые моменты истории области, которую «писал светом» Михаил Шестопалов. Ведь слово «фотография» переводится с греческого именно так — светопись.

Я же хочу воспроизвести кадры из жизни самого Михаила Архиповича Шестопалова.

Кадр первый. Родословная

Этот любительский снимок, хранящийся в областном краеведческом музее, был не один раз опубликован и в газетах, и в сборниках, выпущенных к юбилеям области. На нем — два бравых казака, гордо восседающих на конях.

— Один из казаков — мой отец, второй — дядя, муж мамин-ной сестры Арсентий Бочкарев. Тогда они были действительно на коне, — *рассказывает Михаил Архипович.* — Отец и два его брата — Дмитрий и Сергей — имели и лошадей, и пасеку в районе Птичника. Когда начались репрессии, отцу с братьями дали понять, что пасеку лучше ликвидировать, а коней продать. Что они и сделали. А вот дядю Арсентия взяли. Но мы тогда не понимали, что происходило. Идет, к примеру, фильм в кинотеатре, открывается дверь, выкрикивают: «Петров, на выход!». И больше этого Петрова никто не видел.

— Михаил Архипович, а о корнях своих что вы знаете? — спрашиваю.

— Деда моего по отцовской линии, Николая Ивановича, привезли еще мальчишкой в станицу Воскресеновскую. Он был из семьи самых рядовых казаков, никаких чинов не имевших. Но жили они справно, хозяева были хорошие. Дед гордился тем, что имеет пятерых сыновей. Старший, Архип, — мой отец, а еще были Никон, Максим, Дмитрий и Сергей.

Семья Николая Шестопалова круто изменила свою жизнь в 20-м году, переехав на маленькую станцию Тихоньяка, жители которой даже не помышляли о том, что будут жить в центре автономной области. И вообще, время было смутное, шла гражданская война. Архип уже был женат, жена Александра тоже была из казачьей семьи, жившей в соседнем селе Степановке. В Тихонькую они приехали с грудным ребенком на руках.

Архип Шестопапов устроился строителем и этой профессии отдал всю свою жизнь.

Всего детей в семье Архипа, как и у деда, было пятеро. Удивительно, что в довоенные годы, когда и семилетка считалась большим образованием, его дети смогли закончить либо среднюю школу, либо вуз. Судьбы их сложились поразному.

Алексея после Омского военного училища в 39-м призвали на финскую войну. Так и не доехав до дома, он участвовал потом в освобождении Западной Украины и Белоруссии, а вскоре началась Великая Отечественная война. Погиб лейтенант Шестопалов в боях под Полтавой.

Единственная дочь Архипа Зинаида, красавица и умница, поступила перед войной на химический факультет МГУ. В войну университет эвакуировали в Казахстан, и только последний курс Зина заканчивала в столице. Она вернулась в родной Биробиджан, стала учительствовать в своей родной 1-й школе. Умерла Зинаида очень рано, в 53-ем, оставив после себя сына.

Михаил был третьим ребенком в семье. Девять классов средней школы он закончил в войну, а в 1945-м его призвали в армию.

Петр, как и отец, стал строителем, много лет проработал прорабом — по сути, добрая треть города была построена при его участии.

Младший, Александр, ушел из жизни рано, от него остались две дочери и сын.

Сам Архип Шестопалов дожил до весьма преклонных лет — 98 ему было, а жена его Александра Степановна скончалась в 92-летнем возрасте. Кстати, дед Михаила Архиповича Николай тоже прошел 90-летний рубеж. И дед, и отец вели здоровый образ жизни, не злоупотребляли ни спиртным, ни табаком, много работали. Почти все внуки и правнуки первостроителя Биробиджана Николая Шестопалова получили высшее и среднее специальное образование.

— Отец нам всегда говорил: надо надеяться на себя, все уметь в жизни. И не только говорил, но и вырастил нас такими. А мы уже старались своих детей воспитывать по отцовской науке, — вспоминает Михаил Архипович.

Кадр второй. Детство

Спрашиваю у своего собеседника, каким запомнил он Биробиджан своего детства.

— Помню, что улицы Октябрьская и Ленина были выложены брусчаткой, похожей на булыжники. В районе нынешней Сельхозтехники был Морозовский поселок. Вообще за-

селение города по национальному признаку тогда было обычным явлением. Был корейский поселок, компактно селились татары.

Там, где сейчас находится здание областного суда — бывший обком — был лесокомбинат с большой лесопилкой. Туда меня отправили, помню, с первым редакционным заданием — сделать фоторепортаж. Пробыл там чуть не полдня, а в итоге получился один снимок, и к нему — сто строк текста.

Сейчас мало об этом вспоминают, но строили и мостили город заключенные Бамлага. В частности, улицу Волочаевскую.

Достопримечательностью города были так называемые боярские домики — три теремка, построенные для руководства области. Стояли они на месте нынешнего ресторана «Фрейд». А на Волочаевской улице построили школу-интернат из нескольких домов, похожих по архитектуре на боярские домики, там жили дети-сироты.

Наш дом стоял в районе Пищепрома — предприятия, где в огромном ассортименте выпекали хлеб, булки, пряники. Построили его и работали там в основном евреи, а вкус хлеба, помню, был бесподобный.

А в 33-ем году Биробиджан голодал. Мне было семь лет, и я все время хотел есть. А есть было нечего. На лесопилке, где работал отец, забили лошадь-доходягу, поделили мясо. Отец принес кусок конины, и это был праздник. Помню, в 46-ом году пришлось пережить почти то же самое — тяжелый был год, голодный.

— Тяжелей военных лет?

— Голодней. В войну так не голодали, как в 46-ом.

Кадр третий. Война

В июне 1941-го Мише Шестопалову было 14 лет. Из их 1-й школы, прямо из десятого класса, забрали на фронт многих парней. Его очередь подошла в 1945-м — десятый класс Шестопалов закончить не успел.

— 1925-й год ушел на Западный фронт, а наш 1926-й оставили на Дальнем Востоке добивать японцев. Хуже всего на войне — ожидание, а ждать перехода границы пришлось очень долго.

— Кем вы были на войне?

— Вычислителем. Была такая должность в арtpолку — надо было точно вычислять, где находится позиция противника, чтобы нанести удар.

Мы ведь уходили на войну подготовленными: ездили в 9-м классе на военные сборы, где нас учили бывшие фронтовики, комиссованные после тяжелых ранений. Наша школа в войну была госпиталем, а под школу отдали переселенческие бараки, где учились в три смены.

Перед медкомиссией Михаил скрыл свою болезнь легких, надеялся, что все обойдется. Но в конце войны в госпиталь таки попал и был комиссован.

При освобождении китайского города Дуннина запомнил эпизод: они, солдаты-победители, зашли в город, где еще, что называется, не остыли следы японцев. В одном из ресторанов были богато накрыты столы.

— Мы-то думали, это японцы не успели поесть из-за нашего наступления, а оказалось, что еда была оставлена для нас. Отравленная. С таким коварством врага нам приходилось сталкиваться не раз.

Кадр четвертый. Работа

После войны Михаил Шестопалов заочно закончил десятый класс, стал искать работу. Как-то шел мимо газетной витрины, остановился. В глаза бросилось объявление: «Требуется корректор».

— Зашел в редакцию. Форма на мне военная. А ответственный секретарь Наум Фридман сам был в гимнастерке, с орденом Красной Звезды на груди. В общем, поняли мы друг друга без лишних слов, и уже на другой день я приступил к работе. Моим наставником был старший корректор Саул Шифрин, а вот подчитчиками были молодые девчата Поля Брен, Оля Бобровник, Нина Лалиашвили. Типография тогда работала круглые сутки, но свет часто отключали. И котел, где для линотипов расплавляли металл, грели паяльными лампами, чтобы он не застыл. Выходила газета 5 раз в неделю. Как-то выбились на несколько суток из графика — пришлось ехать в Хабаровск и там печатать недостающие номера. Когда я перешел в фотокоры, то в Хабаровск часто ездил делать

клише. А поезда шли переполненные, мест не было. Ехал зайцем, а потом платил штраф 50 рублей.

— А зарплата была какая?

— 690 рублей. Как раз на десять килограммов соевых пряников хватало, которые продавались в коммерческих магазинах. Но выдавали деньги строго два раза в месяц.

— Как вы стали фотокором?

— Первым моим редактором газеты был Михаил Фрадкин. Как-то вечером мы с ним поговорили о моем переходе на творческую работу. А утром приходим и узнаем: Фрадкина арестовали. Заменял его Константин Резвов, который стал активно ратовать за то, чтобы каждый корреспондент научился фотографировать. Закупили «Зениты», и один достался мне. Даже помню, что стоил он 700 рублей.

— Говорят, журналисты в Биробиджане после войны были очень сильные, приезжали даже из Москвы, Ленинграда, других больших городов.

— Это так и было. Федор Куликов, редактор газеты, был прежде собкором «Комсомольской правды», имел звание заслуженного работника культуры. Заведовать сельхозотделом прислали бывшего журналиста «Тихоокеанской звезды» Молокоедова — чем-то он там не угодил. Отличными специалистами были Ярмилко, Саморский, а ответственным секретарем работал выпускник Ленинградского университета Бредов-Бродский. Он потом трагически погиб. Отдыхал на реке и увидел: девочка тонет. Ее спас, а сам утонул. Я готов вспомнить многих бывших коллег, назвать их имена, но было бы лучше, если б в городе нашли возможность сделать небольшой музей печати. Знаю, что это не только мое желание.

В 50-е годы Михаил Шестопалов стал внештатным фотокорреспондентом ТАСС, его снимки часто появлялись в краевых и центральных газетах. К небольшой зарплате фотокора это давало хорошую прибавку. А к тому времени у него уже была семья. На квартиру надеяться не приходилось — пришлось строить дом.

Как жаль, что многое из того, что услышала я от своего собеседника, в этот рассказ не войдет — слишком тесны газетные рамки. Но о некоторых моментах фотокорской жизни Михаила Шестопалова невозможно не рассказать.

Кадр пятый. Фотокорреспондент

Мне очень часто приходилось ездить с Архипычем — так звали Михаила Шестопалова коллеги — в сельские командировки. С ним было надежно, потому что в селах фотокора «Биробиджанки» знала, что называется, каждая собака. И когда мы заходили в кабинет директора совхоза или приезжали в поле, на ферму, Архипыча встречали как своего. А журналисту, который с ним приезжал, само собой, была зеленая улица.

Он подстраховывал молодых коллег, тщательно записывал в блокнот фамилии, должности тех, кого снимал. Как-то я сказала ему: «Михаил Архипович, я всех записала, запомнила, зачем же вам-то писать?». «Я делаю свою работу, вы — свою», — ответил он, удивившись самой постановке вопроса.

Архипыч не хуже агронома знал поля, знал, где и когда начинается сев, заранее выезжал в это село и, когда выходили трактора, делал эксклюзивный снимок.

Было у него и строго установленное неписаное правило: он делал дубликаты снимков, запечатывал в конверты и отправлял своим героям.

Его герои вырастали, мужали, старели, а он оставался с ними. Клавдию Елютину, известного в 80-е годы бригадира овощеводов из Желтого Яра, он впервые снял, когда она была совсем молоденькой девчонкой. А потом пришлось снимать ее через сорок лет.

Попадал Архипыч и в экстремальные ситуации. Как-то в Бабстовском совхозе делал на поле снимки двух новых тракторов, захотелось обзор охватить пошире. Стал пятиться назад и угодил в большую канаву, полную воды. Еще легко отделался. А в Облучье решил сфотографировать строительную бригаду, стал выбирать фон поэффектнее: «Пячусь потихонечку и не могу понять, почему лицо у бригадира блее мела, и что за знаки он мне подает. И только оглянувшись, понял, что я чуть не провалился в огромный лестничный проем».

Высокий профессиональный уровень Михаила Шестопалова ценили и отмечали. Одним из первых журналистов в области он получил звание «Заслуженный работник культуры РФ», а семь лет назад ему было присвоено звание «Почетный гражданин ЕАО».

Кадр шестой. Не последний

Семейная жизнь у Михаила Архиповича сложилась счастливо. Детей они с женой Галиной Николаевной вырастили замечательных. Евгений работает в бухте Преображения начальником судовой радиостанции. Татьяна — в Центре детского творчества в Биробиджане. Закончила институт внучка Катя, служит в органах МВД внук Виталий, а две дочери Евгения уже сами матери, так что у Шестопаловых есть и две правнучки.

На выставке, которая откроется завтра, к сожалению, не будет ранних снимков фотокара — все негативы были испорчены, когда в фотолаборатории прорвало трубу. А ведь как бережно хранил он свой архив, каждая пленка была помечена и сложена в аккуратные конверты-пакеты. Он всегда педантично относился к тому, что касалось его профессиональной деятельности.

Все, кто знает Михаила Архиповича Шестопалова, рады тому, что его творчество вернулось к нам в год 70-летия области. Ветеран журналистики искренне благодарен всем тем, кто помог выставке состояться: Законодательному собранию ЕАО, депутату Госдумы Сергею Штогрину, областному и городскому отделениям партии «Единство», Союзу журналистов ЕАО, редакциям газет «Биробиджанская звезда», «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская неделя», отделению Пенсионного фонда РФ по ЕАО и Союзу славян области, предпринимателям Иосифу Бренеру и Вадиму Темцину, фотохудожнику Ефиму Вепринскому и редактору ГТРК «Бира» Михаилу Клименкову, взвалившим на себя груз организационных дел.

Придите, обязательно придите на эту выставку, где каждая фотография — сама история, сама жизнь с ее неповторимыми кадрами-мгновениями.

2004 г.

**Людмила
Александровна
НЕБУРОВА**

Журналистом стать не мечтала. Все произошло как-то само собой. В крохотной районной газетке «Алеутская звезда», выпускаемой на самом дальнем нашем острове Беринга, профессиональные журналисты подолгу не задерживались, а поскольку я всегда лучше всех писала школьные сочинения, то после окончания десятилетки была приглашена на пробу пера в «Алеуточку», как с любовью называли свою районку жители Командорских островов. Сейчас думаю, что это Судьба. Через год поступила на факультет журналистики в ДВГУ, а уж потом поиски работы привели в Биробиджан. Областной радиокомитет, редакции газет «Биробиджанская звезда» и «ДиВox», самостоятельное редактирование первой частной газеты в ЕАО «Биробиджанская неделя», ставшей в 2004 году Лауреатом Конкурса Союза журналистов России в номинации «За мужество и принципиальность в отстаивании позиции и независимости издания». С 1999 года – председатель правления Союза журналистов ЕАО.

И ЖИЗНИ БЕГ НЕОБРАТИМ...

«Прошу принять меня в члены ВКП(б). Я буду выполнять все решения и задания партии, буду повышать свой политический уровень.

В период Великой Отечественной войны все свои силы буду отдавать на трудовом фронте и по первому призыву партии готова с оружием в руках выйти на защиту Родины.

Ф.Кофман».

Слова эти искренни, написаны от самого сердца, как, впрочем, и все, что делала в жизни Фира Моисеевна. Ее заявление в партию, датированное декабрем 1942 года, хранится в областном партийном архиве как образец беззаветной преданности Отчизне, ясного сознания своего патриотического долга и неиссякаемой веры в Победу.

Она ушла бы на фронт, если бы не дети. Если бы не вдовы и солдатки, подростки да старики, которые остались в ту пору в строительном управлении взамен кадровых рабочих, призванных в армию. Новых объектов тогда не начинали, вели капитальный ремонт жилья, выполняли срочный военный заказ — строили сто передвижных домиков. И надо было самим валить лес, пилить его, сплавлять по реке.

Рабочий день — 24 часа

«Я помню, мама, как ты толкала бревно. Оно ни с места, а ты его толкаешь-толкаешь», — недавно вспомнил старший сын Ленья. Ему сейчас самому под пятьдесят, и голова в седи-

не, а в памяти отозвалось эхо из такого страшного далека. Ленке тогда и шести не было, а бревна непосильные она толкала потому что шла война и здесь в далеком маленьком Биробиджане, как и по всей стране, нельзя было выделяться и пользоваться каким-то особым правом. Даже если ты совсем невысокая и некрепкая на вид молодая женщина. Прораб или просто рабочая — тоже не имело значения. Если прораб, значит должна делить со всеми самое трудное. Если твоих маленьких детей некуда девать, — значит, и они пусть бегут тут же, среди взрослых, со всеми остальными ребятами. Твой муж в армии — значит, тем более твоя доля общая.

А остальное запомнилось навек самой. Как до света будит она сына и дочь, сажает их впереди себя на велосипедную раму и везет через весь город в детский сад. Зимой этот же путь проделывала на санках по трескучему морозу. А рабочий день — 24 часа минус время на сон, у которого уворовано столько, чтобы постирать и подштопать одежду ребятешек и свою.

Была за старшего прораба и за начальника механической мастерской, а там еще и строительные склады ей передали: единственного мужчину Петра Чаленко срочно направили в колхоз поднимать сельское хозяйство, в спешке некогда было выбирать замену. Как только выдюжила? Изю дня в день: ребятешек в детсад, сама — на велосипед и по объектам.

Выручал огородик. Чтобы не голодать зимой, нужно было весной посадить огород, а прежде вручную раскорчевать участок. И другими людьми заняться, теми особенно, у кого опустились руки. Нужно, чтобы и у них зимой имелись картошка и капуста.

— Огороды тогда были политикой, — вспоминает Фира Моисеевна. И эту политику парторг выполняла как прямой наказ партии, увлекая людей словом и личным примером.

Фира Моисеевна Кофман с мужем Зельманом Иосифовичем Резницким еще долго сажали огород. И даже когда разъехались дети, они не надеялись на рынок и магазины. «Если можешь работать — как не работать?» — этот вопрос к самим себе, возведенный в принцип, заставлял их, сверхзанятых всегда людей, успевать и здесь.

«Я обижаюсь даже, когда меня спрашивают: почему ты еще работаешь? Это то же самое, если спросить: почему ты еще живешь?»

За свои семьдесят лет Фира Моисеевна так и не научилась отдыхать. — Самое трудное для меня время — отпуск, — признается она. Вот и в этот раз он начался с неприятностей. Организм, однажды настроенный на волну постоянной напряженности, не знающий праздности, вдруг вышел из повиновения, и сразу всплыли наружу всяко рода недомогания. На третий день она сказала себе: хватит бездельничать и утром пришла в управление. Так было и раньше. Гадали сотрудники, чем займется на этот раз?

Что оставим на память

Идею создать в тресте «Биробиджанстрой» музей Фира Моисеевна вынашивала давно. Но за неимением свободного времени откладывала это дело до более подходящего случая. И вот он представился. Молодежь должна знать историю своего предприятия, и Фира Моисеевна не прекращает поиски новых документов, фотографий, экспонатов, которые должны занять свое место в будущем музее. Она встречается и сама организовывает встречи с ветеранами стройки, записывает их воспоминания, и интересуется, не сохранили ли старые инструменты. Вот у С. Бондарева лучковая пила в отличном состоянии. Чем не экспонат для музея?.

Как-то Фира Моисеевна спросила молодых рабочих: — Видели когда-нибудь «козу»?

— Что это такое? — удивились начинающие строители. А она не огорчилась — порадовалась за молодежь, понятия не имеющую о подобных орудиях труда. Хотя и сейчас еще помнит, как даже по ночам снилась ей эта проклятушая «коза». Было такое нехитрое приспособление для подъема вручную кирпича на этажи.

Что было, то прошло, но отчетливо живет в памяти потому, наверное, что проходило на ее глазах. Росли люди, набирала темпы стройка. Первый подъемный кран «Пионер» встретили тогда еще в строительном управлении как подарок судьбы. И всякий раз радости не было границ, когда удавалось механизировать тот или иной процесс. И ей так дороги были

Это фото сделано через 20 лет после газетной публикации. В свои девяносто Фира Моисеевна по-прежнему полна жизненной энергии.

эти перемены, словно не управление, а живой человек рос и набирался сил рядом с ней.

Много прекрасных специалистов вышло из стен управления. Все нынешние инженерно-технические работники начинали здесь рабочими. Плотником — начальник участка П.А. Шестопалов, из рабочих вышли прорабы Г.А. Найко, В.И. Учитель, А.Р. Глебов, Э.М. Шафранский. Все ступеньки от рабочего до руководителя прошел в коллективе бывший главный инженер треста «Биробиджанстрой», ныне управляющий трестом «Биробиджанводстрой» Я.С. Винокуров. Сколько еще фамилий можно назвать!

На ее глазах кавалерами ордена Ленина стали С.П. Гринберг и Д.Я. Глейзер, заочно закончил институт плотник П.А. Ненад, вышли в знатные бригадиры А.В. Быков, А.И. Важнин, В.Я. Дармодехина, В.Д. Матисова, В.А. Коньков, Л.С. Кардашенко. И если бы она даже не была, пусть чуточку, причастна к росту многих из них (а приходилось и агитировать за учебу, и подбадривать, и тормозить, и рекомендовать самых достойных в партию), все равно для нее самой это имело бы большое значение.

Под шелест старых фотографий

С Фирой Моисеевной рассматриваем фотографии. В семейном альбоме их немного. Часть она отдала школьникам, ведущим летопись города, несколько снимков взяли сотрудники областного краеведческого музея для экспозиции «Первостроители», что-то отобрано для трестовского музея.

Но и те фотографии, что остались многое рассказывают о моей собеседнице.

Этому снимку полвека. Неизвестный любитель запечатлел строительство почты. Несколько мужчин заняты плотницким делом. На втором плане фигурка девушки в лихо сдвинутой набок кубанке. Хозяйке дома здесь двадцать лет. Судя по всему, опытные строители уже признали ее «своим парнем».

А здесь Фира Кофман снялась со своей подругой Кларой Альперович в 1937 году. Сейчас Клара работает в Хабаровске. Сколько теплых воспоминаний вызвало это фото! Еще одна группа снимков более позднего времени. На них — Фира

Моисеевна на разных представительствах. За годы работы где только не побывала, с какими людьми не встречалась! В 1963 году была избрана делегатом XIII съезда профсоюзов, а в 1972 представляла нашу область на Всесоюзном съезде строителей.

— Помню, в гостинице, в Москве, — рассказывает Фира Моисеевна с улыбкой, — администратор заглянула в мой паспорт, тогда еще была там отметка о месте работы, и удивилась: «С 1936 года в одной организации работаете? Неужели один штамп за всю жизнь?».

— Да, — говорю, — один-единственный. За всю жизнь и на всю жизнь.

Двойной юбилей

В прошлом году Фира Моисеевна отметила два юбилея: семьдесят лет со дня рождения и пятьдесят — работы в тресте «Биробиджанстрой». Пожалуй, не найти в нашей области, да и в крае женщины, за хрупкими плечами которой было бы два десятилетия прорабского стажа на стройке, причем в самое трудное для страны время — 1936—1956 годы. Еще плюс 20 лет — она была председателем постройкома, последние десять — инженером производственного отдела, ответственным за работу рационализаторов и изобретателей и новую технику. Беспокойная это должность. Нужно держать постоянную связь с новаторами производства, быть в курсе их дел, уметь дать квалифицированную оценку каждому новому предложению, а зачастую помочь советом опытного инженера, посодействовать незамедлительному внедрению новшества в производство.

— Меня часто спрашивают, что тебя держит столько лет в одном коллективе, — улыбается Фира Моисеевна. — Были ведь и более выгодные предложения. Коллектив, отвечаю, и держит. Он мне — как семья.

Известный советский журналист Анатолий Аграновский так говорил о своих героях: «Вне сознания выполненного долга им может быть тепло, уютно, сытно, весело — полного ощущения счастья не будет». Это и о Ф.М. Кофман тоже.

Счастье каждый понимает по-своему

Рано сроднившаяся с горем, обделенная родительской лаской, как святую заповедь вынесла она из детдома принцип «сотвори добро». Нерастрченную свою любовь и щедрость материнской души всегда отдавала она тем, кто особенно в них нуждался. Сколько трудных подростков вывела Фира Моисеевна в люди, помогла стать настоящими мастерами своего дела, не сосчитать. Это она была инициатором первых в городе комсомольско-молодежных свадеб и вручала молодоженам ключи от отдельной комнаты в общежитии, что по тем временам было совсем не простым делом.

И сегодня идут к ней люди за советом и помощью «Если сумела помочь кому-то, значит, день прожит не зря» — такова формула счастья, выведенная однажды этой удивительной женщиной.

— У меня к вам большая просьба, — скажет Фира Моисеевна в конце нашей встречи. — Пишите, пожалуйста, скромно. Мы, ветераны, прожили жизнь одинаково: трудились все. Когда было трудно, так трудно было не мне одной. Счастья, конечно, кому хватило больше, кому меньше, а в остальном, повторяю, я как все.

«Пишите, прошу вас, скромно». Это не просто просьба. Это позиция.

Несколько штрихов к портрету

Е.Б. Штейман, председатель профкома треста «Биробиджанстрой»:

— Есть натуры — однолюбы на всю жизнь. Фира Моисеевна Кофман из таких людей. Душой, можно сказать, приросла к своему управлению. Для нее ничего нет важнее дела. Ни времени для него не жалеет, ни сил. С головой уходит в работу. То же самое и в общественной жизни. Фира Моисеевна много лет была членом президиума облсовпрофа, членом городского комитета народного контроля. В управлении и по сей день ведает лекционной пропагандой и наглядной агитацией... Вот у кого энергии!

Награждена орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны, Ленинс-

кой юбилейной. Особенно дорогой считает «Почетную медаль Советского Фонда мира».

С.М. Бакалинская, радиожурналист:

— Меня всегда поражали в этой женщине доброта, очень трогательное отношение к людям. Как умеет она пестовать кадры! По-матерински всегда относилась к молодым. Влюблялась в них, как мы влюбляемся в своих героев, и делала все возможное, чтобы открыть в человеке самые лучшие его качества и найти им достойное применение.

Я.С. Винокуров, управляющий трестом «Биробиджанводстрой»:

— Она словно мощный аккумулятор, заряжала нас, молодых тогда людей, своей энергией. Нельзя было рядом с ней работать вполнакала. Фира Моисеевна много лет вела в тресте школу передового опыта. Это не было обычной кампанией. Занятия проводились на высоком уровне. Конкурсы профессионального мастерства, организованные ею, проходили как праздник. Наши лучшие отделочники, плотники и каменщики с краевых соревнований всегда привозили ленты победителей. Это Фира Моисеевна ввела на стройке День старшего прораба. Умела так организовать любое мероприятие, что оно было интересным для всех. Очень берегла коллектив.

Биробиджан встречает свой золотой юбилей. Широко и привольно раскинулись новые улицы и целые микрорайоны по берегам Биры. На месте бывших комариных болот встали многоэтажные современные дома. И уже не обойти пешком, как в былые времена, быстрорастущий и помолодевший город. Поэтому и в свои семьдесят лет не спешит списать свой старенький, выдавший виды, велосипед Фира Моисеевна Кофман. Еще послужит он своей энергичной хозяйке, для которой каждая улица в Биробиджане — живое воспоминание комсомольской юности.

Март 1987 г.

ТОРОПИСЬ НА ДОБРОЕ ДЕЛО

Собираясь на встречу с героинями этого очерка, я вспомнила вдруг один забавный случай из своей школьной жизни. В маленькой деревянной школе на берегу Тихого океана, где в штормовую погоду волны докатывались до ее невысокого крыльца, для нас, несмышленных первоклашек, все было новым, удивительным и неповторимым. Каждый день приносил массу открытий. В школе нравилось все, но больше всего меня поразил школьный звонок, не электрический, как сейчас, в ту пору о подобных вещах на нашем краешке земли и подумать не могли, а маленький металлический колокольчик. Такой звонкий и голосистый, что его залиvistые трели слышны были даже далеко в тундре. Всю первую сентябрьскую неделю я дежурила с подружками на переменах у дверей учительской, чтобы успеть ухватить это маленькое бронзовое чудо — школьный звонок, еще теплый от учительской руки, а потом промчаться с ним по школьному двору на зависть всем мальчишкам и девчонкам. Но желающих дать звонок на урок было много, и кто-то всегда оказывался проворнее меня... Однажды, не выдержав, я разревелась от обиды и заикаясь попросила свою учительницу:

— А вы дайте на другой перемене, дайте мне позвонить?

— Обязательно, — внимательно посмотрела на меня строгая Зинаида Григорьевна. — Вот только запомни: не «дайте» надо говорить, а «дадите». Хорошо? — И, взяв за руку, отвела меня в класс...

С тех пор прошло 48 лет, но тот первый урок родного языка я запомнила на всю жизнь. Анна Яковлевна Доброва, педагогический стаж которой тоже 48 лет, удивительно на-помнила мне мою первую учительницу. Та же осанка, тот же строгий, внимательный взгляд и добрая-добрая улыбка. Сегодня, наверное, трудно подсчитать, сколько же было у нее учеников.

— Неужели помните каждого? — первое, что я спросила при встрече.

— А как же иначе? — удивилась Анна Яковлевна.— К детям прикипаешь душой в первые полгода, когда они еще совсем маленькие, домашние. Раньше до пяти первых классов в нашей десятой школе набиралось. В столовую, бывало, заходишь, и каждая из нас, учителей, говорит: мои самые лучшие. А мне всегда казалось, что это мои и самые умные, и самые красивые, ни на кого не похожие.

Я приехала в Биробиджан в 1962 году из Бикинского района Хабаровского края, отработав там семь лет в сельской школе. Мне сразу дали четвертый класс, на следующий год я взяла первоклашек. И вот в этом первом классе все ученики были детьми рабочих завода «Дальсельмаш» и швейной фабрики. Только одна мама работала медицинской сестрой. Дети были бесподобные, изумительные! 15 человек из 42 получили среднее образование и все поступили в институты. Из того выпуска у меня были и учителя, и врачи, а одна стала кандидатом экономических наук, преподает в Казанском университете. Из того первого моего выпуска сейчас в поликлинике УВД работает Людмила Бурдинская.

Принимая потом новых и новых первоклашек, Анна Яковлевна никогда не забывала своих бывших учеников. И сегодня, уже будучи на пенсии, она живо интересуется тем, как они продолжают учебу, кем собираются стать после школы, в какие вузы, техникумы и училища поступили, как дальше складываются их судьбы. И искренне радуется их удачам.

— Анна Яковлевна, я знаю, что последние два года вы работали в классе компенсирующего обучения. Что это такое?

— В таких классах занимаются дети с задержкой психического развития, наличие которой определяет специальная медико-педагогическая комиссия. У таких детей, как правило, не развито внимание, не развита память, не развиты про-

цессы воображения. А если у ребенка не развито воображение, он себе не может представить то, о чем говорит учитель, то, о чем написано в учебнике, а это уже задержка в общем развитии. Задача компенсирующего обучения — помочь таким детям.

Преимущество этого класса в том, что в нем обучается до 15 человек, вдвое меньше, чем в остальных. И учитель может больше внимания уделять каждому ученику, работать с каждым индивидуально. Их просто нужно подтянуть до уровня обычных детей, и потом они идут в пятый класс обычной школы и уже ни в чем не отстают от своих сверстников. Но это, скажу я вам, огромная нагрузка на учителя.

В десятой биробиджанской школе Анна Яковлевна работала больше сорока лет и всегда была самым уважаемым человеком в коллективе. Все, кто с ней работал в разные годы, отмечают удивительное чувство ответственности Добровой, ее исключительную работоспособность, уважительное отношение к ученикам, родителям и коллегам.

Чтобы делать добро, надо, прежде всего, самому быть добрым

В народе говорят, что фамилия нам не просто сверху дается, а непременно проецируется на характер и поведение человека. Если это так, то, хотя Добровой Анна Яковлевна стала только в замужестве, мудрость эта народная словно про нее писана.

Ее встреча с Леонидом Добровым была как бы предопределена. К учителям в сельской местности отношение всегда было трепетно уважительным. И юная выпускница Хабаровского педагогического училища не стала исключением: скромная, приветливая, она сразу же пришлась сельчанам по душе. Ребятишки с первого урока полюбили свою строгую, но добрую учительницу, а родители уважительно величали по имени-отчеству и, несмотря на ее несолидный возраст, часто заходили посоветоваться или же присватать кого. Только учительница-то, казалось, о замужестве совсем и не думала, жила другими заботами, школьными, на гулянья да вечорки времени попусту не тратила. И вот как-то зимой, вернувшись с районных курсов трактористов, кто-то из сельских механи-

заторов сообщил, что в районной МТС новый молодой инженер появился, лучшего жениха, дескать, для нашей учительши не сыскать. Слух быстро дошел и до Анны Яковлевны, посмеялась она тогда с подружкой над таким предположением, а при случае у парторга, часто наезжавшего в райцентр по партийным делам, поинтересовалась, что это, мол, там за специалист такой хваленый объявился? Специалистом тем был Леонид Добров. А вскоре подросла и встреча, определившая их дальнейшую совместную жизнь.

— А вы знаете, как я переживала, когда замуж за Леонида выходила? — вспоминает моя собеседница. — Так уж случилось, что вырос он без отца. И я очень переживала, как же он будет своих детей воспитывать?

Но волновалась она напрасно. Человеком Леонид Николаевич Добров был замечательным. Много лет проработал инженером на «Дальсельмаше», добрую память о себе оставил в трудовом коллективе.

— Отцом он был золотым, — счастливо улыбается Анна Яковлевна. — Очень много внимания уделял детям. Ни одного отпуска не провел без них. На мотоцикле с ними всю область исколесил, в походы, на рыбалку с собой брал. Всю душу свою детям отдавал. Ирина с детства мечтала учительницей стать, когда пошла в первый класс, у нее и игры-то все были про школу. Все куклы имели фамилии учеников из ее класса. Папа парты ей сделал, столики и стульчики, все, что было необходимо. Очень поощрял ее эти детские игры в школу. И кровати, и шкафчики для кукол своими руками мастерил. Жаль, что рано ушел из жизни Я счастлива, что в сыне и дочери все лучшие качества его проявляются.

У природы нет плохой погоды

Шестьдесят лет из своих шестидесяти семи Анна Яковлевна провела в школе: двенадцать лет училась сама, сорок восемь — учила детей. Первый год на заслуженном отдыхе.

— Я очень боялась начала нового учебного года, — рассказывает она, — не могла представить, как это впервые не выйду на работу... Очень переживала. Первого сентября, чтобы отвлечься, с утра уехала на дачу. Вернулась вечером домой, а там записочка от моих учеников, приходили, мол, вас не

было дома. Очень жаль. Конечно, приятно, когда тебя помнят. Каждый раз, когда прихожу в школу, ребятишки радостные бросаются на встречу, обнимают...

Поначалу было непривычно, потом она втянулась в домашние хлопоты, дачные дела захватили. Их садово-огородный участок на 11 километре Бирского шоссе до поздней осени утопает в цветах. Прошлым летом Анна Яковлевна вырастила двадцать семь роскошных кустов роз. Всю зиму собирала черенки самых элитных роз из подаренных по различным праздничным случаям. Весной настригла прутиков с набухшими почками и рассадил каждый под углом на даче. На удивление, все до единого окоренились..

— А еще я много лет занимаюсь разведением сортового картофеля, — с гордостью сообщает бывалая дачница. — Выращиваю из ягодок, когда картошка отцветет, собираю их, как написано, дозариваю, отбираю лучшие семена. Из этих семян выращиваю рассаду в горшке цветочном, потом пикирую тоненькие-тонюсенькие ниточки, они получаются очень красивыми, тот же картофельный куст, только в миниатюре. Таким образом обновляю сорт.

— И хорошая картошка вырастает?

— Первый год — мелочь, а потом нормальный картофель. Сортов очень много у нас, названия самые разные. Заготавливаем на зиму. Нам хватает.

— Какое время года вы больше любите?

— А у меня, как у Ушинского, помните? Мальчик побегал летом по лесу, посмотрел, какие ягоды красивые, как паутинка обволакивает листву. Как хорошо! Осенью листья на деревьях желтые, красные — ему тоже нравится. И зимой на лыжах можно пробежать и на салазках с горки скатиться! Для меня плохой погоды не бывает.

Никакое добро не пропадает даром

После окончания Комсомольского-на-Амуре педагогического института Ирина, дочь Анны Яковлевны, так же как и мать, несколько лет отработала в сельской школе. Здесь же, в Ленинском, на новогоднем вечере в сельском Доме культуры познакомилась с будущим мужем. Выпускник Хабаровского политехнического института Юрий Мышляков работал в рай-

центре начальником станции техобслуживания. В Ленинском у них родился первый сын Игорь. Летний отпуск 1984 года проводили у родителей Ирины в Биробиджане. Тесть сводил Юрия на недавно построенный в областном центре авторемонтный завод. Современное предприятие ему так понравилось, что осенью семья Мышляковых переехала в областной центр. Муж устроился инженером на авторемзавод, а Ирина пришла в пятую школу. И хотя за плечами у нее уже был приличный учительский опыт, она внимательно прислушивалась к советам старших коллег, охотно делилась наработанными в сельской школе методами с молодыми, тщательно следила за новинками педагогической литературы. А через несколько лет, как перспективного педагога, Мышлякову пригласили в открывшуюся в областном центре (единственную в автономии) экспериментальную школу № 14, в которой она работает и по сей день.

— Ирина Леонидовна очень требовательна к себе и ученикам, — характеризует педагога Мышлякову директор школы Людмила Владимировна Копенкина. — Умеет находить общий язык с коллегами, детьми и их родителями. Коммуникабельна. К ней тянутся молодые учителя, а студенты БГПИ просятся на практику именно к Мышляковой.

Ирина Леонидовна как никто умеет развить в детях интерес к учебе, создает культ учебы. И если при известии о болезни учителя школьники, как правило, радуются, что не будет уроков, то ее учеников это всегда огорчает. У нее не бывает слабых учеников, они все потом в пятой школе учатся с легкостью и многие становятся медалистами.

Нынешний учебный год — двадцать пятый в учительской жизни Ирины Леонидовны. Сегодня ее хорошо знают все учителя областного центра, как руководителя городского методического объединения.

— Мышлякова — методист от Бога, — считает инспектор городского Управления народного образования Валентина Николаевна Моисеева, — она руководит методическими объединениями и в школе, и в городе. Это очень большая нагрузка. А ведь работа эта неоплачиваемая, на общественных началах. С ней очень легко и приятно работать.

Ирина Леонидовна любит методическую работу, искренне радуется успехам коллег, которым сумела помочь, и счита-

ет методобъединение высшей формой повышения профессионального мастерства: «Учителя активно выступают на наших заседаниях, делятся опытом своей работы, помогают сообща разрешать проблемы. Тот, кто успешно справился с какой-то своей проблемой, дает рекомендации другим, чтобы они могли их использовать в практике на своих уроках».

Совсем недавно вместе с коллегой Тамарой Николаевной Сербиной Ирина Леонидовна на основе рекомендаций Минобразования завершила серьезную работу над 32-часовой программой правового образования и гражданского воспитания в начальной школе «Растим гражданина». В настоящее время она утверждена городским УНО и успешно внедряется в начальных классах биробиджанских школ.

Добро худо переможет

Внешне они очень похожи друг на друга. Один и тот же умный, строгий взгляд. Обоих отличает аристократическое чувство собственного достоинства. И удивительное внимание к собеседнику, умение выслушать, понять, помочь советом, а где и делом.

У них и пристрастия одни и те же: обе любят все настоящее — жизнь, книги, детей и внуков, школу, своих коллег. Ненавидят — лицемерие, недисциплинированность, безответственность и глупость во всех ее проявлениях.

Мать и дочь. Два поколения учителей начальных классов. Обе удостоены высокого профессионального звания «Заслуженный учитель школы РСФСР». И вечерние посиделки за чашкой чая с изумительными пирогами, которыми часто балует своих родных Анна Яковлевна, так или иначе, завершаются обсуждением учительских проблем. Она по-прежнему интересуется школьными заботами дочери и остается для Ирины Леонидовны самым первым Учителем и главным советником.

В последнее время все чаще на домашних педсоветах звучит голос младшего Мышлякова, Дмитрия — студента Биробиджанского педагогического института, осознанно выбравшего профессию учителя. Значит, подрастает третье поколение учительской династии Добровых. И я думаю, не последнее.

2006 г.

МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ?

Больше всего Валентина Романовна Чижеумова боится этих ночных часов, когда волей-неволей остается наедине со своими усиливающими боль горестными мыслями. Они вновь и вновь возвращают ее в тот страшный мартовский день, когда получила сообщение о гибели сына, прослужившего в армии всего семь месяцев. И по сей день не знает, как это случилось, потому что за все это время никто толком не смог рассказать матери о трагедии, произошедшей с ее сыном в одной из приморских воинских частей.

Толик рос здоровым, жизнерадостным ребенком, мало чем отличаясь от своих сельских сверстников, в школе учился нормально, помогал родителям по дому и в хозяйстве, доглядывал за младшим братишкой. Поступил в Бабстовский сельскохозяйственный техникум, мечтал вернуться в Новое механиком. С третьего курса ушел в армию, несмотря на то, что имел отсрочку по учебе. — Хочу служить со своими одногодками, — так объяснил решение матери. — А техникум закончу после службы, ты только не волнуйся...

Если бы знала тогда Валентина Романовна, чем это может обернуться, легла бы на пороге и не выпустила бы сына из дома. Но все мы, как говорится, задним умом крепки...

Сын писал часто, каждые две недели из части приходили хорошие, бодрые письма о том, что служба, конечно, не мед, но каждый уважающий себя мужчина должен ее пройти. Толя

передавал приветы всем родственникам, каждому персонально, и своим многочисленным друзьям-односельчанам. А чтобы мать особо не беспокоилась, прислал первое (и последнее) солдатское фото (Анатолий - в центре). Снявшийся на нем с сослуживцами сын, был весел и доволен армейскими буднями.

— Последнее письмо от Толи пришло 15 декабря 2003 года, в котором он писал, что у него все нормально. А через пять дней его не стало, — горестно вздыхает Валентина Романовна Чижеумова. — Мне сообщили о гибели сына через два с половиной месяца, сказали, что он повесился, — но я не могу согласиться с этим. Если он сам повесился, то почему столько времени от меня это скрывали? Думаю, что мне вообще бы не сообщили, если бы я сама случайно не узнала о том, что моего сына нет в части. Долго не было писем, и я забеспокоилась, обратилась к нашему районному военкому, обзвонили все инстанции, вот тогда и узнала. Причем сообщили сначала, что мой сын в феврале самовольно покинул часть, а он, оказывается, еще 20 декабря прошлого года погиб. Мне о смерти сообщили только 6 марта, а то, что от сына осталось, привезли 14-го. Представитель воинской части, сопровождающий гроб, сначала даже не разрешал вскрыть гроб, пояснив, что тело сына переморожено. Но мы все же вскры-

ли. Мой бедный мальчик лежал в камуфляжной форме без подворотничка, в носках. Гроб был ему не по размеру, и, видимо, ноги в ботинках не помещались. Все лицо сына было повреждено. Сопровождающий ничего не мог объяснить и никакого письма с разъяснениями от командира части не передавал.

Скоро год как нет моего Толика, а я даже личных вещей его получить не могу.

Но больше всего беспокоит Валентину Романовну то, что она по сей день так и не знает причин гибели сына. Версию самоповешения она категорически отвергает.

— Меня успокаивают, что ведется следствие по статье «Доведение до самоубийства» и виновные обязательно будут наказаны, но почему тогда командир части делает выводы о самоубийстве сына, пока расследуется уголовное дело? — задает мне вопрос за вопросом Валентина Романовна. — Почему следователь не выполняет свои должностные обязанности по признанию меня представителем потерпевшего?

Во все времена матери со слезами на глазах провожали сыновей на службу — мужское это дело Отечество защищать. Не всегда и не все возвращаются домой и в мирное для нашей страны время. Только одни, погибшие при исполнении служебного долга, удостоиваются заслуженных почестей, государство позаботилось и о родителях погибших, обеспечив им по закону определенные страховые выплаты и пенсионные льготы. А другим, таким, как моя собеседница В.Р. Чижемова: «За груз-200» распишитесь, пожалуйста» — и никаких объяснений.

Поверьте мне, матери, получившей известие о гибели сына, не станет легче от того, в «горячей точке» его убили или довели до самоубийства в солдатской казарме. Не вернешь ведь кровиночку. А если еще и оболганную и опозоренную посмертно... Отцы-командиры, как правило, что бы ни случилось, на своем твердо стоят: самоубийство. Признать другое — себе, любимому, приговор подписать... А мертвые, как говорится, сраму не имут. И занимает воинское начальство круговую оборону против убитой горем солдатской матери: сама, дескать, виновата, слабым, не приспособленным к армейским суровым будням сына вырастила. В местных же военкоматах, осуществляющих призыв, в лучшем случае, руками разводят:

действуем строго в соответствии с российским законодательством о воинской службе и на основании документов, полученных из воинской части. А там черным по белому написано: ваш сын — самоубийца, значит, и льгот вам не положено. И даже действующий в области на протяжении многих лет комитет солдатских матерей, возглавляемый депутатом городской Думы В.В. Бычковой, помогать этим солдатским матерям отказывается: ну не прописано это отдельным пунктом в комитетском Уставе. Не голословно утверждаю. Это публично Валентина Васильевна на отчетном собрании озвучила: мол, другие у ее комитета задачи.

Верно говорят, что чужого горя не понять не испытавшему его. Защищать своих подруг по несчастью взялась другая Валентина. Пройдя все судебные инстанции, сполна испив чашу унижений, Валентина Игнатьевна Вощенко добилась реабилитации честного имени своего сына, убитого в армии. Нарботанный в борьбе с чиновничьим и воинским произволом личный горький опыт Вощенко использует теперь для помощи людям, попавшим в такую же, как она сама, беду. Около четырех лет потребовалось ей для доказательств на всех уровнях того, что смерть военнослужащего Владимира Осадчева из Теплого Озера наступила при исполнении обязанностей военной службы. И только после этого по решению суда родителям Владимира были выплачены положенные страховые суммы и снижен пенсионный возраст по потере кормильца.

Под женский день, 8 марта в прошлом году в п. Бира (через три месяца после призыва) привезли из-под Хабаровска гроб с телом Павла Аксенова. Руководство части сразу же поспешило снять с себя ответственность резолюцией: «Смерть не связана с исполнением обязанностей военной службы», а это значит, что родители не получают компенсацию похоронных затрат, им не положены досрочное оформление пенсии, выплаты страховых сумм, гарантированных законом... Их обращения в областной КСМ ничего не дали. По одной из газетных публикаций Аксеновы вышли на Вощенко, и Валентина Игнатьевна помогла им оформить необходимые документы во все инстанции и добиться изменения формулировки приказа, дающей право на льготы по потере кормильца.

Большую поддержку она оказала матерям погибших в армии военнослужащих Дмитрия Самойлова и Евгения Ключева из Биробиджана. Дважды для этого ей пришлось выезжать на судебные процессы в Амурскую область. В результате чего с воинской части, где погибли ребята, и с Белогорского военного госпиталя в пользу матерей была взыскана компенсация морального вреда за несвоевременное оказание медицинской помощи, повлекшее за собой смерть военнослужащих.

При исполнении воинских обязанностей, прослужив всего четыре месяца, погиб солдат Владимир Воронкин из села Дубовое Биробиджанского района.

— После получения «похоронки» в семье погибшего солдата, как сообщила газета «Биробиджанская звезда» в апреле 2000 года, — рассказывает Валентина Игнатьевна, — побывало чуть ли не все районное руководство и бывший военком Туманов. Родителей погибшего заверили, что им будут предоставлены все льготы, положенные по закону в таких случаях. Но до сих пор они не имеют на руках официального документа, подтверждающего гибель сына при исполнении обязанностей военной службы. И подобное вопиющее безобразие — неправильно оформленные командованием воинских частей извещения о смерти — прослеживается почти во всех случаях гибели в армии наших сыновей. Годами матери вынуждены через унижения, ценой собственного здоровья добиваться справедливости. И никто из военных не несет за это никакой ответственности!

Вот недавно пришлось побывать в п. Смидович в районном военкомате с родственниками военнослужащего Михаила Гаврилова. Его вообще по закону не должны были призывать в армию, так как старший брат погиб при прохождении военной службы. Но, как всегда, документов, подтверждающих это, у матери и в военкомате не было. А ведь из одного военкомата призывались оба.

Такая же ситуация и у Чижеумовых. Еще за гибель Анатолия никто не ответил, а в семье уже новый солдат подросток, правда, Николай учится в ПУ, но ведь и у старшего отсрочка по учебе была.

Не может с этим произволом смириться Валентина Игнатьевна. Не погрешу против истины, если скажу, что ее фамилия сегодня вызывает раздражение у чиновников всех

мастей, отвечающих за социальное и пенсионное обеспечение, с которыми ей пришлось столкнуться за эти десять лет. В желании помочь людям утвердиться в собственных правах Валентина Игнатьевна настроена решительно: ведет активную переписку с Фондом «Право матери», внимательно следит за всеми юридическими консультациями, публикуемыми в одноименной ежемесячной газете. Переписывается с родителями погибших в армии солдат, помогает им готовить запросы в воинские части и прокуратуры, обращения в Законодательное собрание ЕАО и городскую Думу, областное правительство с просьбами помочь, поддержать. Иногда мотается по инстанциям вместе с ними, чаще же все приходится делать самой. — Не наездятся ведь, скажем, из Облучья или Нового в Биробиджан бедные мамочки, — поясняет Валентина Игнатьевна.

Хождение по многочисленным инстанциям, в которых тебя не хотят услышать — адский труд. Многие родители, не выдержав, сходят с дистанции с инсультами, инфарктами, другими заболеваниями. Вощенко стремится довести каждое дело до конца. И всякий раз, добившись определенного результата, зарекается, что уж больше она заниматься этим не будет — о своем здоровье пора подумать. Но, к сожалению, наши мальчишки продолжают гибнуть от армейского произвола, и отчаявшиеся родители снова и снова выходят на нее. И Валентина Игнатьевна не оставляет человека в беде. Во имя своего погибшего сына и других молоденьких солдат, которых командиры не сумели защитить от неуставных отношений.

— Ну почему, скажите, почему я должна выполнять эту работу за министерство обороны, за военкоматы? — в который раз задает она мне этот вопрос.

Наверное, потому, что задачи у вас, Валентина Игнатьевна, разные. Вы отстаиваете права родителей погибших в нашей армии солдат. Военкомы любой ценой пытаются соблюсти чистоту давно истлевшего мундира, им по чину не положено идти против своего ведомства, и им нет дела до несчастных матерей, которым старается помочь какая-то там Вощенко...

2005 г.

*Да воздастся
добром*

Виктор Антонов
Александр Драбкин
Татьяна Брехова

**Виктор
Иванович
АНТОНОВ**

Родился в 1968 году в г. Биробиджане ЕАО. Окончил Биробиджанское медицинское училище, работал фельдшером станции медицинской скорой помощи. С 1996 года начал активно публиковаться в местной прессе – писал материалы на темы культурной жизни, стихи, рассказы. С 2000 года работает в областной газете «Биробиджанская звезда». Редактор отдела новостей. Участник Третьего форума молодых писателей России (Москва – Липки), мастер-класс Э. Успенского, литература для детей. Публикации в «Российской газете», журналах «Дальний Восток», «Родное Приамурье» (Хабаровск), «Литературные незнакомцы» (Москва, для стран СНГ и дальнего зарубежья), альманахах «Первоцвет» (Иркутск), «Литературное наследие ЕАО», «Биробиджан» (в первых трех выпусках был одним из составителей), в книге «В едином строю» – очерки о сотрудниках ФСБ. Член Союза журналистов России. Награжден медалями «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2002 г.», «За заслуги в проведении Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.»

Обыкновенный портрет

СТОЯЩИЙ У РУБЕЖА

Опыт охраны границ у подполковника
Болдырева уникален

Впервые я увидел Валерия Ивановича на его встрече со школьниками в клубе «Юный патриот». Подростки — мальчишки и девчонки — пришли познакомиться с начальником учебного центра Биробиджанского погранотряда, боевым офицером, «афганцем» в канун Дня пограничника. Слушали подполковника ребята внимательно, спрашивали об «интересных» эпизодах службы, о пресловутой «дедовщине» в армии. А вот когда военный человек сам обратился к ребятам с вопросом, желает ли кто избрать профессию защитника Родины — активности у тех поубавилось. После короткой паузы раздались голоса.

- А сколько получают контрактники?
- А квартиры пограничникам дают?
- А девушки у вас служат?
- А можно закончить службу пораньше? (??)

Двадцать лет назад перед молодым пограничником Валерием Болдыревым стояли совсем иные вопросы...

АМУР — АФГАН

Службу по обеспечению безопасности огромного государства — СССР лейтенант Болдырев начал в Амурской об-

ласти с комвзвода. И она как будто особо не отличалась от пограничных буден других его ровесников и старших товарищей на Дальнем Востоке. Служба и боевая учеба — нормальная жизнь солдат миролюбивой державы. Хотя где-то — далеко, на южной границе страны — уже давно горел Афганистан, а в его горах, в его пламени — советская техника, души советских солдат. Пламя далекой войны дотянулось и до Валерия. Пограничник-дальневосточник был направлен в Афганистан. На языке военных и политических документов того времени это называлось «охрана Государственной границы СССР с территории сопредельного государства». В сводках газетных и телевизионных новостей — «выполнение интернационального долга». В новейшей истории это называют вводом советских войск в Афганистан.

— В Афгане я был в звании старшего лейтенанта, — рассказывает Валерий Иванович. — А это значит, был так близок к солдатам, к сержантам срочной службы, как только можно быть на войне.

Когда ежедневно в руках боевое оружие, на всех одна тропа в горах, огонь душманов и фляжка с дефицитной питьевой водой — иначе и быть не может.

— В Афганистане у старослужащих была только одна привилегия: в бой идут одни «старики»! Молодые, горячие, но неопытные просились, но до поры до времени их на серьезные операции не брали. По крайней мере у нас было так, — твердо говорит мой собеседник.

Что бы ни писали сейчас об этом периоде истории военные и политики, как бы ни осуждали или жалели в народе «солдатиков», у афганцев-пограничников собственная оценка ситуации, выражающаяся в упомянутой уже сухой формуле «охрана Государственной границы страны с территории сопредельного государства». А поскольку погранвойска тогда входили в структуру КГБ — Комитета государственной безопасности — обеспечение безопасности Родины от внешних угроз воспринималось как дело, важность которого не подлежит сомнению. И брали в пограничники далеко не каждого желающего.

МИРНАЯ ЗЕМЛЯ

Особенность афганской службы Валерия Болдырева в том, что начал он ее в последний период нахождения советских войск за границей. У афганцев к пограничникам отношение было особым — местные наметанным оком замечали, что эти солдаты не такие как все.

— Дехкане (крестьяне) нередко просили помощи в нашем отряде, — вспоминает подполковник Болдырев. — То технику советского же производства помочь отремонтировать, то к нашим медикам приходили. За время знакомства вырабатывались особые «кодовые» фразы, заученные советскими бойцами.

«Петруль». Значит, техника нужна или помощь в ремонте.

«Аналджин». Анальгин, болит, значит или врач понадобился.

А пограничники должны были не допустить, чтобы чужие снаряды и ракеты падали на нашу территорию, не допустить минирования дорог, нападений на автоколонны...

Афганистан пограничники должны были контролировать на глубину до 200 километров! Чем ближе к советской границе — тем большее количество жителей в кишлаках говорит по-русски. Особенно быстро речь схватывали ребяташки, выпрашивавшие различные сувениры. Просить — просили, а из рук «неверных» не брали — старшие осудят. Наши бойцы сперва не понимали этого, а потом стали бросать сувениры на землю. Они тут же подбирались. Но от того, что бросаешь подарок детям, как собачатам — чувствуешь себя неуютно. У мальчишек особенно ценилась солдатская фляжка. Но это был редкостный сувенир — без фляжки с водой в горах, на жаре — никуда. Лишних не было.

За понимание дехкане платили обычно добром.

Раз группа, меняя дислокацию, остановилась вблизи не-большого кишлака. Через кишлак течет речка. А вода в ней соленая! Два дня промаялись в жажде. Местные узнали — показали родник. «Тут берите!» А родника этого ни на одной карте не было. Наши разведчики берут пробы воды — не отравлена ли? Афганцы смеются. «Здесь все пьют: утром — мы, сейчас — вы, ночью душман придет пить. Никто не тронет. Мирная зона».

Потом нас предупредили: «Вон с того края не ходите — там мы мину поставили. Это не для вас. Это для наших».

Как союзники афганского революционного правительства советские пограничники вынуждены были мину снять. Местные обиделись немного.

Отношения афганских крестьян к собственной же афганской армии было опасливым, — вспоминает ветеран-интернационалист. Правительственные войска порой вели себя в селах «как немцы на оккупированной Украине», находит он меткое выражение.

Показательным стал случай, когда делегация старейшин пришла в погранотряд с просьбой блокировать кишлак советскими бронетранспортерами, чтобы «свои» в него не вошли! Уже знакомые с афганской спецификой, в этот раз наши пошли навстречу пожеланиям крестьян.

В другой раз афганский подполковник обратился к командирю пограничников с просьбой прикрыть его, когда колонна правительственных войск будет проходить населенные пункты! Ему союзники отказали.

— Перестань в своих стрелять — будешь ходить спокойно, — сказал ему советский офицер. — Ты думаешь, вон те люди на горах сейчас тебя ждут? Нет, это они меня приветствуют!

УЙТИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

В августе 1988-го глава советского государства Михаил Горбачев подписал указ о выводе советского воинского контингента из Афганистана. Но вывода под чужое улюлюканье не получилось. Афганцы — душманы, моджахеды, «талибан» — как хочешь называй, за 10 лет успели хорошо узнать боевые и моральные качества советского солдата. Выводили колонны с техникой и людьми под прикрытием местных седобородых «авторитетов». Старейшин усаживали на броню передних БТРов — показывай дорогу домой! И те показывали. При расставании в мешки стариков грузили банки тушенки, те еле несли.

-Тяжело, — говорили. — Домой три солнца идти.

Три солнца не шли — их встречали бородатые боевики с расспросами об уходивших русских.

Валерий Болдырев уже в августе 1988-го вышел из Афганистана. А в феврале 1989-го поступил приказ опять вернуться! Это было полной неожиданностью, но не было нарушением взятых страной обязательств. Выходящим последним советским частям требовалось обеспечить надежное прикрытие. А солдаты-срочники свое уже отслужили давно — им домой пора. Вызывали добровольцев — вышли все! И опять в Афган.

В 1989-м надели парадную форму. Молодые солдаты, сержанты и офицеры стоят рядами с наградами, прощаются с боевым знаменем. «От того дня впечатление такое, что присутствовал в 9 мая 1945 года, — находит неожиданное сравнение ветеран Афганистана. — Все радуются: наконец, в Союз. Домой».

ВЕРНОСТЬ

У советских офицеров тогда была поговорка: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». То есть служба там расценивалась как наказание. После Афганистана Валерий Болдырев со своими боевыми друзьями был направлен в эту самую Кушку — самую южную точку страны.

Как только вышли из Афгана, Валерий позвонил жене: «Я в Союзе».

А она, ни на минуту не засомневавшись, сказала твердо: «Едем к тебе!»

«Танечка, я здесь в палатке живу! Трудно будет с Ромашкой (трехлетним сыном Ромкой). А сам и не ожидал другого ответа: «Мы там, где ты».

Так и приехала она с малышом Ромкой в воинскую часть в степи. Это была единственная семья, единственные женщины и ребенок среди воинов в пыльных «афганках». И «женская» работа в Кушке нашлась: гражданский врач Татьяна Болдырева постигала на практике военно-полевую медицину, лечуя долечивающихся в местном госпитале интернационалистов.

После войны (тогда уже без ретуши слов так говорили об Афганистане) молодые ветераны могли выбрать любое место службы. Так вот: все дальневосточники дружно написали рапорты об отправке назад, на восток.

Большинство сослуживцев смотрело на них как на странных.

— У вас на Дальнем Востоке медом намазано?

— Нет. Но где взяли — туда верните!

В декабре 1989-го семья Болдыревых вернулась в Амурскую область. А дальнейшая служба пошла «по соседству» — в Биробиджанском погранотряде, в Еврейской автономии. Там ведь границу России отметил тот же Амур-бабушка.

Малышка Ромка вырос — сейчас студент социально-гуманитарной академии, будущий специалист по компьютерному обеспечению. Младший — Денис — девятиклассник, грезящий о военной службе. «Ты мне только помоги за армию ухватиться, а остального я сам добьюсь» — говорит он сейчас отцу.

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ

— Бывших пограничников не бывает, — говорит, не рисуясь, подполковник Болдырев. — Нравнодушие, сметка, чувство товарищества, верность боевой дружбе остаются в человеке, отслужившем на границе, навсегда. И боевой опыт, конечно.

— Все это так, — соглашаюсь. — А насколько тот боевой опыт все еще актуален? Ведь в Афганистане основные действия шли в горах. А на Дальнем Востоке вы обучаете бойцов и молодых офицеров службе совсем в других условиях.

Валерий Иванович оценил въедливость «гражданского», дав исчерпывающий ответ.

— Боевой опыт лишним не бывает. Северный Кавказ — вот сфера приложения афганского опыта. Смотрю новости или документальные фильмы оттуда, а сам невольно сравниваю, анализирую: как выстроили колонну, какими средствами прикрывают, как экипированы бойцы. Действия в «зеленке» — полосе густой растительности — и вблизи нее везде применимы.

А еще в реальных боевых условиях наши воины научились тому, чему не учат в военных академиях. Например, ремонтировать двигатель БТРа на ходу! Ни в какой заводской инструкции по эксплуатации такого нет и быть не может.

Неделикатно интересуюсь: добавляет ли боевое прошлое авторитета нынешним командирам?

Вопрос не смущает.

— Дело не в каком-то особенном «авторитете», романтике рассказов, а просто, когда можно в ходе боевой учебы личного состава подкрепить свое слово ярким примером — урок усваивается прочней. Мы же — «афганцы» в войсках сейчас как ветераны Великой Отечественной: уважаемы, но столь же редки. Уже много других бойцов и офицеров с собственным боевым опытом, более свежим — ребята прошли Таджикистан, Чечню.

Валерий Иванович уверят, что пограничники разных поколений хорошо понимают друг друга. Были ли одни в подчинении КГБ СССР, а другие — ФСБ России. В этом ли дело? Их задача всегда одна — обеспечивать безопасность Родины.

Личность

БЕЗ ФАЛЬШИ В СЕРДЦЕ

Только так может служить боевой офицер

Мой собеседник отслужил в органах безопасности 20 с лишним лет. «Вычислял» нарушителей на дальневосточной границе, боролся с бандитами на Северном Кавказе, за что отмечен серьезными боевыми наградами. Про таких говорят: богатый опыт за плечами. Или тяжелый груз? Но сам офицер Сергей Пиженков говорит так: главное впечатление от службы в КГБ СССР и ФСБ России, что не смотря на закрытость организации ты весь на виду у сослуживцев, а сфальшивить в бою никому не возможно. Его характеру это подходит.

ИЗ ТАЙГИ В... ТАЙГУ

После окончания политехнического института, в середине 80-х годов инженер Сергей Пиженков работал в одном из леспромхозов Хабаровского края. С большим коллективом лесозаготовителей приходилось подолгу жить в тайге, в условиях далеких от благоустроенных. Коллектив был чисто мужской, люди порой сложно «притирались» друг к другу, и инженеру приходилось обеспечивать более сотни человек не только продуктами и горючим, организовывать их работу, но

и, что называется «обеспечивать здоровый микроклимат». Отработка по распределению после института в те годы — обычное дело. Может быть, так и трудился бы еще долго молодой специалист, но однажды пришла ему в лес повестка из КГБ! Ну, как вам такое понравится?

— Реакция начальства была. Они очень удивились, — подыскивает слова мой собеседник. — Сами понимаете, как относились тогда к КГБ. Я и сам удивлен был не меньше. Не знал, что и думать, когда меня пригласили на медкомиссию. Медкомиссию успешно прошел, а потом пришла вторая повестка — о зачислении на службу! Фактически, главный выбор был сделан за меня.

Это уже после Сергей Иванович узнал, что ничего случайного тут не было. В Комитете госбезопасности работали самые различные люди, с самым различным образованием, далеко не всегда военным. Немало было и таких, как он «технарей»: безопасность страны ведь надо обеспечивать на всех «фронтах», в том числе экономическом. Тут без узкой специализации, знания предмета изнутри не обойтись. А его кандидатуру давно изучали. Оценили уровень грамотности, умение работать с людьми, организационные способности, и решили, что для самой серьезной службы в стране он очень даже подходит. Почему не вышли к кандидату напрямую, не поговорили с начальством? Доброхотов тогда в «органы» брали неохотно. Такая была позиция. А еще опасались неадекватных реакций на интерес сотрудников КГБ к конкретному человеку. (Вспомните об «удивлении» начальства леспромхоза). Собственную информацию посчитали более верной. И не ошиблись.

— Первое впечатление, когда пришел на службу: закрытая организация, а ты у всех на виду, — вспоминает мое собеседник. — Год учился в Минской школе КГБ по направлению. Приступив к службе, старался изо всех сил оправдать доверие. Это не казенные слова. К службе относился серьезно.

Авторитет КГБ в первой половине 80-х годов прошлого века был высок и в народе, и у конкурирующих зарубежных спецслужб. Хотя много уже было раскрыто информации о деятельности его предшественника — НКВД, о лагерях для советских политзаключенных, о сталинских «чистках», все же в массе своей действующем КГБ тогда в народе (во всяком

случае, на Дальнем Востоке) тогда пренебрежительно не говорили.

Речь Сергея Ивановича ясная и грамотная. Без лишних эмоций, без всякой рисовки перед «гражданским». Говоря по совести, подготовить с ним интервью оказалось бы не сложным: будь в теме, ставь диктофон, задавай вопросы да расшифровывай потом ленту. Минимум редактуры. Но хочется чего-то большего. Чувствую — в этом человеке много чего есть! А «разговорить» по-настоящему ветерана легендарного КГБ пока не удастся. Дистанция в возрасте и жизненном опыте тоже сказывается. Задаю наводящие вопросы, стараюсь понять собеседника, обстоятельства в которых он оказался, как виделась большая мирная жизнь советской страны лично ему. Постепенно выстраивается картина советского Дальнего Востока 1980-х, когда еще свежа была память острова Даманский, когда вместо слова «демократия» только-только робко произнесли «плюрализм мнений».

— Диссидентского движения на Дальнем Востоке тогда не было, его было сложно даже выдумать, — просвещает меня Сергей Пиженков. — Зато близость границы была повсеместно ощутима, и погранвойска КГБ пользовались неподдельным уважением в народе. Многие мужчины в них служили, и о службе этой выносили доброе ощущение. Сами же помните — в призывных комиссиях парни просились в погранвойска.

Служба молодого офицера оказалась также связанной с охраной границы. Заниматься ему пришлось ее оперативным и военизированным прикрытием: выявлением наиболее «перспективных» для нарушителей маршрутов, налаживанием взаимодействия с заставами, населением, подбором кадров для погранвойск. Много пришлось пройти пешком, проехать на машине и проплыть на моторной лодке, изучая подконтрольный район.

СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО ВСЕГДА ИНТЕРЕСНО

— А когда Вы перестали ощущать себя в работе «молодым» сотрудником? Когда кроме чувства ответственности на службе появился настоящий профессиональный интерес? — спрашиваю Сергея Ивановича.

— Да с первого дня интересно было, — терпеливо отвечает он. — Работа была живая. Хотя и говорили «граница на замке», но абсолютно замкнутых границ не бывает. Во время наводнений нарушители прорывались, когда оказывались залиты водой контрольно-следовые полосы, когда выходила из строя часть охранной сигнализации, было затруднено продвижение пограннарядов. Как прорывались? Да порой переплывали пограничную протоку, просто подкладывая под одежду надутые воздухом целлофановые мешки! Я и фамилии многих задержанных помню до сих пор. Интересные среди них попадались типы

Кажется, удалось немного растормозить своего не слишком словоохотливого респондента. Настраиваюсь на захватывающий детектив, и получаю его!

Ляо Диюнъ зашел на нашу территорию в у села Венцеллево, а задержали его аж в Алексеевке. Получалось, обогнул он пешком Даурские сопки, перебрался через Биджан, протопал почти весь Ленинский район и часть Биробиджанского и вышел к селу Бирофельд, где в то время дислоцировался вертолетный полк, аккурат в то время, когда там разворачивалась для крупных учений Бабстовская дивизия. В карманах «даурского бродяги» нашли мешочек вареного риса, разные семечки и травинки, которые могли означать все, что угодно. Нарушителя вместе со всем его «гербарием» передали коллегам из компетентных органов.

Особенностью тех лет, по словам Сергея Пиженкова, было большое количество среди нарушителей большого количества психически больных людей. Это вовсе не значило, что чужую границу они пересекали движимые лишь своей болезнью. «Умные спецслужбы всегда таких используют. Попадется — какой с него спрос? А окружающую обстановку эти люди фиксируют вполне адекватно. При разговоре с ними специально подготовленного психолога по наводящим вопросам можно узнать немало ценного» — поясняет офицер.

Но встречались среди нарушителей и такие, что не оставалось сомнений, что перед тобой профессионал высокого класса.

Один из наиболее ярких случаев относится к 1991 году.

Тогда из города Тунзцяна, сегодня очень популярного своим дешевым рынком у наших туристов, в марте, выше по

течению Амура в направлении села Кукелево в Еврейской автономной области, по льду на советскую сторону перешел нарушитель. Пограничники его заметили, преследовали, но тот быстро скрылся в прибрежном кустарнике, а собака на льду потеряла след. Задача по обнаружению была поставлена жестко. Пограничники блокировали все село, и его жители вместе с ними осматривали все дворы, обыскивали каждый сарай и жилой дом. За день так село было осмотрено дважды. И от местных не было ни одной жалобы на «беспокойство», хотя у кого-то была и конопля в сараюшке или на чердаке припрятана! Жители сами нарушителя и нашли. При довольно неожиданных обстоятельствах.

Запахавшиеся пограничники с собакой спросили хозяина крайнего дома, стоявшего на дворе у забора: «Китайца в селе не видел? Он должен быть мокрый — в полынью у нашего берега провалился». Хозяин ответил отрицательно, пообещал посматривать и пошел в дом предупредить родных о нарушителе. А дома сидит мокрый китаец! И дети дома. Хозяин струхнул не на шутку: шпион в доме, и пограничников он обманул, выходит! Однако, взял себя в руки, обратился к незнакомцу. А у того зуб на зуб не попадает. Хозяин и предложил ему обсушиться, перевел в старую сельскую кочегарку.

Пограничники, хотя никого не обнаружили, были уверены, что нарушитель не мог покинуть село. Наконец, хозяин дома, где укрылся «гость», повинился

— Мы осматривали парня с чужого берега, — вспоминает Сергей Иванович. — Это оказался не китаец, а северокореец, собиравшийся затем в нашей стране, в Хабаровске (!) обратиться в южнокорейское консульство. Понимая, что демаркационную линию между двумя Кореями ему не перейти — там невероятно густо стоят войска и всюду глубокие минные поля — решил, что проще уйти в Китай. Никем не замеченный и не узнанный, он прошел сотни километров по чужой стране (!), пересек по льду Амур, и оказался на нашей границе. Пройдя практически с пустыми руками и карманами зимой по лесам, пустынным дорогам, он был в отличной спортивной форме.

— Ни капельки жира, тело сплетено из мускулов! — почти восхищенно описывает задержанного мой собеседник. — А

еще знаете что? Он так и не выдал, кто же укрыл его на российском берегу. Там, говорит, в доме дети, боюсь, что они пострадают за своих родителей. Ничего не скажу!

Может быть я не прав, но мне показалось, что к этому противнику заслуженный офицер до сих пор испытывает чувство уважения. И чуть-чуть ностальгирует по тем временам.

НИЧТО НЕ ОДНОЗНАЧНО

Почему вдруг мне привиделась какая-то ностальгия? А потому что потом пришли времена и операции менее романтичные. В еще недавно казавшемся незыблемым СССР начались межнациональные войны, в отлаженной структуре КГБ — не слишком внятные реформы со сменой названий организации и ее приоритетов. («Абэвэгэдейка», говорят об этой поро ветераны органов безопасности). Закончилось все чехардой в руководстве и массовой нелюбовью к силовым структурам в собственном народе. Пресловутый денежный вопрос доводил ситуацию до абсурда: уборщица на вокзале получала 80 тысяч «ельцинских» рублей, а капитан ФСБ, к каковому тогда относился и мой герой — 75 тысяч. В органах безопасности оставались те, кто поступиться совестью ради денег не мог. И приходило-уходило немало людей случайных. На долю дальневосточника Сергея Пиженкова выпали Тбилиси, Сумгаит, Нагорный Карабах, затем Чечня. (Не все там однозначно было — дает он этим конфликтам короткую характеристику). Чечня крепко к себе привязала на много лет

— Впервые я там оказался в 2000 году, — говорит офицер. (Речь его замедляется, он снова разговаривает с неохотой, и мне неудобно его торопить). — С тех пор ездил неоднократно. Командировки оперативников сразу были длиннее омовских или спецназовских — по 6-7 месяцев. Почти все «старики» нашего управления были на Кавказе по несколько раз. Оперативнику надо вникнуть в ситуацию на месте, отлично знать местность, людей. Не только так называемые местные нравы. Надо напрямую контактировать с населением, с конкретными людьми. Без опоры на местных жителей установить какое-то подобие законности там невозможно. А еще на Кав-

казе особый менталитет: у кого власть — у того и обязанно-сти, и неписанное право решать многие проблемы. Так что заниматься приходилось не только оперативной работой, для которой туда и командировали сотрудников силовых структур, но и распределением той же гуманитарной помощи. Это тоже, знаете ли, глаза требуют

Мне сложно говорить с этим человеком о войне, о кото-рой я не могу глубоко судить. Мне трудно разделять в таких рассказах личное и объективное. Я стараюсь дать собеседни-ку раскрыться, приняв его позицию как честный ответ. Как бы чувствуя мои сомнения, Сергей Иванович дает мне уни-кальную возможность увидеть цвет войны: видеоманито-фон крутит записи боевых операций по обезвреживанию боевиков, по разминированию автомобильной дороги, по задержанию торговцев оружием из числа нечистых на руку «федералов».

— В 2000-2002-м бандитов в Чечне было полно, — ком-ментирует видео С. Пиженков. — Но ведь бандиты там тоже — изгой. Среди боевиков много уголовников, которых бояться все. Как-то из города федералы выгнали прямо под обстрел банду, и под огнем полегло 110-120 боевиков. А по мусуль-манским законам умершего, тем более воина, полагается по-хоронить в этот же день до захода солнца. Но из более сотни трупов всего пару десятков родственники и друзья забрали хоронить. Среди погибших были арабы, русские, турки, аф-ганцы и даже афганские цыгане — люли. Чужаки! Оставив их без погребения, народ выразил к ним свое презрение. А вот, смотрите, задержание бандитов, совершивших налет на Ар-гун. Помните такой? Они убили омовца Хаджиева — че-ченца, парня 18 лет и замначальника райотдела ФСБ Латату-ева. Володю.

В простом имени «Володя», произнесенном боевым офи-цером, больше боли, чем в кадрах документального видео. Мы на «гражданке» слишком насыщены эффектными сценами боевиков, снятых и сыгранных людьми, не знавших большой боли «малых», необъявленных войн

— На базе моего райотдела находилась съемочная группа киностудии «Риск», которая снимала документальный фильм о событиях в бывшей Республике Ичкерия. Лента называ-лась «Чеченский гамбит». Режиссера фильма мы возили на

операцию по задержанию торговцев оружием, в операции участвовал спецназ ФСБ. Так что здесь никакой натяжки.

На экране телевизора боевики и российские прапорщики угнутые лицом вниз, с широко раскинутыми ногами, в УАЗике — противотанковые ракеты, проданные, чтоб теми убивали их же сослуживцев. Оператор не стесняясь в выражениях орет на людей в камуфляже, чтобы они не лезли к нему кадр.

— А вот это — семья торговцев людьми, — ровным голосом комментирует собеседник новый любительский фильм.

Там бетонная яма — зиндан — тюрьма для рабов. Деньги в обертке турецкого банка, как знак подлинности купюр. Пожилая хозяйка в так по-домашнему, по-кухонному даже повязанном на голове платочке, всплескивает руками: «Вай! Деньги? Это не мои. Не знаю даже».

— Это всего в пятистах метрах от того места, где одиннадцать ребят и батя-комбат Шевелев попали в засаду на голом месте, и отстреливались от бандитов из горящего бронетранспортера.

Страшные слова никак не вяжутся с размахивающей руками бабушкой

Я замечаю, что о чем бы не говорил мой собеседник, он старательно избегает слова «война», «бой». Предпочитает произнести «Я там работал. Там было. Я видел».

— С каким настроением смотрите такое кино, Сергей Иванович?

— Хотя всегда на войне грязи много — отношения там порядочные. Если едят все вместе, спят рядом, в боевой операции у всех на глазах — не сфальшивишь. Убьют, ранят товарища — в запале не так сказывается, а вечером осознаешь... Не столько вспоминаются операции, скажу я вам, сколько люди, с которыми находился бок о бок. Нередко в СМИ говорят, что на Кавказе все воюют пьяные, а мы и на 1 мая не выпивали — там «сухой закон»! От войны впечатление страшное. (В этом монологе боевой офицер впервые за два дня наших встреч употребил слово «война»). Когда все созданное годами разрушается, когда калечатся нравы людей — другого впечатления быть не может. Грозный ведь красивейшим гором на Кавказе был, университетским. А Шали было самое большое село в мире — 100 тысяч жителей! Теперь 80 тысяч беженцев. С некоторыми людьми происходят метаморфозы

— появляется человек-война. Без войны жить не может. Так и с той, и с другой стороны бывает. Переход от войны к миру психологически тоже тяжел. Чеченцы народ очень неоднородный. В предгорье, где мне довелось работать, много людей образованных, с бизнесом, с семьями в России. Среди чеченской оппозиции много людей России преданных, с которыми чувствовал себя бок о бок надежно. Не из-за денег люди воюют...

Я верю словам офицера. На войну за деньгами не ездят, оставляя дом, детей, родителей в томительном ожидании.

Я спросил, как можно деликатней об этом. С. Пиженков ответил коротко: «Тяжело им. Дети растут без отца, без должного внимания. Но очень важно, когда есть, куда возвращаться. Семья — наш тыл. А к тылу военные люди относятся серьезно».

ПОСЛЕСЛОВИЕ... И ЕЩЕ ОДИН РАЗГОВОР

На работу Сергей Иванович Пиженков ходит во вполне «гражданском» пиджаке. Китель — это по торжественным случаям. 14 апреля будет случай его надеть — День части. На кителе будут два ордена — «За военные заслуги» и «Мужества». Сослуживцы рассказали, что ко второй награде его представили за точное указание координат места расположения боевиков, по которому федеральные войска нанесли удар.

В районной комендатуре крупной бандой боевиков (до 700 человек — считай, батальон!) было заблокировано 120 федералов. Сергей Пиженков был среди них. Вырваться не было возможности. Самоуверенно «атаман» Алхозур Межиев явился к федералам с ультиматумом: «Оставьте нам технику и оружие — останетесь живы». Сдаваться на бандитскую милость никто не собирался. Как на фронте, российские солдаты вызвали огонь на себя, и по сельской площади наши «жахнули» тактической ракетой «Точка-М» на пределе ее точности — плюс-минус 200 метров. Никогда до и после этого тактическая ракета не применялась в такой близости от своих войск. Наводка офицера из Биробиджана оказалась «ювелирной». 215 боевиков погибли на месте, десятки умерли позже от ран. «Атаманы» выскочили из подвала, где уже делили

будущую добычу, а войска нет. За бездарную гибель бойцов несколько чеченских семей объявили уцелевшим полевым командирам кровную месть...

Этот случай счел обязательным упомянуть в своей книге воспоминаний о Чеченской войне командующий Восточной группировкой федеральных войск в Чечне генерал Трошев. А Сергей Иванович предпочел перед журналистом о нем умолчать. Мол, наградили за совокупность заслуг...

В ФСБ бывает, что представления к наградам «зависают», ордена и медали долго ищут владельцев. В ФСБ награждают нечасто. Отдел борьбы с терроризмом? Это же ваша работа!

Выставки

РОДНЫЕ НЕЗНАКОМЫЕ ЧЕРТЫ

**Ушедший Биробиджан можно найти
на картинах местных художников**

ВОСПЕТЬ ГОРОД ОЧНО И... ЗАОЧНО

Небольшие, «камерного» формата пейзажи Владислава Цапа запечатали ныне не существующие деревянные дома на ул. Ленина — старейшей улице города, а также вид здания библиотеки им. Шолом-Алейхема и краеведческого музея до реконструкции. Графика Дмитрия Алексеичева запечатлела станцию «Биробиджан» 1958 года с паровозами на развилке путей на мало попадающем в поле зрения участке за железнодорожным виадуком. На пейзаже Леонида Миндлина — окраины Биробиджана: деревянные домики, как бы прижимающиеся к гряде пологих сопок. Только на работе Владимира Мизгальского можно увидеть зимнее развлечение биробиджанцев начала 70-х — открытый каток на несуществующей уже улице Овражной. Григорий Штанько часто изображал поселок Лукашова, где долгое время проживал с семьей, поэтому позволил назвать пейзаж, выполненный в передвижнической манере запросто — «Лукаши», как поселок называют его обитатели. Эти люди, создававшие и создающие живописную историю столицы Еврейской автономии,

известны большинству горожан. Они совсем недавно жили и живут рядом с нами.

Из редких, даже неожиданных экспонатов — граммофонная пластинка 1937 года Ногинского завода, на которой записан марш «Биробиджан» С. Чернецкого. Музыку исполняет оркестр Народного комиссариата образования СССР под управлением автора — заслуженного деятеля искусств. Музейным работникам удалось выяснить, что оптимистичный марш был написан композитором заочно — в городе на Бире он никогда не был, но идеей его строительства провпечатлялся.

ГОРОД ХУДОЖНИКА СМЕЛОВА

Неизменный интерес посетителей музея вызывают городские пейзажи Александра Смелова. Имя этого художника, к сожалению, почти забылось в краях, где он провел половину своей жизни. Умер он в 70-х годах прошлого века. Но в Биробиджане живет его дочь Елена Александровна Загреба, по беседам с которой была восстановлена биография художника.

Александр Смелов — один первых профессиональных художников Биробиджана. Он родился в 1911 году в Нижнем Новгороде, в 1937 году окончил Ленинградскую академию художеств им. Репина, а потом с группой других молодых художников был направлен на Дальний Восток, в строящийся город Комсомольск-на-Амуре. Перед живописцами была поставлена задача — силой искусства, агитплакатом вдохновлять ровесников на строительство Города Юности. Город, как известно, был построен, став одним из промышленных центров Дальнего Востока.

В 40-х годах художник служил в армии в звании старшего лейтенанта, во время войны с Японией 1945 года и после нее побывал на Китайско-Восточной железной дороге, на Сахалине в городе Тойохара, еще не сменившего японское название на Южно-Сахалинск. Военная служба Александра Смелова отмечена Благодарностью Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза И. Сталина «За отличные боевые действия в боях с японцами на Дальнем Востоке».

Во время службы офицер тоже не расставался с мольбертом. Не случайно, что и в Союз художников СССР он был

принят в 1944 году! На одной из переданных для ознакомления в музей фотографий из семейного архива дочери художника, запечатлен красивый офицер с мольбертом на фоне сахалинских сопок. На обороте — надпись карандашом, адресованная жене: «Лидочка!

Вот моя стихия. Люблю природу, как мать своего младенца. Недаром Великие (*так в подлиннике — с большой буквы — прим. ред.*) говорят: «Искусство — это природа, рассматриваемая сквозь темперамент».

И правда, милая моя. Если деревья, горы, воды и дома, собранные воедино и составляют пейзаж, могут быть прекрасны, то это не потому, что они прекрасны сами по себе, но благодаря тому, что в них вложено твое чувство».

Прекрасные и искренние слова, человека с тонкой, и, может быть, ранимой натурой, буквально просятся в хрестоматию для молодых художников. Их хочется цитировать, и перечитывать вновь и вновь, столько вложено в них темперамента и доброй энергии автора.

В 1947 году в Хабаровске состоялась «отчетная выставка В. Высоцкого и графика А. Смелова», на которой коллеги представили серию рисунков и сепий, показывающих корчевку тайги в Лазовском районе. О том, что для художественной жизни края выставка имела большое значение, говорит хотя бы то, что о ней сочли необходимым упомянуть и спустя почти двадцать лет (1968) в книге «Художники Приамурья», изданной Хабаровским книжным издательством.

Живописи и графике в Хабаровском крае тогда учили только в открывшемся в 1949 году Хабаровском художественном училище, вскоре переведенном в Биробиджан. Едва снявшему военную форму художнику (его в ней можно увидеть даже на фотографиях 1948 года) тоже предложили переехать в Биробиджан. Он согласился.

В краеведческом музее в Биробиджане сегодня выставлены три работы Александра Смелова, датированные 1952 годом: «Кинотеатр «Биробиджан», «Советская площадь» и «Вид на улицу Советскую из парка». На них знакомый и незнакомый Биробиджан полувековой давности.

Например, кинотеатр «Родина» носит другое имя и даже выглядит иначе: крыша со стороны фасада не треугольная, в стиле «сталинский ампи́р», а ступенчатая, придающая зданию сходство со старинной синагогой, и название кинотеат-

ра на идише. Советскую площадь сейчас горожане называют Старой, а большая часть ее давно занята сквером, и автомобили «Победа» с их характерным силуэтом, давно не подъезжали к зданию мэрии.

Наиболее интересной работой представляется «Вид на улицу Советскую из парка». Она охватывает значительный участок улицы, сохранивший некоторые старые здания и застройку с одной – нечетной – стороны. Со стороны городского парка в 50-х годах это участок просматривался особенно хорошо. Деревья на обочинах дорог не были высоки, плотно дороги было высоко насыпано, а от парка культуры и отдыха улицу отделяла речная протока. Только воспоминания старожилов да эта небольшая картина напоминают сегодня, что ПКиО был заложен в естественном лесу на острове, густо поросшем черемухой. Проходили в него по деревянному мостику. А на заднем плане пейзажа видна нитка деревянного моста на левый берег Биры. Между прочим, самого длинного деревянного моста на Дальнем Востоке, подъезды к которому охранялись пулеметами в дзотах

Среди первых учеников Александра Смелова были юноши Дмитрий Алексейцев и Григорий Штанько. В том, что они стали профессиональными художниками, несомненно, есть и его заслуга. И именно эти имена появятся в изданной в 1979 году Краткой художественной энциклопедии в разделе «Город Биробиджан», а имя Дмитрия Алексеичева носит студия Центра творчества, которой он руководил много лет.

К сожалению, вся творческая жизнь Александра Смелова не оказалась связана с преподаванием живописи и Биробиджаном. По различным жизненным обстоятельствам он затем перешел на гораздо более скромную работу. Некоторое время работал в Валдгеймской школе-интернате бок о бок с известным в ЕАО педагогом Исааком Пришкольником, чье имя теперь носит это учебное заведение. Художник Александр Смелов умер в 70-х годах. Из крупных работ, которые видело большинство жителей и гостей Биробиджана старше 36-37 лет – это портреты Бумагина, Кагыкина, Стяжкина и др. наших знаменитых земляков на Аллее Героев, выходящей на берег Биры из городского парка культуры и отдыха, который ровно полвека назад запечатлел на своей картине художник.

**Александр
Леонидович
ДРАБКИН**

Я стал журналистом почти по трагическому стечению обстоятельств. Я проштрафился перед Коммунистической партией, но Леонид Школьник, редактор «Биробиджанер Штерн», взял на работу в партийную газету провинившегося коммуниста.

Я не знал идиш и был несведущ в журналистике.

Писал, как бог на душу пошлет. С тех пор прошло 22 года.

Отработав семь из них в газетах, ушел служить в прокуратуру, где пребываю до настоящего времени в должности прокурора-криминалиста.

Ничего не изменилось. Пишу, что душой велено, но уже только тогда, когда мочи нет промолчать.

В газетах же моего творческого настроения не учитывали.

От строки зависела зарплата. Приобщившись однажды к журналистскому ремеслу, я так и не смог научиться не писать.

Мне повезло с учителями. Среди них были

Леонид Школьник и Роман Шойхет, Цаля Цырульник и Виктор Соломатов. Они были разными людьми.

Школьник заставлял распатать читателя первой строкой, Роман был сторонником академического стиля.

А я старался научиться и тому, и другому. Эта привычка учиться тоже осталась. Меня упрекали в «бабелизме» – подражании Исааку Бабелю, и еще в литературщине.

Может, я и был виноват в этом. Судить не мне, а читателю.

ДА ВОЗДАСТСЯ ДОБРОМ

ОДНАЖДЫ УТРОМ старый журналист Цаля Шабсович Цырульник обнаружил, что подняться с постели самостоятельно не может. Тело отказалось подчиняться ему, правая рука повисла плетью. Врачи поставили диагноз — инсульт, и супруга дала телеграмму сыновьям: «Срочно приезжайте, с папой плохо». Ему и раньше было трудно ходить. Недлинный путь до редакции он проделывал почти за час, шел с передышками, но шел же. Каждый вечер усаживался за свой стол (он работал вечерним редактором), вычитывал полосы и порой шутил с молодыми журналистами.

— Мальчики, нет бы придумать для старика катапульту, без катапульты трудно подыматься.

Все это было совсем недавно и могло продолжаться долго, да попался в руки Цырульника известный журнал, последний номер которого поливал грязью его газету. Редактор журнала, он же автор статьи, жил в Москве и облакал себя в мантию судьи, а он, по мнению Цырульника, не имел на это права. И старик, в последнее время редко бравшийся за перо, написал вечером того же дня возмущенное письмо, а утром...

Нет ничего страшнее состояния принудительного покоя. Даже в детстве вокруг него столько не суетились, как сейчас.

Вэй из мир, нашел, когда вспомнить о детстве! А впрочем, в его нынешнем состоянии самое удобное было вспоминать. Лежи себе и воссоздавай очерк собственной биографии. Вот только с чего начать?

СЛЯКОТНЫМ ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ кто-то несмело постучал в дверь священника, имевшего приход в селе Пирогово, бывшего имения известного русского хирурга. Отворив дверь, святой отец увидел еврея — сапожника с малолетним отроком. Они просили о ночлеге, и священник впустил их в дом. Сапожника звали Шабса Цырульник, он жил в местечке Красном и имел пятерых детей, одного из которых брал с собой, уходя на заработки в окрестные деревни. Цаля, так звали сына Шабсы, мог немного подкормиться у людей, а заодно и помочь. Впрочем, какой из него тогда был помощник?

Сердобольная попадья налила маленькому путнику чашку горячего молока, потом еще одну чашку, и, сморенный сытостью, мальчик уснул под разговоры отца и священника — людей разной веры, но живущих на одной земле. А утром священник подарил ему диковинную книгу в огромном черном переплете. Это были сочинения Джорджа Байрона. Никогда до этого не было у Цали книг, но вот повстречались на одной земле Байрон, поп и Цаля, и появилось от этой встречи большое счастье у маленького человека. Никогда больше они не встретятся. Но еще не раз добрым словом вспомнит Цаля священника, и отец его Шабса не раз помянет попа добрым словом, ибо через несколько лет в окрестных деревнях перестанут предлагать работу и хлеб.

ВОИСТИНУ: босый плачет до тех пор, пока не увидит безногого. Сейчас тяжкая вечерняя работа в редакции казалась Цале Шабсовичу радостью. Если сравнить газету с каким-либо изделием, то он выполнял в ней роль шлифовщика. Выправлял корявости и неровности газетных текстов и порой долго держал полосы. Когда потихоньку, а когда громко его бранили дежурные. Сейчас нет этого, но так еще хуже. Иногда надо бы поругаться, поспорить. В последнее время, например, часто слышал он утверждение, что, дескать, Еврейская автономная область — это сталинская резервация для евреев. Э, граждане, извините...

НАСТАЛО ВРЕМЯ, когда перестали привечать в деревнях портных и сапожников, печников и мастеров других ремесел. Не до сюртуков стало и черевичек. Не помереть бы с

голоду. А что, спрашивается, было делать местечковым ремесленникам? В этот самый момент появились вербовщики, зовущие евреев осваивать земли где-то на Дальнем Востоке.

Еще древние говорили: «Если человеку совсем нечего дать, дайте ему земли». На Дальнем Востоке им дали землю и даже корову. Кто из еврейской местечковой голытьбы мог об этом мечтать? Правда, их жизненный уклад был далек от производства молока и хлеба, но, как говорится, слава Богу, есть люди вокруг. Да воздастся добром встретившим их здесь пузиновским семьям: Киберевым, Забеленым, Барановым. Ибо не гнали они пришлых от своих обжитых очагов, не потешались над неумелостью еврейских женщин в крестьянской работе, не бранили их за неловкость, а, наоборот, учили всему,

что сами узнали некогда от родителей своих, теплом делились и умением. И людей отличали здесь не по картавому говору, а по тому, каков человек в деле. Так что, если кому интересно насчет антисемитизма, то не было его на дальневосточной земле.

Отец Цали быстро освоил пошив местной обуви и мог исполнить на заказ ичиги и олочи, а сам Цаля окончил курсы счетоводов и работал бухгалтером сразу в двух колхозах — имени Смидовича и «Новая жизнь». Так что не голодали они, как в былые времена.

— ПОРА ВСТАВАТЬ НА НОГИ, — сказал однажды доктор, посетив его. Цаля Шабсович и сам понял, что пора, и вспомнил вдруг, что однажды уже где-то слышал эти слова. «Пора вставать на ноги», — так сказал ему кто-то из стариков на похоронах отца. Только тогда он сам ставил на ноги сестер и братьев, а сейчас наоборот. Жена и дети помогали ему держаться на ногах.

Так случилось: сапожник Шабса погиб на реке Самарке, провалился под лед вместе с лошастью, и Цаля, схоронив отца, остался в семье за старшего. Его тогда перевели в Биру (бывший районный центр). Тринадцать колхозов было в Бирском, ныне Облученском районе, а поэтому в райисполкоме имелась такая должность — бухгалтер-инструктор по колхозному учету. Во время войны ему добавили еще две должности: секретарь исполкома и заведующий отделом трудовых ресурсов. Об этих его должностях можно было бы написать отдельную книгу. С горькими страницами про то, как стариков и инвалидов, детей и солдатских вдов мобилизовали на лесозаготовки в Вяземский район. А еще про то рассказать можно, как делил секретарь исполкома хлебные карточки, которые давали ему для экстренных случаев. Самое трудное в этом деле — отличить экстренный случай от обмана. Поди узнай, вон у той бабы с двумя детишками и вправду карточки утеряны или может... А баба кричит: «Коли не поможешь, советская власть, брошу здесь детей, им все равно помирать с голоду!» Чудно вспомнить, как не раз посылал он супругу свою Марию Израйлевну домой за картошкой или другой снедью, поскольку всегда экстремальных случаев было больше, чем карточек. А он, Цырульник, на то и советская власть...

И не то, что однажды не выдержал, а просто случай вышел. Повез он людей, человек двадцать, в село Унгун Сталинского района. Там тогда запасный полк стоял, в котором готовили бойцов для отправки на фронт. Привез он туда людей, а сам к командиру полка:

— Хоча остаться здесь, в армии.

А командир и не против. Ему как раз нужен был человек для интендантской службы. Только, говорит, это дело с райкомом партии надо согласовать. Вы ж, как никак, секретарь исполкома, товарищ Цырульник. Позвонил в райком, а секретарь в ответ ему:

— Не, приедет Цырульник добром — привезут его по этапу.

Вот и весь армейский сказ. Правда, вместо одного призыва угодил он в другой, в «Сталинский призыв». Так в те годы называлась Облученская районная газета. В сорок четвертом его туда и направили, и сразу редактором. Учítывая при этом еврейскую семилетку (по тому времени солидное образование), плюс опыт советской работы, плюс... Впрочем, что ни назови, одни плюсы получаются. Минусов в те годы в расчет не брали.

...ОДИН, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ... Правая рука сжимает резиновый эспандер, подаренный сыном. Если заставить работать руку, то можно будет понемножку писать. Он еще в состоянии что-нибудь делать. Правда, дети об этом даже слышать не хотят, а дочь газеты прячет. Ну, не смешно, если из семидесяти восьми лет жизни сорок связаны с газетой?

...Один, два, три, четыре... Встать, сесть... И вроде отходился я, мальчики, а на печке сидеть неохота. Станет потеплее, во двор выйду, сначала недалеко от дома буду гулять, а потом, глядишь, доползу до редакции. Не за один раз, конечно, с передышками.

Это ж сколько раз приходилось ему из села в село пешком? За день наломаешься, как на извозе. Газета — молох, сколько ни пиши, все в номер, в номер. А часа в два-три ночи включал он приемник и садился записывать сводку Совинформбюро. Ее тогда газетчикам по слогам по радио диктовали.

...Пять, шесть, семь, восемь... Сегодня сделал шестьдесят приседаний за день. Живем!

ПОСЛЕ ВЫСШЕЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ перевели его редактором обллита. Поскольку должность эта, как говорится, обязывающая, то самим редакторам в газетах выступать запрещалось. Однако ж для него делали исключение, поскольку, во-первых, был он человеком пишущим и без этого не мог, а во-вторых, многодетным — семеро к тому времени было у него. Всех одеть, обуть, образование дать. Ну, если честно, какие в то время оклады были?.. А ему-то с материалов порой доставалось больше неприятностей, нежели прибавки к заработку, поскольку темы искал серьезные, а пока к истине протиснешься, обязательно кому-нибудь на ногу наступишь. Как-то выступил он в адрес одного завмага из поселка Бира. Тот был человеком нечестным, к тому же хамом. Но племянник у завмага инструктором в крайкоме партии работал. Самолично приехал этот племянник над журналистом расправу чинить. Благо, он тогда нашелся, обратился к коллегам из «Тихоокеанской звезды». Отстояли.

ЦАЛЯ ШАБСОВИЧ ЦЫРУЛЬНИК взял со стола лист бумаги и впервые за много месяцев попробовал написать строчки. Получилось. Потом он снял телефонную трубку и набрал номер секретариата редакции.

— Анатолий, слушай, если есть там какая-нибудь работа, приносите, потихоньку сделаю. Скучно. Вот сам станешь старым, узнаешь, каково на печке сидеть.

«Такая тебе жизнь, какой ты сам хороший». Так издавна говорили в еврейских местечках. И если есть на земле справедливость, пусть так и будет, и воздастся добром наставнику моему журналисту Цале Шабсовичу Цирульнику!

1990 г.

ЖАЛОСТЛИВАЯ ПЕСНЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

«Собака бывает кусачей, только от жизни собачей»... Слова детской песенки обо всех нас и о тех особенно, кого по причине малолетства жизнь заставляет чаще демонстрировать зубы, нежели разум. А «кусачих» с каждым годом становится все больше. Сведениями о них пополняются огромные милицейские картотеки, где фиксируются кражи, грабежи, дерзкие хулиганские выходки, побеги из дома, ночевки в подвалах, на чердаках. И приходит день, когда у инспекторов, учителей, родителей созревает решение заключить маленького бродягу, наркомана, алкоголика, вора, в специальное учебное заведение, именуемое спецшколой для трудновоспитуемых подростков. Принято считать, что там процесс перевоспитания, режим и меры исключительно педагогического характера.

Совсем недавно, в 1989 году, благодаря многочисленным представлениям прокуратуры области такая спецшкола прекратила свое существование в поселке Известковом и тогда биробиджанский малолетний «спецконтингент» стали направлять в город Бикин, Хабаровского края. В тамошней «мориловке» — спецшколе я навестил своих земляков, поскольку, они «хоть и постылые, а свои», из нашего города, сюда вернуться и обязательно напомним о себе. Каким образом? Спросите об этом у инспекторов по делам несовершеннолетних, а впрочем, вы и сами поймете это, побывав в Бикинской спецшколе.

СПЕЦРЕЖИМ ДЛЯ СПЕЦДЕТСТВА

В город Бикин Гришка С. прибыл в один день со мной. В тот вечер, когда я устраивался в гостиницу, Гришка вселялся в карцер (здесь карантин), таковы правила для всех вновь прибывших в спецшколу. Впрочем, хронологической точности я не гарантирую, но история новичка довольно показательна. Она вмещает в себя почти «полный курс» коллективного воспитания — метода, главенствующего в школе (не только в той, к сожалению).

Его проверили (побили) — вроде не «мразь» и не «чухан», «сучить» не побежал, признали «пацаном». Здесь это высшая категория. Ночью в карцере были разборки, один из его ровесников не сдержал слова и тогда... Что произошло, сейчас установить трудно, но утром Гришка заявил, что сделал К. «обиженным», т. е. совершил акт мужеложства. Он не сомневался, что это придаст ему еще больше авторитета в среде «пацанов», но ошибся, как ошибаются многие в его возрасте. Утром свои же его «осадили», и стоило выйти Гришке из кабинета, как его «зачухали», опустили, унизили и перевели в разряд «чуханов». Удел такого жить в страхе, быть под «прессом» у «пацанов», и Гришка решил бежать, но был пойман и водворен в дисциплинарную комнату.

Он верит, что ему еще удастся «подняться». «Пацаны с правом» «расчухают» его, но это очень сложный ритуал, о нем — позже.

Мальчишки, не щедрые на откровения, сказали, что Ивана Ивановича Дудыша они считают здесь за «мента». Я не удивился этому, потому что должность заместителя директора по режиму обязывает его пресекать нарушения, наказывать, а главное, он обязан знать обо всем, что происходит в мальчишеской среде. Все это Ивану Ивановичу удастся по мере сил, и лишь побеги детей из спецшколы периодически вскрывают язвы, которые ему же приходится залечивать. Все это стоит бессонных ночей, каторжной работы по двенадцать часов в сутки.

Сегодня Дудыш снова готовил машину для поездки в Хабаровск. Продолжалась его бесконечная гонка за беглецами. А суть метода, на который опирается педагогический

коллектив, вкратце пояснил мне директор спецшколы Сергей Михайлович Тищенко:

— Все опирается на коллективное воспитание, — сказал он. — За нарушителями режима мы закрепляем дисциплинированных воспитанников. Главное — приучить детей к режиму и ответственности. На это уходит полгода работы. Дома они не привыкли отвечать за свои поступки, а здесь режим обязывает.

Я попросился на урок математики в 7 класс «Б» потому, что там учится большинство моих земляков-биробиджанцев. Из их личных дел я знал уже, что они попали в спецшколу не за победы в математических олимпиадах, поэтому и был удивлен, видя, как Лешка А. рвется к доске и решает пример, в котором сплошные алгоритмы.

По ходу он объясняет свои действия и, поставив точку, счастливый садится на место. Лешка «просится в сердце». Одна улыбка чего стоит, и мне хочется сразу после урока пойти к директору и попросить, чтоб его отпустили домой...

Лешкина мама спокойно вздохнула, когда в очередной раз из дома ушел его отец — скандалист и алкаш. И все бы ничего, да только малый затосковал по отцу раньше, чем из квартиры выветрился запах перегара. Прослышав однажды, что отец его в Ленинске, он сел в поезд и отправился в первое свое путешествие в город Хабаровск, ибо именно оттуда, по его мнению, можно было попасть к отцу. С тех пор дух бродяжий прочно поселился в его маленьком теле, а уютная мамина квартира стала чем-то вроде временного пристанища. Он стал воровать, но по малолетству получал прощение, к тому же щедр был на покаянную слезу. Ночуя на чердаках и в подвалах, прозябая в спецприемнике, Лешка и подумать не мог, что инспектор ИДН Любовь Васильевна устала от его «озорства» и другие тоже устали и готовят они сейчас документы для направления его в спецшколу... В последнем письме Лешка написал маме: «Пришли мне, пожалуйста, адрес отца, он мне нужен, как соловью лето».

А лето кончилось, хочется к маме, и в побег больше не пойдешь. Здесь за это спрашивают, и за учебу тоже спрашивают, и если «сучишь», и если «за падло» сделал...

После урока математики ко мне подошел мальчишка и спросил: «Что, видали, как мы здесь учимся, ведем себя хоро-

шо, да? А дома я бы обматерил всех и ушел с урока. Вот так-то, дядя!» И с видом человека-мудреца, озадачившего вопросом собеседника, он вышел из класса, и другие тоже вышли.

«Мы пошли, а ты думай, может, что и поймешь? »

БРЫЗГИ ДЕМОКРАТИИ

Брызги демократии достали школу несколько лет тому назад и были отголоском огромной волны, прокатившейся через державу.

Шпана чинила «беспредел», и он рано или поздно должен был закончиться взрывом. «Чухана» сделавшего «за падло», могли «задельфинить» — сбросить вниз головой в уборную, могли выкинуть со второго этажа, а уж о систематических жестоких побоях даже говорить не приходится. В восьмидесят третьем рванули в школе все, что могли, и ушли в массовый побег. В бикинских продмагах было совершено двенадцать краж. Тогда «тузы» народного образования и местные власти обратили к спецшколе свои светлые взоры, увидели ее проблемы и занялись их решением.

Но реально обстановка стала меняться лишь три года тому назад, благодаря «демократическим брызгам». Без указаний свыше был снят высокий забор, а вместо него поставлен обычный, не выше, чем в детских садах. Была сделана попытка больше опереться на систему доверия. Администрация и воспитатели стали решать вопросы внутришкольной жизни совместно с воспитанниками. И мальчишки тоже изменились. По мнению зама по режиму И. И. Дудыша, в них стало меньше открытого воровского цинизма. Они сменили или изменили несколько свои внутренние законы. Зато стали хитрее, изворотливее, лживее и больше, чем прежде, сейчас походят на замки с секретами. Почему?

Почему бывшие командиры и замы командиров отрядов, члены совета воспитанников, выходя из спецшколы, вновь совершают преступления и пополняют детские колонии?

И тут я снова возвращаюсь к Гришке, по недоумству нарушившему официальный режим и неписаные законы спецшколы. Помните? Сразу по приходу его «проверили» — побили. Существуют четыре категории воспитанников. «Пацаны» — школьная элита, авторитетные подростки, в руках ко-

торых власть. Они же, как правило, являются «буграми» — командирами. Посему служат у администрации как бы проводными ремнями в поддержании режима. Далее идут «мины», «чуханы», «обиженные» — народ бесправный и угнетаемый. Попасть в категорию «чуханов» можно сразу после проверки, а можно, как это было с Гришкой, после опуститься. Можно стать им и с ведома представителей администрации. Для этого командиру просто намекают, что, дескать, «пацан» не самый авторитетный, больно уж часто нарушает режим и поэтому у отряда плохие показатели, и не будет вам, стало быть, ни увольнения в город, ни других благ. И командир найдет способ унижить разгильдяя. А уж «чухана» приструнить легче. Через некоторое время, впрочем, снова можно стать «пацаном», но для этого нужно совершить серьезный ритуал. Следует подойти к пацану и сказать: «Я чистый, хочу стать пацаном». После этого нужно изжевать три куска мыла, получить шесть ударов кулаком по затылку — «колмычек» и три раза затануться от «штуки» — сигареты, прикуренной «пацаном».

Нынешние воспитанники Биробиджанской воспитательно-трудовой колонии, рассказали мне, что в Бикинской спецшколе пацаны переходили иногда по нескольку раз из одной категории в другую. Именно здесь подросток получает основы «воровского законодательства». Он учится оценивать свои поступки не столько законами человеческими, сколько внутренними правилами «пацанов с правом». И он будет решать алгоритмы и учить Пушкина, будет вежлив с воспитателями за это спросят, спросят «пацаны», которым дисциплина, режим ничуть не мешают быть повелителями. «Система коллективного воспитания в действии», — это скажет мой землячок Лешка, который вернется в Биробиджан, не только зная алгоритмы, но и научившись тому, что будет полезным во второй его жизни, не всегда понятной преподавателям, родителям, инспекторам по делам несовершеннолетних.

Своими наблюдениями я поделился с врачом-психиатром спецшколы Игорем Николаевичем Лимовым. Я спросил доктора, отработавшего здесь уже немало лет, не пытался ли он составить психологические характеристики каждой из групп подростков (я имел в виду «пацанов», «чуханов» и т. д.), чтобы на какой-то более-менее научной основе планиро-

вать работу с ними. Доктор ответил, что ему и в голову это не приходило, что его функции касаются не столько психиатрии, сколько педиатрического лечения обычных детских заболеваний, в том числе энуреза. Для лечения его, кстати, в школе нет медикаментов, и приходится ограничиваться введением, общеукрепляющих витаминов. Функции же Лимова-психиатра ограничены профилактическими беседами с воспитанниками.

Однажды в трудовом лагере, куда летом выезжает школа, директор Сергей Михайлович Тищенко решил вычеркнуть одну из статей неписаного закона «пацанов с правом». Зная о том, что «чуханы» и «обиженные» едят гнутыми ложками (не дай Бог такую в руки возьмет «пацан»), он за одну ночь изогнул все ложки. А утром школа отказалась от завтрака. Голодовка продолжалась более суток, но воспитанники все же начали есть одинаковыми ложками... С некоторых пор в столовой «высшая» и «низшая» касты школы стали сидеть за одними столами. Школьной администрацией были взяты под контроль места в спальнях помещений. Но, как и прежде, каждый воспитанник, в зависимости от своего положения, знает свое место и имеет свои, строго определенные права и обязанности. Как «пацан» не прикоснется к тряпке в туалете, так «чухану» не стать «бугром». Истлевший во времени метод коллективного воспитания дешевле кропотливой, ежедневной индивидуальной работы. Поэтому даже если доктор Лимов и сделает психологические характеристики групп подростков, даже если будет найдена методика воспитания, отличная от существующей, в Бикинской спецшколе некому будет ее внедрять. Большинство женщин, работающих здесь воспитателями, не имеют специального педагогического образования. По вечерам они читают с мальчишками книги, рисуют стенные газеты, а после отбоя уходят, обремененные бесконечными заботами. И человеческое тепло, единственное, чем они могут поделиться с воспитанниками, моментально растворяется в «разборках», драках, побоях.

Между тем не только забитые «чуханы», но и «пацаны с правом» мечтают отдышаться, отдохнуть от стаи. Здесь многие из них впервые попробовали мясо — не ворованную тушенку, а на вполне законном основании. Здесь в первый раз в жизни многие легли спать в чистую постель. Взрослые смог-

ли для них это сделать. И те, кто с детства приобрел гастрит, язву, туберкулез от ночевки на чердаках и в подвалах, подлечатся в ближайшие два года пребывания в школе. А вот как с душой быть?

На заседании совета воспитанников один из командиров попросил завуча: «Светлана Герасимовна, нам бы зеркало в бытовку, чтобы как-то по-человечески было, иногда и на себя хочется посмотреть. Давайте хоть в Хабаровске купим. У нас же воспитатели — женщины, не ради нас, ради них, хотя бы...».

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Издавна я слышал немало рассказов о стариках, которые после многолетнего пребывания в местах лишения свободы слезно просили лагерное начальство позволить им остаться в зоне, дабы дожить свой век в бараке на казенных харчах. Но то речь шла о стариках. А передо мной письмо 14-летнего мальчишки, написанное на имя директора Бикинской спецшколы. Парень просит разрешения остаться в спецшколе до 16-летия. Администрация считает, что воспитанника пора выводить (так здесь называется освобождение), как вставшего на путь исправления. Но парню просто некуда идти. Он никому не нужен ни в этом городе, ни в каком другом. Вот и ломает голову Сергей Михайлович Тищенко, как поступить. Такой случай здесь не единственный. Выпускники Бикинской спецшколы действительно никому не нужны.

Даже для своих родителей они зачастую навсегда отрезанный ломоть. В школах, где учителя вдоволь хлебнули лиха от пацанов, с ужасом размахивают руками: зачем он нам, только повысит процент правонарушений. Можно, конечно, на работу устроиться, да кто возьмет? И какую специальность получают они в спецшколе? Так называемое трудовое воспитание, основанное на примитивной базе, ограничивается изготовлением посылочных ящиков и другой мелочи, для которой ни сноровки, ни ума не требуется. А подросток, воспитывавшийся в течение двух-трех лет «замечательной системой коллективного воспитания», самостоятельно мало что может решить для себя. Даже в увольнение старшеклассники ходят группами. Здесь тоже — один за всех, все за одного. Не сбежишь, не нашкодишь, не своруешь. Свои же спро-

сят. А вот вышел из школы один, свободный, как птица, и здесь свобода всякое подскажет — плохое и хорошее. Хорошее реже, к сожалению.

Нужна система промежуточной реабилитации между неволей и свободой. Именно в этот период, когда подросток ничей, он идет на преступление. Нет такой системы. И никто вообще не думает, как, какими средствами ее создать.

По этому поводу много соображений высказал мне уже здесь, в Биробиджане, начальник инспекции по делам несовершеннолетних Олег Цаликович Воронин.

— Будь у нас средства, — сказал он, — можно было бы здесь, в нашем городе, создать свой центр социальной реабилитации подростков, где, с одной стороны, мы отвлекали бы их от преступных групп, вырывали бы из «вони и грязи» родительского дома (а в неблагополучных семьях зачастую так и есть). В то же время подросток жил бы в своем городе, общался бы с нормальными людьми каждый день. Мы создали бы свои человеческие законы, изначально вычеркнув воровские, бытующие в спецшколе...

Может, и прав сотрудник милиции, но пока инспекторы ИДН готовят дела новых кандидатов на отправку в Бикинскую спецшколу

*Биробиджан — Бикин.
1991 г.*

НЕ БЕСПОКОЙСЯ! ОНИ УЖЕ В РАЮ

Было у Авеза Оруджова две жены, обе гражданские, от обеих имел детей, обеих любил не христианской любовью, бил их смертным боем. Старшую жену звали Таня, от нее было у него трое детей — Эля, Сабир и Ольга. Младшая жена Елена родила Авезу сына Владика. Жены терпели друг друга как неизбежность, да вот только он, Аvez, похоже, нетерпим был к обеим. Не прощал им малейшей провинности, даже если таковой в наличии не имелось.

С годами жены привыкли к восточному образу жизни, довольствовались тем, что перепадало от Авеза. И жили бы они так долго, кабы не усталость, которая не только людям — и лошадям свойственна.

Из записок криминалиста

Меня на месте происшествия не было. Счастье! И вовсе не потому, что прихожу в неописуемый ужас при виде отчлененных детских голов. Господь сподобил повидать всякое. Я не видел Авеза, рыдающего и безутешного, как олицетворение вселенской скорби. Меня будет воротить от общения с ним так, как не воротит от самых обезображенных трупов. Всевышний сжалился. Я приступил к работе лишь утром следующего дня. Сидел над планом расследования и, памятуя уроки своего ленинградского учителя Генриха Арсеньевича Густова, удерживал себя от желания работать по единственной версии: убийство Оруджовой совершено отцом потерпевшей. За что, спра-

шивается? Я перебирал версии. А в это время убитый горем отец убеждал общественность в том, что не находит себе места в поисках любимых дочерей Оли и Эли. Видимо, почувствовав это, оперативники нашли-таки повод, позволивший им закрыть Авеза в ИВС — за угрозу убить свою соседку.

— Мамой клянусь, я не делал этого, Саша! — кричал Аvez при первой нашей встрече.

Я знал Авеза сто лет разбитным коммерсантом. Я пытался, как учили, войти в безотносительное положение с подследственным и установить контакт. Не выходило. Аvez разбрызгивал слюни по кабинету, стряхивал сигаретный пепел на пол и плевал туда же...

— Мамой клянусь! — кричал он. Потом еще вспоминал Аллаха, говорил, что тот велик и справедлив.

Справедлив ли был Аллах к Авезу, сказать трудно, да только на определенном этапе жизни удача отвернулась от него. Хорошо начавший коммерсант за короткое время разорился. А вот жены и дети остались, и кормить их, поить тоже надо было. И обозлился тогда Аvez. Не на Аллаха, конечно. На друзей и близких своих, а особенно на Татьяну, которая, по его мнению, Ольгу родила от русского человека. Вот тогда-то и стал он бить жену смертным боем. Привык к этому занятию, сбрасывал лишний адреналин. А вот она, Татьяна, почему-то не смогла привыкнуть. Странно: ко всему привыкает человек, а когда бьют его, привыкнуть не может. И однажды январским вечером, после того, как часть вырванных у Татьяны волос была сметена в мусор, решила она круто изменить свою жизнь. Сбежала, как это бывает, темной ночью, оставив на воспитание Авезу троих своих детей. Господь ей судья! Прошлого не вернешь.

«Я рос в атмосфере разума и интеллекта, мой отец был директором школы, я отлично учился... Мама хотела, чтобы я стал врачом, я поступил в медицинский институт... Я хотел быть юристом и поступил в юридический институт... В медицинском проучился недолго. Не помню сколько сдал сессий. Может, даже вообще не сдавал... В юридическом два раза сходил на занятия... В армии меня судили, но ни за что. Я ни в чем не виноват...»

Он ничего не хотел слышать, внимательно слушал лишь себя и очень хорошо контролировал свое состояние. «Она, Танька, — дьяволица, она сгубила мою жизнь, привезите ее, и все станет на свои места. Вот увидите, увидите, Оля найдется, вы найдете ее и перестанете меня мучить вопросами. Она увезла Олю. Привезите ее. Она поломала мне жизнь!»

Общение становилось невыносимым, и я переходил от защиты к наступлению. «Смотри!» Я показывал Авезу сделанное мною фото отчлененной головы Эли. В его глазах расплзался ужас, он отворачивался.

— Где остальное? — спрашивал я. — Отдай тела девочек, это не по-людски, когда дети не похоронены. Отдай...

Из записок криминалиста

Зеленые глаза, исполненные ужаса. Взгляд собаки, загнанной в сети живодерами. Но где же жалость? Его надо полюбить. Для того, чтобы понять. Иначе не выйдет ничего. Когда-то, примерно три года назад, мы с коллегой из уголовного розыска убедили себя в необходимости понять убийцу и насильника Молокова. Мы поняли его и убедили в необходимости покаяться... А здесь не выходит. Сердце заходится, как от падения с высоты в пропасть. Стоп! На сегодня хватит. Это еще не тупик. Еще не взорван лед на реке, где обнаружили голову Эли, еще что-то недоговаривает сожительница Авеза Лена, еще не все накопили опера. ЕЩЕ БОГ НЕ УСЛЫШАЛ НАС...

Вот тут-то прорвало Авеза от грубой неблагодарности женской. Его темперамент, дремавший на время отсутствия хороших коммерческих сделок, проснулся, проявилась активная жизненная позиция. По воспитанию детей. Стоп! Разве можно пропустить такой факт в этой истории, как попытка взвалить груз ответственности за воспитание детей на отца Татьяны, специально привезенного для этих целей из города Хабаровска? Старик больше двух дней не выдержал избиений и сбежал. А бить кого-то, мстить кому-то за побег Татьяны нужно было, вот тогда-то и пришла очередь девочек.

Из записок криминалиста

Сказал мне человек, читавший Библию: «Дети попадают после смерти сразу в рай. Не беспокойся, они уже в раю».

Но это неправильно, когда не захоронены тела. На реке взрывами рвали лед. Когда Оруджов узнал об этом, он молился на непонятном сокамерникам и охране языке. С каждым взрывом рвались надежды найти тела девочек...

Дети врать не умеют. Его бы устами гласила страшная истина, да уста Сабира, 11-летнего сына Оруджова, почти немый. Слуховой аппарат поставили слишком поздно. Роза, сурдопедагог, обучающий Сабира, считает, что мальчик мог бы говорить, не будь так запущен, а сейчас лишь она понимает мальчика. А Сабир срывается на эмоции, издает звуки, что-то начинающие, понятные только ему...

«Папа бил Элю и Олю ремнем...»

«Эля лежала, а Оля ходила...»

«Папа Сабира не бил, нет...»

Сабир был первым свидетелем. Потом был Вадик, сын Авеза, рожденный от другой женщины, и сама женщина, так и не сумевшая защитить детей.

«Не бей их, — шептала она, потому что боялась кричать, — оставь их».

Утром она уйдет и уведет с собой Сабира и Вадика. Она спасет им жизнь, но уже не поможет Оле и Эле. Она сделает то, чего не смог бы сделать никто: опознать голову Оли. Она опознает ее по косичке, которую заплетала накануне, ровно за день до того, как заботливый папа Авез напишет и оставит на дверях записку: «Эля и Оля, когда придете домой, идите к тете Суне».

Это будет за день до того, как, отмыв от крови руки, папа пойдет искать детей в школу и будет плакать в машине у родственника: «Только бы их не изнасиловали. Я этого не переживу».

...В эту ночь обязанности хозяйки в доме исполняла Лена. Тихая и терпеливая Лена, прощавшая побои и издевательства. Все началось при ней. Как говорят юристы, формальным поводом для скандала явились плохие оценки Эли и Оли. Дальше — ставшие обычными упреки в том, что они скрывали мамины измены. Потом были пощечины. Удары руками, потом палка, ремень. Они не сопротивлялись, и только Эля, старшая дочь, пыталась телом прикрыть Олю. Лена вмешивалась, но «скорую» не вызывала. Может, и вправду

боялась Авеза, а может, надеялась на благополучный исход. Как это было, когда Аvez бил ее саму. Эля умрет утром, а Оля последует за сестрой чуть позже. Ему не нужна была свидетельница убийства. Он уже привык к тому, что за его поступки должны отвечать все, кроме него. Расчлененные трупы детей будут частично сожжены в отдаленном районе города, отрубленную голову Эли найдут в реке Бира...

Из записок криминалиста

Вот теперь я все тебе докажу.

Нет, они не в раю. Душа не покинет незахороненное тело. Иначе какая же она, душа? Иногда казалось, души девочек врываються к нам и хотят подсказать, где тела, а мы не слышим их....

Голову Оли забрали у собаки. Собака тащила голову в сторону города. Мы рядом, мы скоро освободим души от обязанности охранять тела.

— Она жива! — кричал Аvez, — она вернется, но что я должен сделать, чтобы вы верили мне?!

— Отдай тела, и мы похороним их.

— Это не она, я не могу опознать ее, мне плохо, у меня болит нога. Ну почему же вы меня так не любите?

Он сменил адвоката и начал давать показания. Неужели все, Господи?

Тела маленьких девочек, превращенные в пепел, перемешанный со строительным мусором. В помещении, служившем туалетом. Все, что не успели съесть собаки, было теперь экспертным материалом.

Уже недолго, скоро эпилог затянувшейся трагедии. В траурном зале будет стоять вопль, он будет выкатываться на улицу вместе с ничем не видящими от горя людьми. А Сабир, следуя за гробами сестренки, будет бить себя по голове руками и кричать: «Папа бил Элю и Олю ремнем... Эля лежала, а Оля ходила. Папа Сабира не бил, нет...»

— Не беспокойся, они уже в раю, — хотелось сказать мне Сабир, но сопровождавшая его Роза не помогла бы мне. Да и нужно ли объяснять ребенку, что сам он ад уже пережил, а рай — это жизнь без папы Авеза? Не поймет малыш...

... 13 марта преступному пути Оруджова был положен конец. Именно в день обнаружения головы Оли разбушевавшийся в очередной раз Аvez будет пытаться душисть соседку, за что его посадят в изолятор временного содержания. Он уже не выйдет из него до окончания срока наказания, которое сегодня будет оглашено в суде.

Из записок криминалиста

Увидев Авеза в суде, можно разочароваться в человечестве. Способность к покаянию отличает человека от человекоподобных существ. Аvez не каялся. Жестокое избиение детей он называл «наказанием». Решение убить младшую дочь облек в еще более безобидную форму: «поправить ошибку».

Аvez созревал среди нас, как раковая опухоль. Он не настолько беспокоил окружающих, чтобы заслуживать их осуждения и вмешательства. А опухоль давала метастазы, которые уже убили двоих детей. Увы, есть один путь поправить ошибку, и тогда я попросил суд приговорить Оруджова к исключительной мере наказания...

Он не сводил глаз с жены и кричал, а после шептал проклятия. Надо было видеть, как страдал он самому себе. За месяцы, проведенные в следственном изоляторе, он окончательно приучил себя к мысли о возможности переселиться из камеры в палату для душевнобольных. Он и сейчас верит в это.

**Татьяна
Сергеевна
БРЕХОВА**

Родилась в 1977 году, в семье военнослужащих. Сотрудник отдела Судебного департамента в ЕАО. Считаю себя дальневосточницей, несмотря на тайное стремление возвратиться на малую родину – в далекую Чехию, где так любят рассказывать легенды и сказки. Любовь к чтению побудила связать свою жизнь со словом. Словолюбие привело сначала на филолого-исторический факультет Биробиджанского государственного пединститута, а затем – в редакцию областной газеты «Биробиджанская звезда».

Получив за семь лет работы в отделе новостей профессию репортера, пристрастилась к еще одному занятию. Понравилось писать очерки. Портреты, исторические зарисовки – хотелось копаться в людях, архивах, в себе.

Публиковалась не только в «Биробиджанке», но и в хабаровских газетах, а также в журнале «Родное Приамурье», альманахе «Биробиджан».

Соавтор опубликованного в Москве сборника очерков российских и китайских журналистов.

Сейчас продолжаю любить слово, но уже в другой стихии. Издаю правовую газету судейского сообщества в отделе Судебного департамента в ЕАО.

Портрет

ЛИЧНЫЙ ЛЕС – ЛИЧНЫЙ ХРАМ

С Александром Шадурой мы вряд ли могли познакомиться иначе. Например, где-нибудь в городе. Нет, только в лесу и только в хвойном да еще, как оказалось, в его собственном лесу! Хотя мы и были наслышаны, что Шадура прекрасный резчик по дереву — хочешь змею сделает, как настоящую, или вырежет барельефный портрет Дерсу Узала, или даже местного бича с характером «выведет», — но то, что этот человек вырастил своими руками настоящий дендрарий... И что он всю жизнь отдал деревьям, словно малым детям, охранял их от безжалостного пожара, от недоброй человеческой руки, от непредсказуемой стихии... Маялся с ними и радовался. Так и росли вместе, кто выше.

Человек и дерево — практически философская категория.

Ехали за кедром — приехали в сказку

— Привет, где отец? — спросили мы младшего сына Шадуры, подъезжая к дому.

— У себя, на участке.

— Вези.

Подхватив двух малолетних племяшек, сын садится в машину. Едем. Нам с коллегами понадобились кедр — хотели посадить полсотни в релке, неподалеку от села Птичник, где живет Шадура (его, кстати, идея), и в городе. Купить кедр дорого, а Александр Васильевич предлагал взять бесплатно — лишь бы сажали. Подъезжаем к дачным участкам, то есть самым обычным огородам: картошка, капуста, тут же гаражи какие-то. Тесно. В общем, буднично все, только солнце уж очень веселое, по-летнему жгучее.

И вдруг останавливаемся у высокого частокола — торчат деревянные кольца зубьями вверх, как в народных поверьях про Бабу-Ягу! Нет только черного кота и разбитой крынки на заборе. Ехали за кедром, а приехали в сказку.

Но это была присказка. Самое интересное впереди.

Александр Васильевич встретил нас и пригласил зайти на участок, где уже были выкопаны и уложены в мешки возле деревянного домика саженцы корейского кедра. Пока их относили в машину, мы успели побывать в лесу. Как мы в него попали, припомнить в деталях сложно — хотя потом приезжали на дачу к Шадуре еще раз. Сказка всегда начинается внезапно.

У леса, в отличие от храма, нет дверей и нет прихода. Кто бы подумал, что на обычном огородном участке, за высоким забором растут не картошка, а деревья — высоченные ели и кедр, на широких лапах которых можно разглядеть, если долго смотреть вверх, шишки! Много зеленых шишек, как на новогодних открытках. Мы осторожно ступаем по земле — пахучей, хвойной, по узким тропкам, боясь подавить белые цветы земляники, зеленые листочки дубка и клена, маленькие кедр и сосенки. Ветерок принес запах смородины, а где-то в тенистой прохладе вьется ветка кишмиша, растут аралия, барбарис, а по краям тропинок тянутся вверх дикие пионы.

В высоте кружится птичий гомон, отдаваясь эхом в хвое двадцатилетних деревьев. Макушки их качаются в высокой синеве и кажется, что так они вентилируют свежий аромат лесного утра. Кукушка не спеша, начав задолго до нас, отсчитывает часы и годы.

Александр Шадура смотрит на мир глазами не человека, а дерева.

Мечта о храме до небес

На машине вместе поехали в релку. Это небольшой участок редкого леса, шесть га, которые Александр Шадура арендовал у муниципалитета. Там, когда узнали, что человек собирается выращивать кедр, даже плату за пользование землей брать не стали. За доброе дело денег не берут.

По дороге машина застряла в широкой колее и дальше пришлось нести тяжелые мешки с саженцами на руках, в обход небольшого озера.

Когда дошли до места, заметили, что релка практически выгорела в прежние годы, несмотря на то, что Александр Васильевич регулярно копает широкие заградительные полосы.

— Кто-то шел мимо, дай, думает, спичку кину, — в голосе Шадуры горечь. — А кедру разве много огня надо? Он только так вспыхивает.

Уже много лет Александр Шадура сажает здесь кедры, выращенные им, как он сам говорит, с семечки. Был бы у человека свой кедровник, свой личный лес побольше того, что на даче, где так тесно, что многие хвойные вынуждены расти не в высоту, а в ширину...

Саженцы, которым уже лет пять-семь, закапываем в лунки, которые прямым треугольником намечаем рядом с заградительной полосой. Шадура здесь — хозяин и мы делаем все только по его советам. Каждое дерево щедро поливаем из ведра — за водой на озеро бегают сам Александр Васильевич. Встревожен, как бы кедры не засохли. Впрочем, успокаивает он нас и себя, дерево это неприхотливое: если влаги мало, то корневая система растет на многие метры вглубь земли, а если нет, то располагается по самой поверхности почвенного слоя.

— Кому бы еще елок впарить? Никто же не берет. Один предприниматель только раз приезжал, брал кедры для своих нужд. Да вы приехали. И все. Правда, воровали несколько раз с участка — придут тайком, срубят пару под новый год. Приходите открыто — я так дам! Задаром. Нет же... Елки зеленые!

А сколько он сам знает про эти «елки зеленые»? Наверное, больше, чем любой профессиональный дендролог. Специалисты лесного хозяйства нередко советуются с Шадурой и тот всегда готов объяснять долго и детально, легко справ-

ляясь даже с латинским названиями растений. При этом стесняется того, что остался без серьезного образования. А потом машет рукой:

— О Библии, о Боге пора мне думать... Но не брался еще. Только человек начинает жить — родился, выучился, все время к чему-то готовился и вот тебе старость!

— Мы к тебе, Васильич, на следующий год сюда весной опять приедем. Еще кедра насажаем, — ободряем его.

— А-а, давайте, давайте. Планируйте. А бог смотрит на нас сверху и смеется!

Точно. Не знаешь, где Аннушка прольет подсолнечное масло. Мне показалось, Шадура смотрит на мир глазами не человека, а дерева — ему, мудрому, но еще молодому, сверху виднее: люди живут меньше, чем деревья, и зачастую абсолютно бесполезно. Может, именно это его и пугает?

Посадить дерево — попытка пережить короткий человеческий век. Может, поэтому слово «дерево» для многих народностей, в том числе славянских, имеет сакральный смысл наряду со словами «мать», «родина», «хлеб». И в этом храме до небес, живом, качающемся на ветру храме, человек и становится ближе к Богу и вечности — без посредства священника и Библии.

Надо, чтобы деревьев было тьма

Когда мы приехали во второй раз, Александр Шадура повез нас туда, где шестилетним пацаном посадил свое первое дерево. Здесь, в красивом добротном доме, недалеко от поселка, жили его родители. Мальчик принес откуда-то елочку и посадил возле ограды. Потом, по совету матери, перенес ее ближе к дому. А чтобы ель не засохла — солнце сильно жарило, — Саша прятал ее под мешок. Так и выходил. С тех пор прошло сорок лет и сколько всего было посажено деревьев, не пересчитать.

Шадура сказал, что эта ель шириной в два обхвата и еще:

— В этом году урожай на ней не то, чтоб богатый. Очень богатый! Шишки даже на нижних ветках растут, вся усеяна. Такого никогда не было.

Когда смотришь снизу на ветвистый ствол, обнять который невозможно, сразу вспоминаешь ежика из мультфильма

по сценарию Козлова. Он, темный от времени, словно кружится вокруг своей оси вместе с мохнатыми лапами и маленькими шишечками, которыми и вправду усеяна вся хвоя.

В селе Ленинском, где родился Александр Шадура, елей и кедра очень мало. На Новый год родители ставили березу, а пацаны иногда находили хвойные веточки где-нибудь на улице.

— Что же это за жизнь такая! Елки зеленые! Надо, чтобы елок было тьма.

Мечта мальчика исполнилась. Шадура женился, вырастил шестерых детей. Где только не работал — даже в школе, в рыбинспекции.

Жаль только, когда деревья горят. Несколько лет назад Шадуре пришла в голову новая идея: сажать кедр на острове. На реке Бира между селом Птичник и Старым аэропортом выбрал длинный в полтора километра остров и стал перевозить на лодке кедры. Пока они растут. И их, слава Богу, никто не пытается спалить.

Напоследок Александр Васильевич пригласил к себе в гости и подарил ... змею, деревянного полоза, свернувшегося кольцом. Мне показалось, что в продолжении сказки, он сейчас зашевелится и ускользнет из рук. И вообще окажется, что ничего этого и не было...

РОМАН НА ОДНОМ ЛИСТЕ

Весенний лучик притворился кошкой и томно развалился на чистом листе глянцевой бумаги. Мольберт развернули в другую сторону, и лучик нехотя соскользнул на пол. Теперь хорошо. «Так что там?.. Ах да, про Андрея Захаровича...» Перо неспешно окунается в тушь и рука сама, как бы между прочим, ведет линию. Иногда оно остается забытым и висит над листом, словно черная птица с длинным клювом. А потом — его отпускают на волю и оно смакует каждый штрих, обводя его снова и снова или выписывая сложные детали. И вот в стремительном падении перо летит вдоль мольберта, оставляя на бумаге причудливый след виража. Замирает, будто любитесь удачной линией... И — после росчерка «Роза» непросохший лист падает к капризной солнечной кошке. Для ознакомления. А на мольберт ложится другой рулон бумаги.

«Пионерская правда» и Академия художеств

Семья Андрея Захаровича Толчинского погибла в Бабьем Яру и у него никого не осталось, кроме нескольких талантливых учеников-сирот, которых старый художник обучал рисованию. Иногда Толчинский консультировался с невро-

Художник Роза Строкова

патологом Верой Туркменовой. У нее было две дочери — старшая Роза и младшая Гульнара. Как-то у них в гостях он увидел детский рисунок, лежавший на мусорном мешке.

С тех пор Роза ходила к Толчинскому каждую неделю, всегда принося новый ворох работ. «Бог мой, и откуда ты это взяла?» — часто удивлялся Толчинский фантазии ребенка, по-взрослому рассуждавшего на темы, словно взятые из романов Толстого и Флобера.

У Толчинского Роза впервые начала рисовать тушью и пером. Художник сказал: «Рисуй сразу, наверняка и никогда не пользуйся карандашом». Андрей Захарович отправлял работы девочки на международные выставки, в том числе в Японию, в детский республиканский журнал «Подснежник» и в «Пионерскую правду». Со всей Киргизии от ровесников приходило множество писем для Розы. Но когда Толчинский приносил грамоты и дипломы, где стояло ее имя, она не понимала, как много значат для подростка подобные признание таланта.

После школы решила сразу ехать в Ленинград. В коридорах Академии художеств Роза с мамой долго плутали, пока не стали обращать внимание на приходивших поступать. В основном это были уже зрелые мужи, с трудом протискивающиеся в толпе со своими монументальными холстами. Роза вспомнила о папке с рисунками и в испуге сказала маме: «Пойдем отсюда!». Она обиделась на Ленинград и даже не сходила в Эрмитаж.

Педагогический институт имени бабника Маяковского

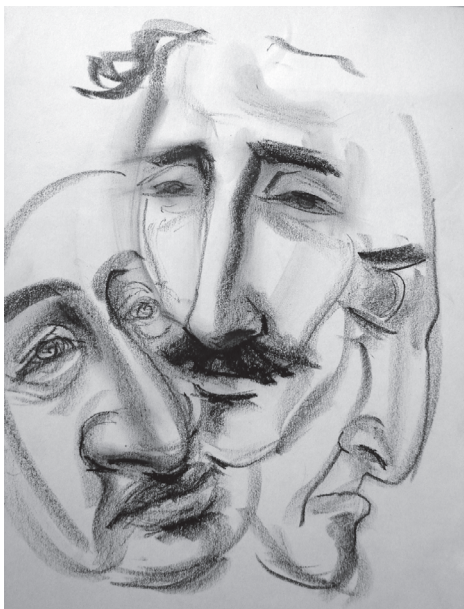
Именно так в шутку называли Бишкекский вуз, куда на отделение дефектологии филологического факультета поступила учиться Роза. Здесь — одни девчонки и первое время у Розы рябило в глазах от бесконечного мельтешения женских лиц. Для художника это прекрасная портретная галерея редких и оригинальных типажей. Роза рисовала не только своих однокурсников, но и преподавателей. Последние охотно позировали по ходу лекций и семинаров и не делали замечаний. А главное — деликатно не просили показать эскизы.

На старших курсах один из профессоров — Александр Самуилович Кацев предложил Розе провести мини-выставку вместо зачета по курсовой работе. Роза выбрала булгаковский роман «Мастер и Маргарита» и подготовила к нему столько рисунков, что рассказа по ним хватило на несколько часов. В лекционном зале ни разу не перебили ее.

Незадолго до окончания института Роза познакомилась с пресс-секретарем Чингиза Айтматова. Ему понравились рисунки Розы и он отвел девушку к режиссеру Киргизского драматического театра. Там ей предложили заняться оформлением одной из будущих постановок. Об этом Роза могла только мечтать! Однако жизнь распорядилась по-своему.

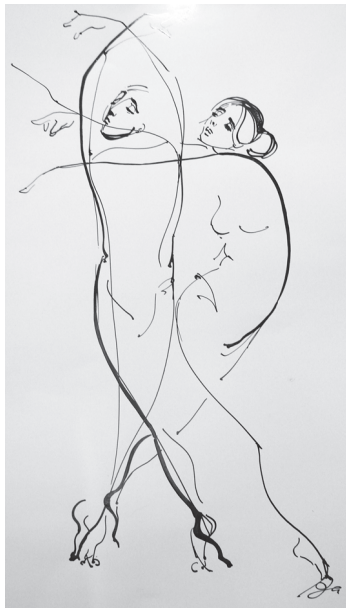
В городе Ошъ начались народные волнения, связанные с «национальным вопросом», и многие русские в начале 90-х годов были вынуждены покинуть Киргизию и ехать в Россию. В это время Роза была уже замужем за Игорем Строковым. Молодожены последовали примеру многих, выбрав на карте СССР город, обозначенный маленькой точкой где-то на самом юге неведомого Дальнего Востока... Здесь жили родственники Игоря.

Душный август 1991-го года

Конечно, в Биробиджане лето совсем не такое, как в Средней Азии. Город встретил дождями и шелестом пожухлых листьев на невысоких тополях. В карманах горожан — талоны на все продукты питания, в магазинах — сгущенное молоко на развес, по телевизору — «Лебединое озеро». У Строковых не было прописки, а значит и талонов тоже. Длинные ряды на рынке почти пусты. «Берите, уматные семечки», — торгует одинокая бабушка. — «Какие, какие?» — «Хорошие, говорю». В Киргизии так не говорят. Придя домой, Роза нарисовала скучающую бабушку с семечками и подписала: «Семечки уматные».

Работы в Биробиджане не было, и Строковы, отчаявшись устроиться, решили лететь домой. Отправили телеграммы своим — мол, ждите, возвращаемся. Однако в день отъезда кто-то из новых знакомых принес свежий номер «Биробиджанской звезды». Вас ищут по объявлению! Розе предложили работу в областной детской поликлинике по ее специальности и даже обещали комнату в общежитии.

«У нас так никто не делает»

«Только приехали, а уже столько друзей. Когда вы успеваете?» — спрашивали их в общежитии. У Строковых всегда был народ — приходили пообщаться, чем-то помочь молодым, любовались рисунками Розы. Она принимала гостей и рисовала: портреты мужа и соседей, свои сны и фантазии, собаку у окна, ждущую Игоря с работы. И даже резала декупажи — причудливые бумажные силуэты. Игорь все чаще стал говорить о том, чтобы Роза отнесла рисунки в музей современного искусства и показала художникам. Она боялась широкой публики, а муж считал, что именно мнение людей, особенно профессионалов, необходимо знать.

И вот втроем — на руках маленькая Вероничка — Строковы пришли в музей, где их встретил директор Борис Юрьевич Косвинцев. «У нас так никто не делает, — просто сказал художник, рассматривая графические листы Строковой. — Приносите, будем выставлять». Что больше всего удивило, Косвинцев — первый и, наверное, последний художник, не поинтересовавшийся образованием Розы.

Через три года здесь прошла первая персоналка Строковой. Через два — еще одна. В начале нового века хабаровские ценители изобразительного искусства дважды встречали графику биробиджанской художницы в галерее «Арт-подвалчика». В 2004 году Роза стала участником II Международного биеннале графики, которое прошло в Санкт-Петербурге. Три книги выпущено с ее иллюстрациями — к лирике биробиджанского поэта Александра Дабкина и Владимира Волжанина. Работы Строковой хранятся в частных коллекциях в Израиле, Германии, Америке.

Роман на одном листе

— О чем вы думаете, когда рисуете? — иногда спрашивают у Розы Строковой.

— Думаю о том, чтобы Вероника вовремя пришла со школы что надо еще за хлебом сбегать. И придумать, как разыграть друзей к первому апреля!

Может, Роза шутит, а, может, и нет. Понять мысли художника, как и любого человека, очень сложно. Еще будучи сту-

денткой, Роза впервые увидела репродукции Иеронима Босха. Фантастический мир живописца, абсолютно невообразимый, как абракадабры подсознания, потряс юную художницу. Интересно, о чем думал Босх, когда писал видения ада?

Одно из любимых Розиных занятий — наблюдать за людьми. Почти каждый человек кажется ей красивым, история жизни — уникальной, мысли — свежими, шутки — оригинальными. И все невольно просится в образ, в мысль, в линию, в роман, написанный на одном листе. Недаром психологический этюд стал любимым жанром графики Розы Строковой. Однажды она сказала, что все люди играют роли. И даже не одну за длинную жизнь. Те, кто не знает своих ролей, ей неинтересны. Всмотреться в пьесы будней, дойти до сути, до того момента, когда маска мима слетает и обнажается суть, — вот задача, посильная исследователю душ. Только что художнику важнее: маска или истина, поза или правда, фантазия или реальность?

В любом случае, эстетизм, чистота и легкость линии художницы, научившейся избегать черновых набросков, — это козырный туз, который только один в колоде. Будь то немощный старик, ревнивая жена, скучающая барышня, ведьма, не попавшая на карнавал, любовники в порыве страстного поцелуя, муж-подкаблучник, танцующий еврей, влюбленные коты на крыше, восточный кувшин, театральные закулисы, долг с умирающей любовью на руках, скромная блоковская Русь, — все созданное пером Строковой, узнаваемо.

— И зачем я это делаю? — спрашивает Игорь, оформляя работы жены к очередной выставке. — Я же не художник.

— И я не художник. У меня об этом нигде не написано.

— Нет, это ты у нас художник... И зачем я это делаю?

— Ну, не делай, Игорь, не делай! И не надо! Игорь! Зачем ты это делаешь?

В ШАТРАХ У ШЕМА

Дороги поэтессы Риммы Лавочкиной — Биробиджан, Москва, Израиль... А стихи, оставляемые по пути, — это следы, которые всегда ведут к Богу.

Вы из Биробиджана? А зовут как?

Евтушенко опаздывал. А его ждали. И так жадно ждали, словно и не человек он, а корабль, вернувшийся из большого плаванья, из далеких стран, о которых можно лишь прочитывать в книжках и — потом мечтать, мечтать о приключениях, о подвигах, о славе

И вот «большой корабль» здесь, прямо в лекторском зале Московского литературного института. Евтушенко снял верхнюю одежду. «Ну как вам мой свитерок, африканской бабушкой вязаный?» — спросил он громко и так просто, что студенты первого курса поэтического отделения вздохнули и расслабились. Свитер у Евтушенко был в странных заплах и с геометрическим рисунком.

Поэт долго рассказывал о себе. Молодежь слушала, надеясь, что вот сейчас будут стихи. Но вместо этого, сделав паузу, Евтушенко сказал: «Давайте вы почитаете свое, а я лучшие стихотворения отберу для антологии, над которой сейчас работаю. Трудность у меня одна — не вижу я поэтов! Может, кто-то из вас мне понравится?» Потянулись руки. Надеюсь понравиться, читали «политическое», о православной духовности и даже удивляли бредом о шизофрениках. Евтушенко отмахивался: «Ты пугаешь, а я не боюсь». Потом встала одна девушка и — полилось громкое, певучее:

Римма Лавочкина: Поэзия – это дорога к Богу...

*Как родился, так в глазах облака...
Оттого и белый свет набекрень.
Оборотится струною тоска,
Да березой оборотится пень.*

Дослушав до конца, Евтушенко серьезно заметил: «Живое стихотворение и поэт живой. И язык настоящий, русский. Вы откуда?.. Из Биробиджана? А зовут как?

— Лавочкина Римма

«...И крылатая мечта»

У Ноя было три сына. Младшего звали Ефетом, Яфе, что в переводе значит «красота». Бог сказал: «Ты должен жить в Шатрах у Шема и служить искусству».

Вот они шатры Шема, в Москве, в далекой суетной столице, где никому нет дела — кто ты и чем занят. Римме Лавочкиной Москва нравится и не нравится. Все москвичи, словно дети подземелья, полдня едут в метро и думают только, где бы раздобыть денег. Но странное дело... Вот едут они в метро, а в руках у них книги — и не только Маринина и Акунин, но и Блок, Мандельштам, Бродский. А стоит перейти по ту сторону турникета, где начинается территория Московского литературного института имени Горького, и укрепляешься в мысли: только здесь живет поэзия, рожденная словно под шатрами Шема. Только здесь. Ничего подобного в Биробиджане нет.

С легкостью поступив на поэтическое отделение, Римма Лавочкина не сделала для себя ничего необычного. Да, она мать двоих детей — дай Бог их больше! — и для учебы в Москве нужны деньги на проезд и проживание, но все же Римма должна решиться на то, что в душе живет давно.

Лет в шестнадцать написала строчки — такие, словно припудренные чем-то дурманящим и манящим. Нет, не пудрой, а солью посыпанные, поэзией посоленные немного. И никто не говорил Римме всерьез, что она будет-таки поэтом. Хотя писала стихи с детства. Пару раз в областной газете появлялись ее стихи — с легкой руки поэта Виктора Соломатова. Даже школьные сочинения у нее всегда получались в стихах. На уроках литературы в параллельных классах учителя вслух зачитывали сочинения Риммы Лавочкиной, и ее ровесники,

очарованные, подражали, как могли, рифмуя Вронского с Карениной

«У меня есть только детство»

Как можно не стать поэтом, если пишешь и при этом плачешь? Когда ты вдруг обнажаешь себя, раскрываешь душу нараспашку и при этом стыдно, стыдно... А иначе бывает? Либо ты гол и правдив, либо прячешь себя за красивые слова, наряжаясь на карнавал в фальшивые одежды — там парики, шампанское, свечи и камин. «А у меня камина нет».

*У меня есть только детство,
Только родина одна,
У меня есть только сердце
И крылатая мечта.*

*Нет ни маминой заботы,
Ни поддержки, но всегда
Руки есть и есть работа,
И крылатая мечта.*

Это из тех, ранних, шестнадцатилетних стихов. Римму воспитали бабушка и дедушка, и — Биробиджан, и родной дом. И всю свою любовь, накопленную за годы детства, она потом, спустя годы, излила в эссе «Чидл-Мидл». «Я была ребенком, а дом — взрослым. Его освященная сторона была веселой, а кирпичи — теплыми и шершавыми, как щека деда».

Крылатая мечта... По мере взросления Римма стала бояться мечтать. Она прочитала Цветаеву, Пастернака, Евтушенко. Голова закружилась, словно Римма заглянула в бездонный колодец. Страшно? И да, и нет. Ау-у! Упасть, расшибиться? Значит, так Богу угодно. А если удержалась, если есть талант, предчувствие которого и заставляло лить слезы над бумагой, над стихами известных поэтов, значит и бояться не надо.

Поэзия — это не способ выразить себя. Это путь к Богу. А стихи — лишь следы, ведущие к Нему.

«Колючий, размалеванный рай»

Сколько бы не думал поэт о смысле своего творчества, многое диктует сама жизнь. Римма Лавочкина уехала в Израиль и прожила там до тридцати лет. На исторической родине

пригодилось полученное в России образование — Римма окончила художественно-графическое отделение Благовещенского педагогического училища.

В Израиле пришлось много трудиться. Вместе с мужем Римма стала владельцем фирмы, которая специализировалась на копировании работ известных мастеров европейской живописи. Репродукции печатали шелкографическим способом, но доводить их приходилось вручную, тщательно подражая оригиналу. Казалось бы, не до стихов. Но Римме уже 26 лет и ни одного поэтического сборника она не выпустила. Поэтому, следуя традициям российского самиздата,

между делом отпечатала одну за другой книжки — «Иная страница» и «Шелуха небес». Сборники Лавочкиной нашли своих читателей. Это случилось, когда в одной русскоязычной газете была подготовлена подборка ее стихов. Автора заметили и стали приглашать на женские вечера, встречи ветеранов и пенсионеров. Поклонники, а их становилось все больше, ходили следом и просили продать книжки. Популярность в кругу немолодой публики казалась Римме странной: ведь в эти годы она писала, по ее выражению, «гормональные стихи»:

*Мнет напрасная досада
Губы глупые твои.
Я не та, с кем знаться надо,
Я слоняюсь по любви.*

Подборка в «Шелухе небес» оказалась более зрелой. Именно тогда были написаны самые известные стихи Риммы Лавочкиной: «Клейзмер», «Мельница», «Арлекин» и, читанный потом в институтской аудитории перед Евгением Евтушенко немного печальный «Петрушкин».

А еще была тоска по «России, по Российской, по родной стране».

*Привезите нам баранки,
Ветер и грачей,
Привезите нам саранки,
Уголь из печей.*

Написанные самым русским, самым понятным размером стихи, хорошо запоминались, их ритм был таким же заводным, как и лирические герои — сказочные, ненастоящие, балаганные, веселые и плачущие одновременно.

Когда Римме исполнилось тридцать, она вернулась в Россию. Привезла ворох рассказов про Израиль, «колючий, размалеванный рай» и поэтические сборники, которых осталось немного. Биробиджан узнал про Петрушкина и прочих героев Риммы Лавочкиной.

Пока Римма жила в Израиле, в Биробиджане вышла самиздатовская книжица стихов «Солнце тебе». В ней напечаталась тогдашняя молодежь: Сергей Буньков, Марина Русова и, в том числе Римма Лавочкина. Правда, о своем участии

она не знала. Составители сами поместили в сборник те ее стихи, о которых Лавочкина давно забыла и не считала их хорошими. Увидев после возвращения книжку «Солнце тебе», ей стало стыдно — раннего творчества Римма теперь часто стеснялась.

Она устроилась диктором в ГТРК «Бира». На областном радио готовила передачи об известных российских поэтах, затем на студии телевидения появились ее авторская программа о творческой интеллигенции Биробиджана и гостях города, в частности, о поэтах Владивостока. В эти годы Римма вышла замуж за поэта Виталия Бурика, у них родилась дочь Риночка. Это уже второй ребенок в семье, первенцем был Сергей, теперь уже взрослый парень.

Римму ждала очередная дорога:

*Мешок вопросов, да в путь-дорогу...
Прощай, мой остров, я в гости к Богу!*

Живые классики

В Московском Литературном институте студенты часто называют друг друга «собратями по несчастью». Россия — единственная страна, где учат на поэтов и писателей и при этом не дают профессии. Ведь у «свободных литераторов» даже пенсии нет! И никто из преподавателей не гарантирует, что их научат писать талантливо. «Мы покажем вам дорогу, а дальше — сами...» — летите, голуби, летите!

Римма, окунувшись в творческую среду института, жутко влюбилась во всех сразу, особенно в преподавателей, среди которых немало известных ученых — по их учебникам занимаются юные филологи. Римму взяли на спецкурс Галины Седых, критика, инициатора появления журнала «Литературная учеба». Седых, прочитав стихи девушки из далекого Биробиджана, спросила: «У вас там все такие талантливые?» Она знала еще одну биробиджанскую поэтессу, получающую образование здесь же, в Литературном институте, — Тамару Сафарову. Читала стихи Виталия Бурика. Неужели все способные? Что за город такой? И еще Седых заметила: Римма сама — главный лирический герой своих стихов, будь то поезд, мельница, петрушка.... Римма в каждой строчке.

Кстати, Евтушенко понравились лишь немногие зачитанные студентами стихи. Похвалил только Римму, с чем биробиджанскую поэтессу поздравлял весь институт.

Римма хотела посмотреть на живого классика. Увидела Евгения Рейна. А еще попала на спецкурс, который вел уже совсем старый детский поэт Роман Сэф. Прочитала «Клейзмера». Сэф, будто чего-то не поняв, просил повторить. Потом еще. Затем сказал задумчиво: «Да, девочка, ты талантлива...»

Теперь уже не страшно думать о поэзии, о шатрах Шема. Хорошо, когда встречается такой человек, которому можно всерьез поверить, когда он, вдруг задумавшись, скажет самое главное: «Ты талантлив».

Содержание

В СТИЛЕ РЕТРО

Нина Филипкина

Золотые перья Биробиджана, или Эхо памятных встреч

Этюд первый. Дон Кихот по имени Володя	7
Этюд второй. Голубая мечта Бетцалела	12
Этюд третий. Из пекла боя — в бальзам поэзии	17
Этюд четвертый. Это теплое имя — Люба	22
Этюд пятый. С одного бережка на другой	27
Этюд шестой. Биробиджан мне снится по ночам	32
Этюд седьмой. Две нивы пахаря Романа	37
Этюд восьмой. И вечное преодоление	41
Этюд девятый. Все покоряется силе стихов	48

Валерий Панман

Письмо из детства	57
Строитель жизни	62
Шницель по-биробиджански	70

Федор Фетисов

Калиновка за униженных	75
Миллионы... в отвалах	83
А отвалы все растут	91
Судьбу брусита рассмотрел Госплан	103

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

Николай Немаев

<i>К 40-летию Карибского кризиса. Вдали от больших городов</i>	111
<i>К 60-летию Великой Победы. Они ушли в легенду</i>	120
<i>Ресурсы. Мягкий камень Хингана</i>	130

Людмила Чесмортан (Усова)

«Да, это я. И лошадь — моя»	137
«Это наше дворянское гнездо»	143
«Я просто баба Маша. Из Казанки»	151

Валерий Фоменко

Из хроники колхозных «заветов»	159
<i>70 лет ЕАО. Сыновья идут дальше</i>	168
Хранитель памяти	176

КОВЧЕГ АМУРСКИЙ

Михаил Клименков

Кредит на идею	187
Защита Семена Тымчевского	192
И снова зацветут сады	200

Ада Котова

Амурский ковчег	207
Умейте всем страхам в лицо рассмеяться	215
Пора листопада	223

Ирина Манойленко

Ключевой поворот	231
Родина с видом на жительство	238
Шесть кадров из жизни Михаила Шестопалова	245

Людмила Небурова

И жизни бег необратим	255
Торопись на доброе дело	263
Мертвые сраму не имут?	270

ДА ВОЗДАСТСЯ ДОБРОМ

Виктор Антонов

Стоящий у рубежа	279
Без фальши в сердце	286
Родные незнакомые черты	296

Александр Драбкин

Да воздастся добром	301
Жалостливая песня для взрослых	307
Не беспокойся! Они уже в раю	315

Татьяна Брехова

Личный лес — личный храм	323
Роман на одном листе	329
В шатрах у Шема	337

НЕ ВЕРЬ ТОМУ, ЧТО ГОВОРIT ПРОРОК...
Сборник очерков.

Сдано в печать 27.11.2007 г. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,00.

Тираж 500 экз. Заказ 815.

Отпечатано в Хабаровской краевой типографии.
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.